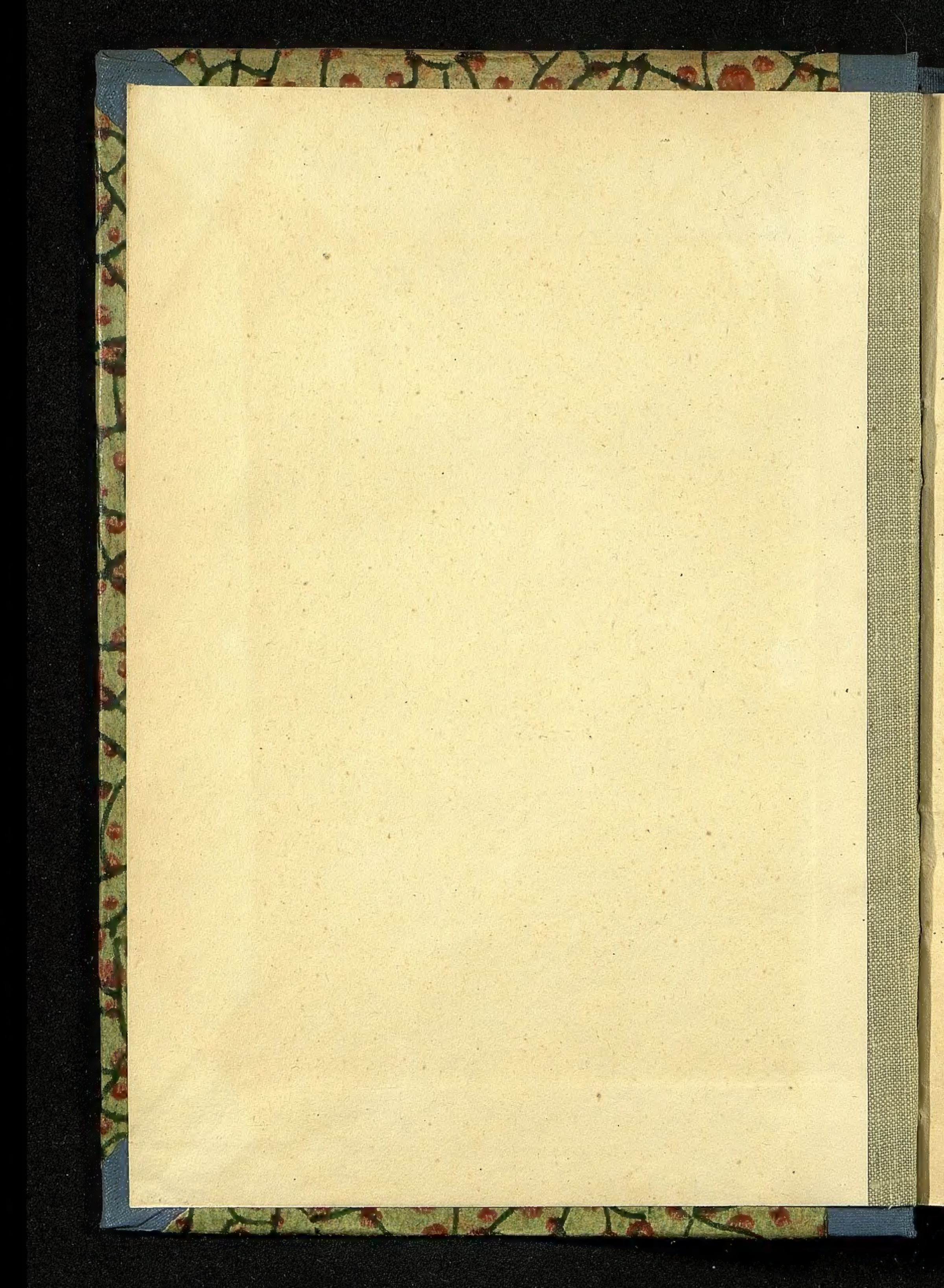
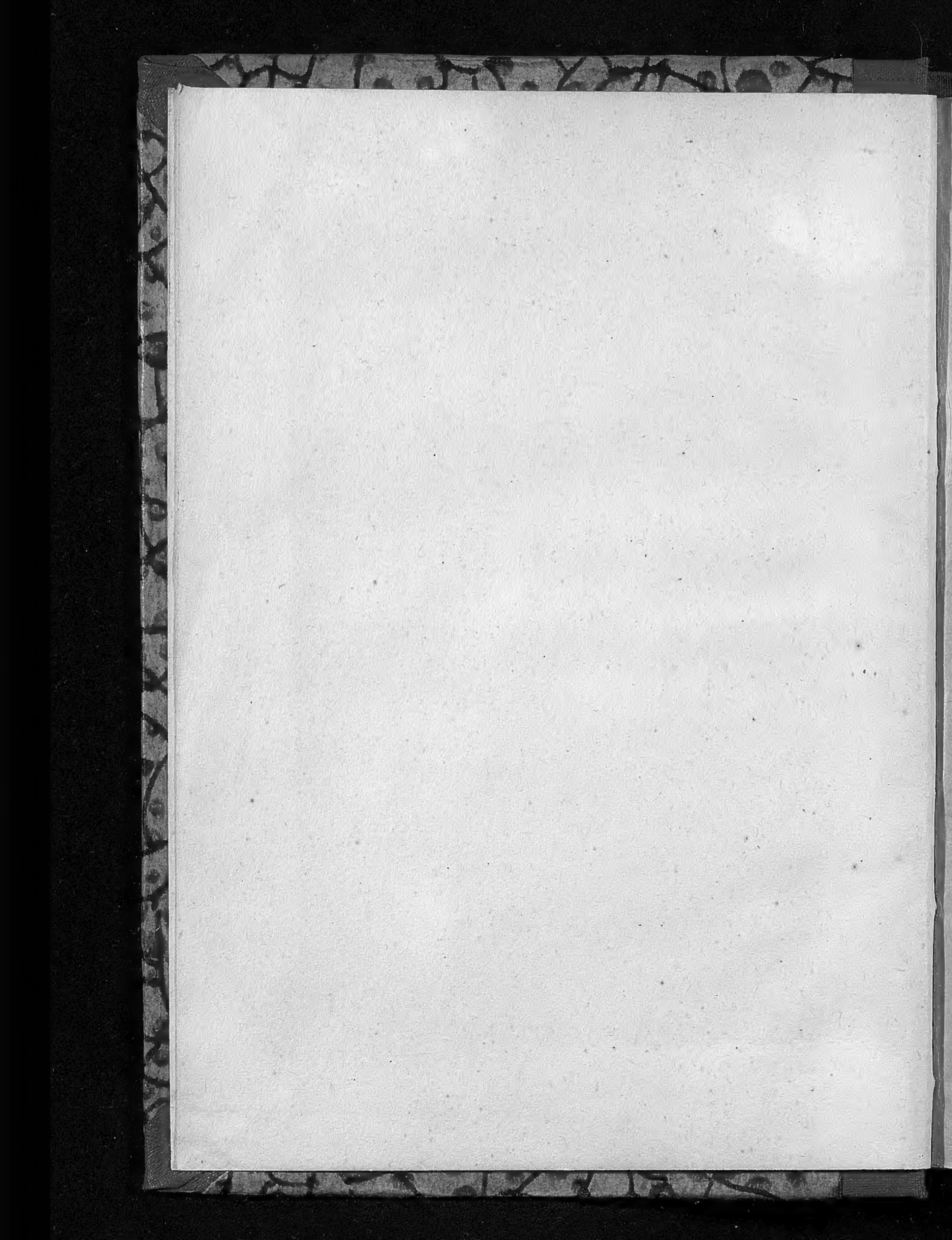

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА
1.

Вальтеръ Беджготъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ПОЛИТИКА

Мысли о примѣненіи началъ естественнаго подбора и наслѣдственности къ политическому обществу.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

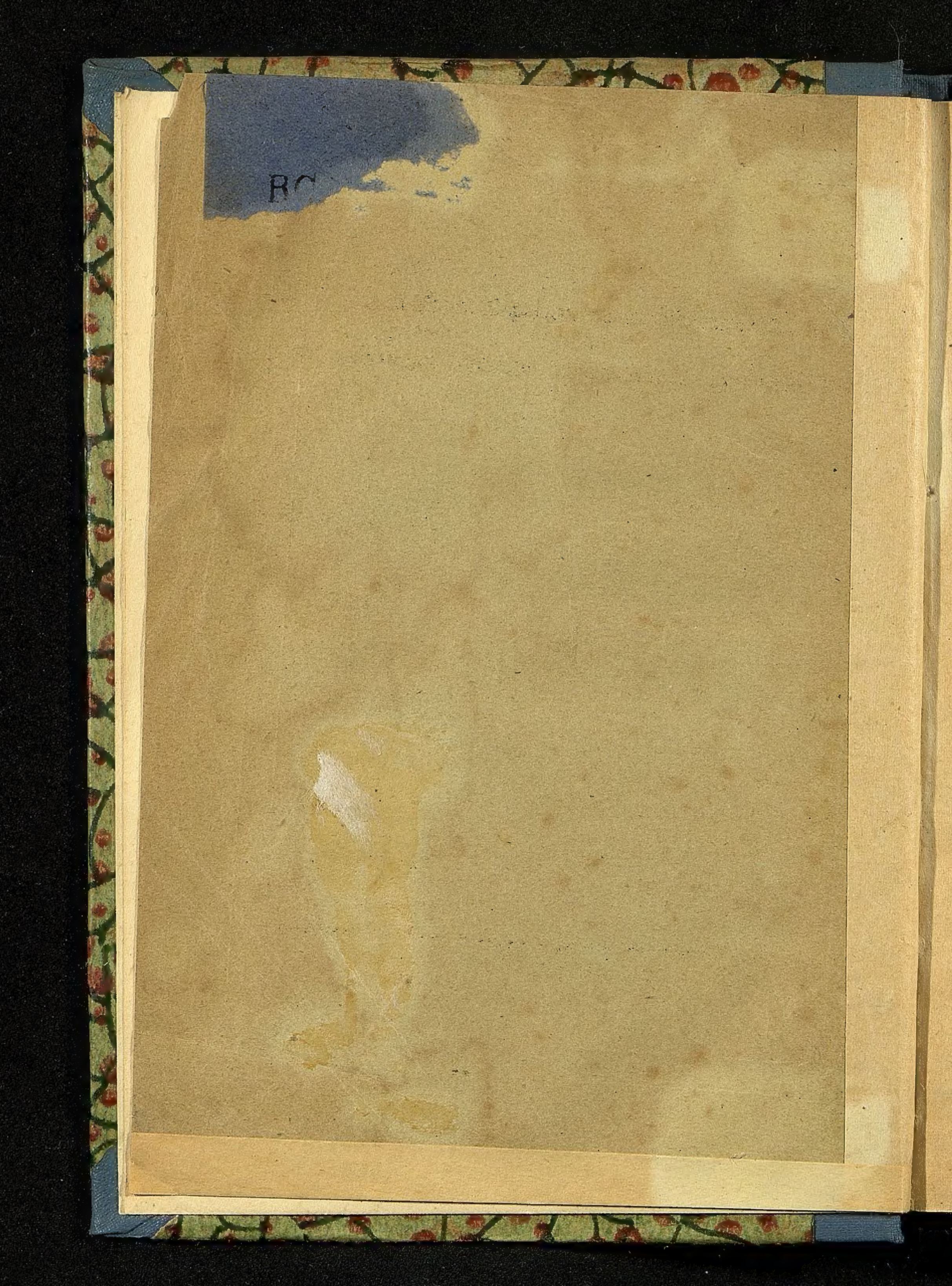
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Д. А. Коропчевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1874.

Изданіе редакціи журнала «Знаніе».

ОБЪ ИЗДАНІИ

МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

На съѣздѣ Британской Ассоціаціи для развитія наукъ въ 1871 г. въ Эдинбургѣ, въ виду болѣе полнаго единенія между научными дѣятелями и учеными работами, былъ впервые предложенъ планъ изданія: «*Международной Научной Библіотеки*», которая должна появляться *одновременно* на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Слѣдуя этому плану, *Международная Научная Библіотека* должна быть собраніемъ сочиненій о важнѣйшихъ вопросахъ новѣйшей положительной науки, имѣющихъ общій интересъ, т. е. касающихся наиболѣе живыхъ и современныхъ результатовъ научной мысли. Назначаемыя именно для общеобразованныхъ читателей, которые, не занимаясь спеціально естественными и общественными науками, желаютъ слѣдить за важнѣйшими работами въ ихъ области, всѣ сочиненія, входящія въ *М. Н. Б.*, должны излагаться общедоступнымъ языкомъ, изъ котораго исключены всѣ спеціальные термины, насколько это можетъ быть совмѣстимо съ научнымъ характеромъ изложенія. Исполненіе литературныхъ работъ для *М. Н. Б.* приняли на себя по взаимному соглашенію наи-

болѣе выдающіеся представители науки Англіи, Франціи и Германіи, и изданіе остается подъ непосредственнымъ контролемъ и наблюденіемъ комитета ученыхъ, избираемаго въ каждой странѣ.

Списокъ сочиненій входящихъ въ составъ *Международной Научной Библіотеки*, является въ настоящее время въ слѣдующемъ видѣ:

Англійскія сочиненія.

Тиндаль. Формы воды.

Б. Беджготъ. Естествознаніе и политика. Мысли о примѣненіи началъ естественнаго подбора и наслѣдственности къ политическому обществу.

Гёксли. Движеніе и сознаніе.

Гербертъ Спенсеръ. Изученіе соціологіи.

Уильямъ Карпентеръ. Основы физіологіи ума.

Рамсей. Рельефы земли: горы, долины, холмы, равнины, рѣки, озера, ихъ образованія и разрушенія.

Сэръ Дж. Лёббокъ. Древность человѣка.

Александръ Бэнъ. Ученіе объ отношеніяхъ между тѣломъ и духомъ.

Бальфуръ Стьюартъ. Сохраненіе силы.

Чарльтонъ Бастіанъ. Мозгъ, какъ органъ мысли.

Норманъ Локэйеръ. Спектральный анализъ.

Проф. Одлингъ. Новая химія.

Лаудеръ Линдсей. Умственныя способности низшихъ животныхъ.

Стэнли Дживонсъ. Логика статистики.

Беркли. Грибы, ихъ природа, значеніе и употребленіе.

Проф. М. Фостеръ. Протоплазма и теорія клѣточки.

Др. Генри Маудсли. Отвѣтственность въ болѣзненномъ состояніи.

Эдв. Смитъ. Питательныя вещества.

Др. Петтигрью. Хожденіе, плаваніе и летаніе.

Проф. Тизельтонъ Дэйеръ. Форма и общій видъ цвѣтущихъ растеній.

Проф. Кингдонъ Клиффордъ. Основныя начала точныхъ наукъ, изложенныя для незнакомыхъ съ математикой.

Французскія сочиненія.

Клодъ Бернардъ. Физическія и метафизическія явленія жизни.

С. Клеръ Девиль. Введеніе въ общую химію.

Эмиль Альглавъ. Элементы политическаго строя.

А. Катрфажъ. Негритянскія расы.

А. Вюрцъ. Атомы и атомистическія теоріи.

Бертело. Химическій синтезъ.

Лаказъ-Дютье. Зоологія со времени Кювье.

Фридель. Явленія въ органической химіи.

Ванъ-Бенеденъ. Паразиты животнаго царства.

Тэнъ. Ощущенія и воля.

Кетле. Значеніе среднихъ величинъ въ жизни человѣка.

Альфредъ Грандидье. Мадагаскаръ.

Дебрэ. Драгоцѣнные металлы.

Марей. Механика животнаго организма.

Нѣмецкія сочиненія.

Р. Вирховъ. Патологическая физіологія.

Бернштейнъ. Физіологія органовъ чувствъ.

Германъ. Физіологія дыханія.

Лейкартъ. Организація животныхъ.

Либрейхъ. Токсикологія.

Рейсъ. Чужеядныя растенія.

Розенталь. Общая физіологія нервовъ и мышцъ.

О. Шмидтъ. Теорія наслѣдственности и дарвинизмъ.

Ломмель. Оптическія явленія.

Штейнталь. Наука о языкѣ.

Вундтъ. О звукѣ.

Фогель. Химическія дѣйствія свѣта.
Конъ. Тайнобрачныя (водоросли, лишаи и грибы).

Американскія сочиненія.

Дана. Градація и прогрессъ жизни.
Джонсонъ. Питаніе растеній.
Остенъ-Флинтъ. Отправленія нервной системы.
Уитней. Современная лингвистика.

Этотъ списокъ постоянно будетъ пополняться.

Вступивши въ соглашеніе съ издателями *Международной Научной Библіотеки*, Гг. Кингомъ и К° въ Лондонѣ, Жерме-Бальеромъ въ Парижѣ и Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, на тѣхъ же основаніяхъ, какія существуютъ между ними, мы пріобрѣли возможность выпускать сочиненія, входящія въ *М. Н. Б.*, въ русскомъ переводѣ **одновременно** съ появленіемъ ихъ въ свѣтъ въ оригиналѣ, въ томъ же форматѣ и съ тѣми же рисунками. При этомъ редакція, оставляя за собой право выбора, будетъ издавать на русскомъ языкѣ только тѣ изъ нихъ, появленіе которыхъ будетъ соотвѣтствовать потребностямъ русской научной литературы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы получаемъ право включить въ этотъ рядъ сочиненія на русскомъ языкѣ. Рѣшеніе относительно ихъ выбора будетъ принадлежать комитету русскихъ ученыхъ, который имѣетъ быть составленъ въ непродолжительномъ времени. О составѣ Комитета и объ избранныхъ имъ сочиненіяхъ будетъ публиковано въ непродолжительномъ времени.

Издатели: **Д. А. Коропчевскій.**
И. А. Гольдсмитъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ

въ 1874 году

НАУЧНАГО И КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕССКАГО ЖУРНАЛА

„ЗНАНІЕ“

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Въ **1874** году журналъ «**Знаніе**» издается ежемѣсячными книжками, въ объемѣ отъ 15 до 20 и болѣе листовъ, по прежней оффиціально утвержденной программѣ:

I. Научный отдѣлъ, состоящій: а) изъ оригинальныхъ и переводныхъ статей по новѣйшимъ вопросамъ наукъ математическихъ, физико-химическихъ и біологическихъ, съ отдѣломъ антропологіи въ обширномъ смыслѣ слова, и б) изъ сообщеній, въ формѣ научныхъ хроникъ, о главнѣйшихъ работахъ и открытіяхъ въ области упомянутыхъ наукъ. **II. Отдѣлъ прикладныхъ знаній.** Въ этомъ отдѣлѣ журналъ: а) занимается изученіемъ явленій жизни человѣка, какъ члена общества, насколько эти явленія могутъ служить объектомъ научнаго изслѣдованія, и б) знакомитъ читателя съ тѣми данными, которыя представляетъ наука для улучшенія практической жизни человѣка. **III. Критика и библіографія.** Резенціи замѣчательнѣйшихъ произведеній, относящихся къ предъидущимъ отдѣламъ, и **библіографическій указатель. IV. Новости.** Сюда войдутъ: а) мелкія

извѣстія и замѣтки о вопросахъ, соотвѣтствующихъ задачамъ журнала, не вошедшія въ предъидущіе отдѣлы, и б) частныя объявленія. Изъ всѣхъ отдѣловъ этой программы редакція предполагаетъ дать преимущественное развитіе отдѣламъ **антропологіи въ обширномъ смыслѣ слова и научнаго изученія общественныхъ явленій.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА ВЪ ГОДЪ:

Безъ доставки и пересылки . . . . . **12** руб.
Съ доставкой на домъ въ С.-Петербургѣ **13** »
Съ пересылкою въ другіе города . . . **13** » 50 коп.

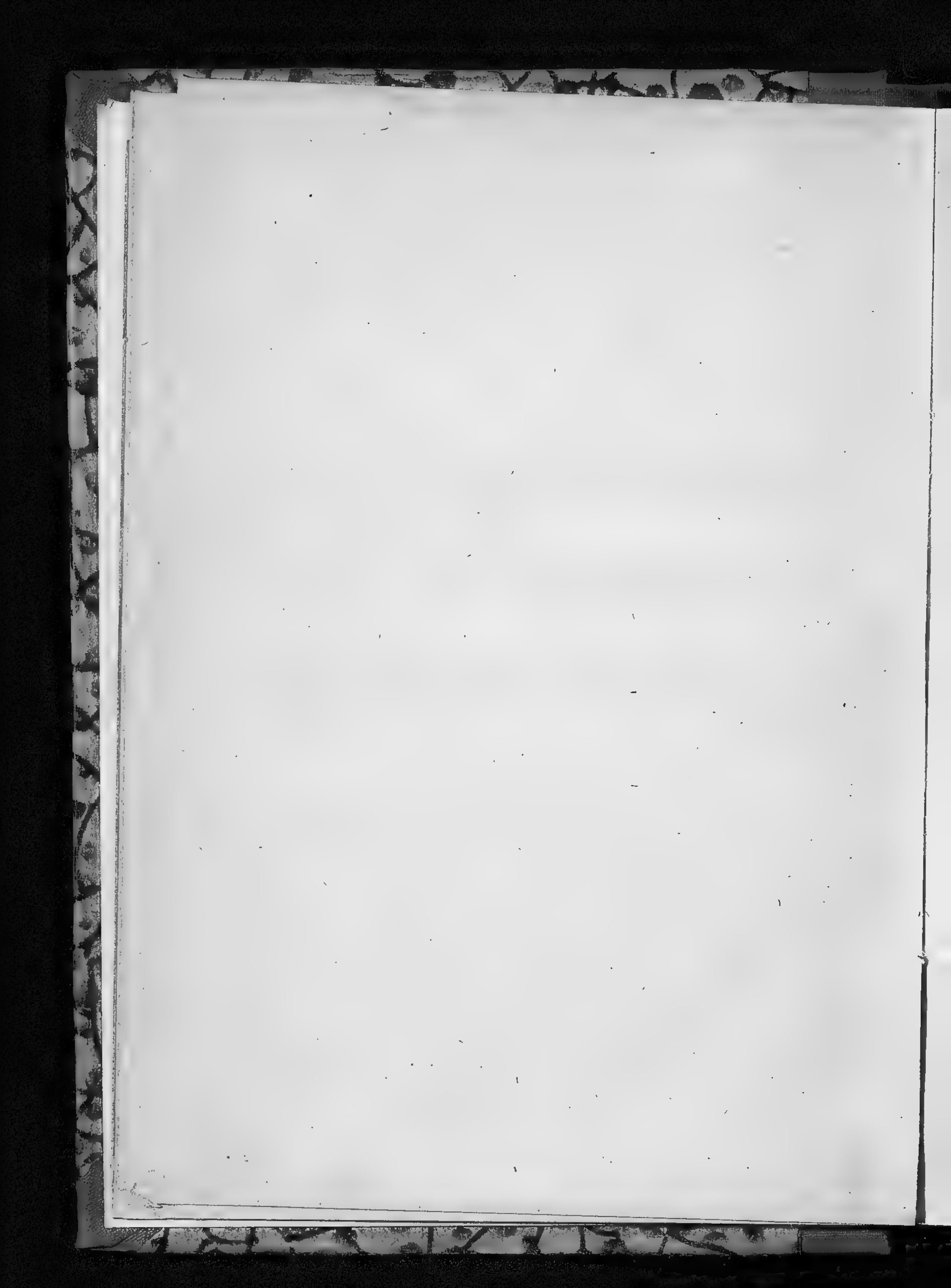
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербурѣ — въ книжномъ магазинѣ **Черкесова**, Невскій, д. № 54; въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ **И. Г. Соловьева**, Страстной бульваръ, д. Алексѣева.

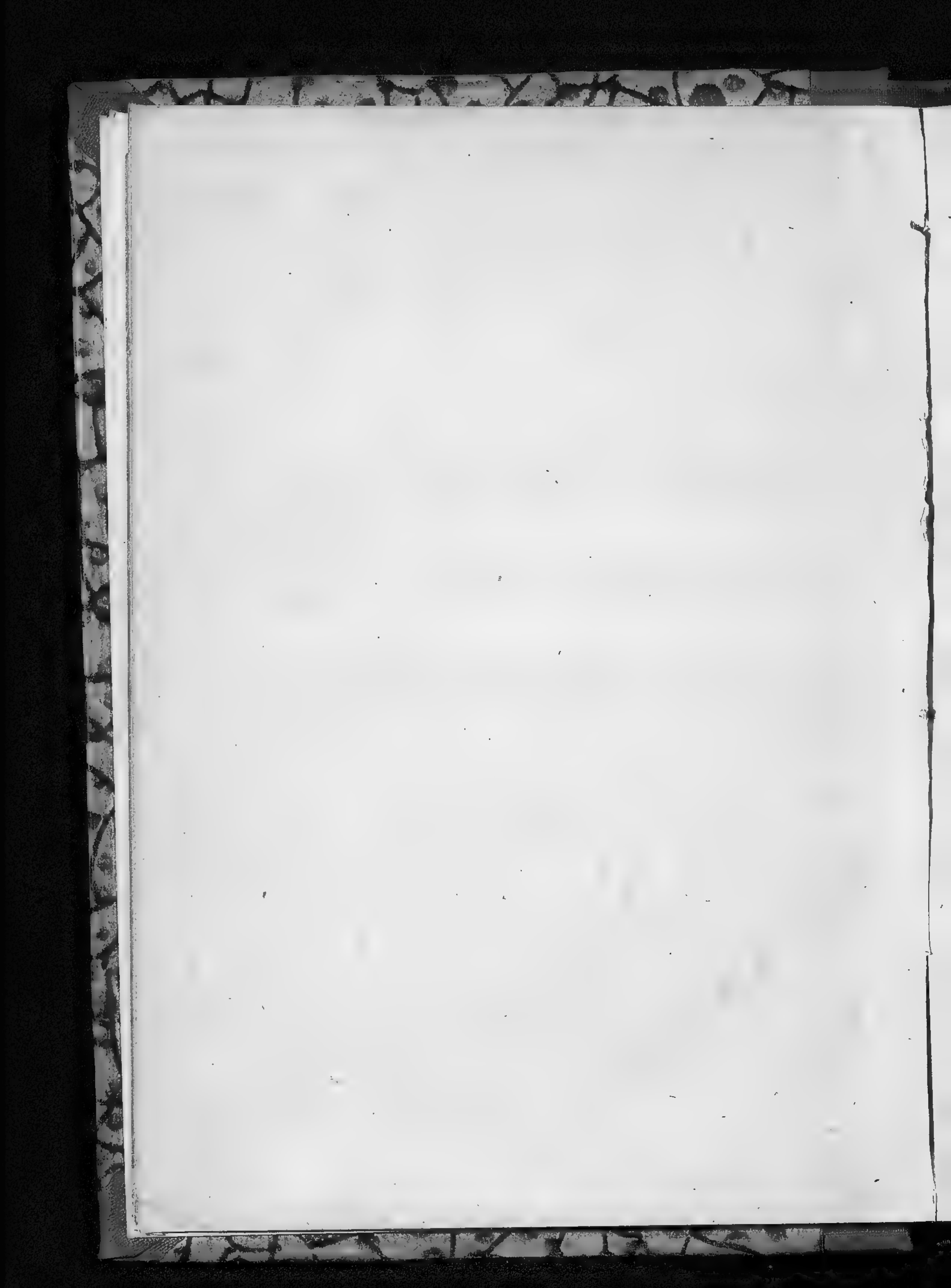
Иногородные подписчики благоволятъ обращаться **исключительно** въ редакцію журнала «**Знаніе**», С.-Петербургъ, Литейная, д. № 62. кв. № 15.

Гг. подписчики журнала «Знаніе» пользуются уступкою 20% на всѣ сочиненія Международной Научной Библіотеки и прежнія изданія ред. журн. «Знаніе». Заявляющимъ о своемъ желаніи получить какое-либо изъ сочиненій М. Н. Б. оно будетъ выслано тотчасъ же по выходѣ.

Редакторъ профессоръ *П. А. Хлѣбниковъ.*
Издатели: *Д. А. Коропчевскій.*
И. А. Гольдсмитъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ПОЛИТИКА.

Вальтеръ Беджготъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ПОЛИТИКА

Мысли о примѣненіи началъ естественнаго подбора и наслѣдственности къ политическому обществу.

Переводъ съ англійскаго

подъ редакціею

Д. А. Коропчевскаго.

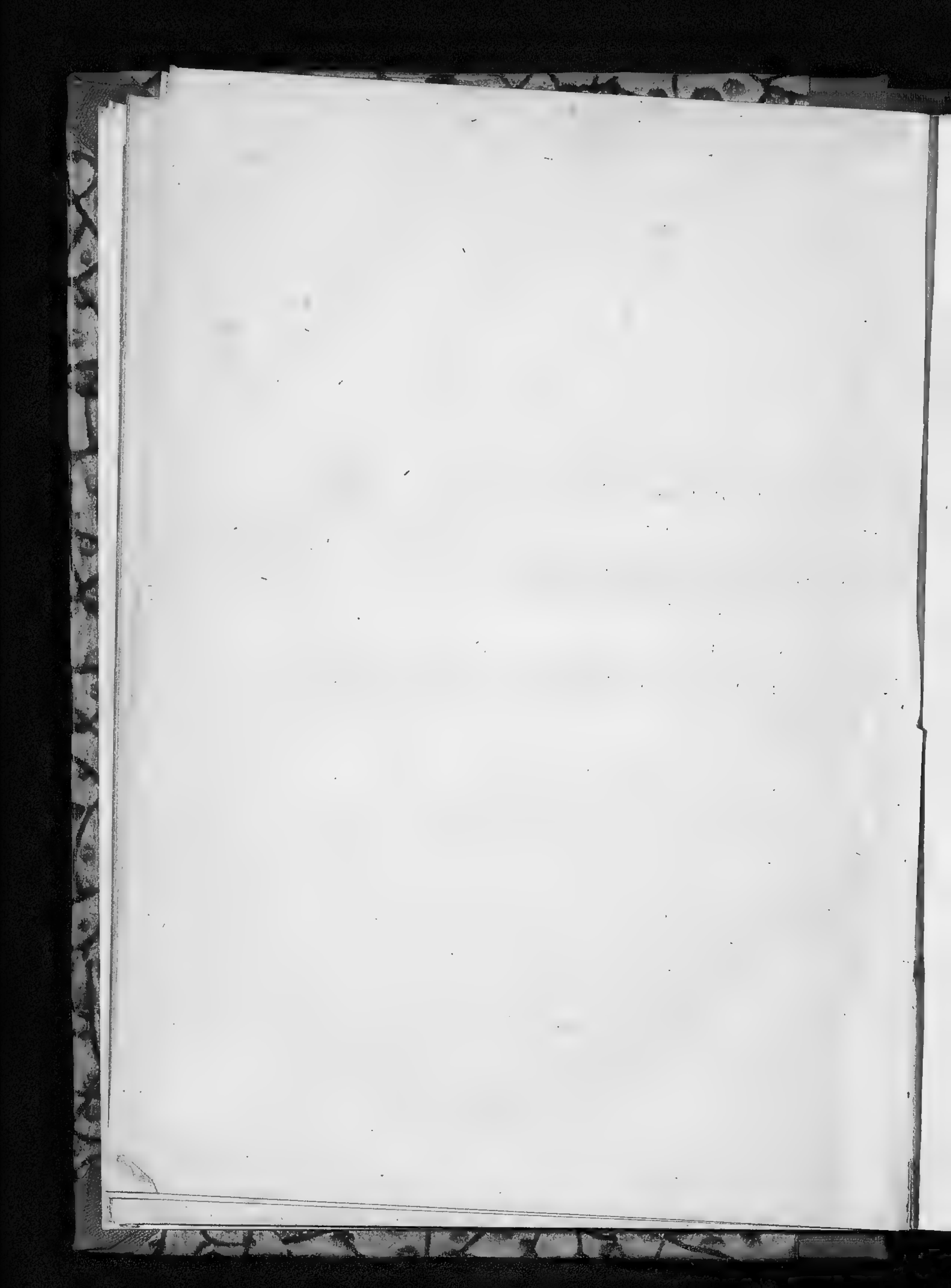
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе редакціи журнала «Знаніе».
1874.

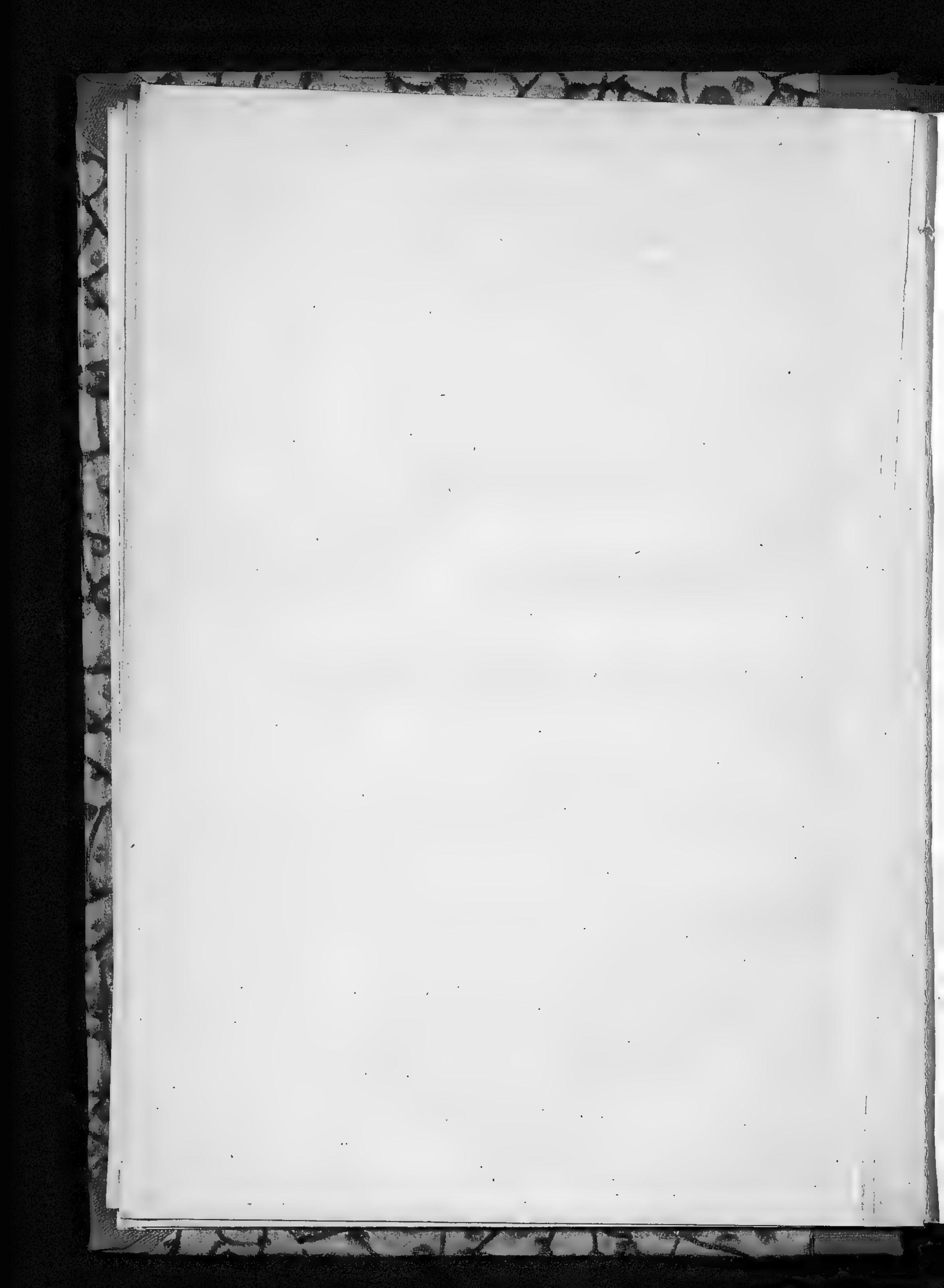
Тип. В. Демакова. Новый пер., д. № 7.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ ЭПОХА.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ПОЛИТИКА.

I.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ ЭПОХА.

Одну изъ отличительныхъ особенностей нашего времени составляетъ быстрое пріобрѣтеніе множества естественно-научныхъ знаній. Врядъ ли отыщется теперь хотя одинъ отдѣлъ науки или техники, который находился бы въ томъ же, или почти томъ же состояніи, какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Новый видимый міръ изобрѣтеній, желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ выросъ около насъ; другой, невидимый міръ идей, носится кругомъ и дѣйствуетъ на насъ. Для полной оцѣнки всѣхъ этихъ результатовъ потребовалось бы цѣлое огромное сочиненіе, и, конечно, не въ моихъ силахъ было бы написать его. Но, мнѣ кажется, будетъ не безполезно, если я, хотя въ краткихъ очеркахъ, укажу, съ одной или нѣсколькихъ сторонъ, какъ новыя идеи дѣйствуютъ измѣняющимъ образомъ на двѣ науки прежняго вре-

мени: политику и политическую экономію. Впрочемъ, даже и относительно этихъ сторонъ, изложеніе мое будетъ неполно, потому что предметъ слишкомъ новъ. Во всякомъ случаѣ я представлю нѣсколько выводовъ, и такимъ образомъ покажу, что́ остается сдѣлать тамъ, гдѣ всего самъ я сдѣлать не могу.

Еслибы потребовалось указать на наиболѣе выдающіеся результаты современной мысли, или даже, пожалуй, на самый выдающійся результатъ ея, мы могли бы сказать, что онъ состоитъ въ стремленіи за всякимъ разсматриваемымъ предметомъ видѣть его древнѣйшее состояніе. Когда въ прежнія времена наши предки представляли себѣ антикварія, они описывали его занятымъ разными монетами, медалями, друидическими камнями; таковы были въ то время наиболѣе характерическіе остатки доступнаго человѣческому взгляду прошедшаго, и люди, изучавшіе это прошедшее, должны были заниматься именно такими остатками. Но теперь мы имѣемъ дѣло съ иного рода древностями, или—на самомъ дѣлѣ — у насъ *все* обращается въ древность. Наука пытается относительно каждаго комка земли опредѣлить причины, которыя сдѣлали его именно тѣмъ, что́ онъ есть, и знаетъ, что дѣйствовавшія въ этомъ случаѣ силы также положили на него отпечатокъ, какъ рука или геній художника на какую нибудь классическую камею. Было бы утомительно (да и безпо-

лезно для моихъ цѣлей) перечислять здѣсь тѣ остроумные вопросы, которые геологія задаетъ той или другой части земнаго шара, заставляя ее разсказать намъ хотя немногое изъ своей исторіи; но отвѣты земли на этотъ вопросъ оставались бы для насъ непонятными, еслибы физіологія, конхіологія и сотни другихъ подобныхъ наукъ не оказывали своего содѣйствія. Эти вспомогательныя науки составляютъ для нынѣшняго археолога то же, чѣмъ нѣкогда были древніе языки для антикварія; онѣ возсоздаютъ тѣ слова, которыя онъ открываетъ, и вносятъ въ изображаемую имъ картину полноту, разнообразіе и жизнь, даже тогда, когда сообщаемыя ими подробности, повидимому, не имѣютъ особой важности. По отношенію къ настоящему труду, особеннаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что, въ глазахъ современной науки, самъ человѣкъ обратился въ „антикъ". Наука старается прочитать, принялась уже читать и сознаетъ, что *должна* прочесть въ строеніи каждаго человѣка исторію всей его прошедшей жизни, узнать по этому строенію что́ онъ такое и что́ сдѣлало его такимъ, прослѣдить исторію всѣхъ его предковъ, и опредѣлить каковы они были и отчего были именно такими. Каждый нервъ хранитъ, такъ сказать, память о своей прошедшей жизни: онъ приспособлялся къ дѣятельности, или нѣтъ, и соотвѣтственно этому притуплялся или получалъ бо́льшую жизнен-

*

ность; каждая черта лица является либо оформленною и характеристичною, либо осталась неопредѣленною и безъ выраженія; на каждой рукѣ сохраняются различные слѣды ея дѣятельности и жизни, смотря по тому, надъ чѣмъ она трудилась, — *лишь бы мы все это сумѣли прочитать*.

Можно замѣтить, что въ этихъ разсужденіяхъ нѣтъ ничего новаго; что мы и безъ того знаемъ какое вліяніе имѣетъ прошедшее человѣка на его будущее; что каждому извѣстно стремленіе человѣка походить на своихъ предковъ; что существованіе національныхъ особенностей есть избитая истина, и что каждый разъ, когда мыслитель не въ состояніи чего нибудь объяснить, онъ смѣло приписываетъ это нѣкоторому особому свойству расы. Но естествознаніе должно не только указать наслѣдственный элементъ, но и объяснить его; оно должно дать намъ точное обозначеніе того, чего мы вправѣ ожидать, и показать, почему именно мы можемъ ожидать этого. Посмотримъ же, что́ говоритъ намъ на этотъ счетъ наука. При этомъ мы постараемся выражаться словами самихъ спеціалистовъ; это необходимо прежде всего для большей увѣренности въ совершенной точности нашихъ ссылокъ; кромѣ того, намѣреваясь приложить эти начала къ спеціальному предмету моихъ изслѣдованій, я желаю показать читателю, что не подгоняю посылокъ къ умозаключеніямъ.

Во-первыхъ, по отношенію къ особи, мы узнаемъ слѣдующее [1]):

„Даже когда мозговыя полушарія цѣлы и находятся въ полномъ обладаніи своими способностями, головной мозгъ можетъ порождать такія же вполнѣ рефлективныя дѣйствія, какъ тѣ, которыя порождаются спиннымъ мозгомъ.

„Когда вѣки мигаютъ при яркомъ свѣтѣ или ударѣ, угрожающемъ глазу, то является отраженное дѣйствіе, въ которомъ зрительные нервы имѣютъ значеніе центростремительныхъ, а личные центробѣжныхъ. Путемъ того же двигательнаго нерва (личного) происходитъ отраженное дѣйствіе, когда дурной запахъ вызываетъ гримасу; въ этомъ случаѣ центростремительными путями служатъ обонятельные нервы. Такимъ образомъ, въ этихъ случаяхъ рефлективное дѣйствіе обусловливается мозгомъ, такъ какъ всѣ дѣйствующіе при этомъ нервы принадлежатъ къ головнымъ.

„Когда при сильномъ шумѣ вздрагиваетъ все тѣло,— центростремительный слуховой нервъ производитъ импульсъ, который идетъ въ продолговатый мозгъ и оттуда приводитъ въ дѣйствіе бо́льшую часть двигательныхъ нервовъ тѣла.

„Можно сказать, что всѣ эти явленія имѣютъ значе-

---

[1]) *Гексли*: «Уроки элементарной физіологіи». Пер. съ пред. Писарева, стр. 371—374.

ніе простыхъ механическихъ пріемовъ и не представляютъ ничего общаго съ тѣми дѣйствіями, которыя мы приписываемъ разуму. Но разсмотримъ, что́ происходитъ, напримѣръ, при чтеніи вслухъ. Въ этомъ случаѣ все вниманіе обращено или должно быть обращено на предметъ, о которомъ говорится въ книгѣ; но при этомъ происходитъ еще множество самыхъ утонченныхъ мышечныхъ дѣйствій, совершенно ускользающихъ отъ сознанія читающаго. Такъ, книга держится рукою на опредѣленномъ разстояніи отъ глазъ, глаза движутся слѣва на право, справа на лѣво и сверху внизъ страницы. Далѣе, въ воспроизведеніи рѣчи участвуютъ быстрыя и весьма тщательно приспособленныя къ этому движенія мускуловъ языка, губъ, глотки, гортанныхъ и дыхательныхъ. Читающій можетъ стоять и сопровождать свое чтеніе соотвѣтственными жестами, и каждое его мышечное дѣйствіе можетъ быть производимо вполнѣ безсознательно, такъ что до сознанія будетъ доходить только смыслъ словъ, находящихся въ книгѣ. Другими словами, всѣ эти дѣйствія рефлективныя.

„Рефлективныя дѣйствія спиннаго мозга *естественны* и обусловливаются самымъ его строеніемъ и свойствами составныхъ его частей. При помощи головнаго мозга, мы можемъ получить безконечное число *искусственныхъ* рефлективныхъ дѣйствій. Это значитъ, что дѣйствія, для совершенія которыхъ въ первый, во второй, или

въ третій разъ намъ необходимо употребить все наше вниманіе и волю, при частомъ повтореніи становятся наконецъ частью нашей организаціи и совершаются помимо нашей воли и даже безсознательно.

„Каждому извѣстно, что солдаты не скоро выучиваютъ военные пріемы и долго не могутъ, напримѣръ, стать въ надлежащее положеніе въ самый моментъ произнесенія команды: „смирно!" Но по прошествіи нѣкотораго времени звуки словъ вызываютъ дѣйствія мгновенно, все равно—думаетъ ли солдатъ о командѣ или нѣтъ. Разсказываютъ — и это весьма правдоподобно,— что какой-то злой шутникъ, завидѣвъ отставнаго служаку, несшаго домой обѣдъ, вдругъ вскрикнулъ: „смирно!" Солдатъ разомъ протянулъ руки по швамъ, а баранина съ картофелемъ полетѣли въ лужу. Воинская выправка, какъ видно, вполнѣ достигла цѣли и вліяніе ея воплотилось въ нервную систему солдата.

„Возможность всякой выучки (военная выправка только одинъ изъ ея видовъ) основана именно на этой способности нервной системы превращать сознательныя дѣйствія въ дѣйствія болѣе или менѣе безсознательныя, или рефлективныя. Можно принять за правило, что если какія нибудь два умственныя состоянія вызываются вмѣстѣ, или одно за другимъ, достаточно часто и энергически, то впослѣдствіи произведеніе одного изъ нихъ будетъ тотчасъ же вызывать другое, все равно—желаемъ ли мы этого или нѣтъ."

Такимъ образомъ организмъ человѣка вслѣдствіе выправки измѣняется и отличается отъ организма того, кто не прошелъ той же школы; въ немъ является запасъ способностей и пріобрѣтенныхъ свойствъ, которыя затѣмъ обнаруживаются уже помимо сознанія.

Во-вторыхъ, относительно расы, другой авторитетъ говоритъ [1]): „Вся человѣческая жизнь представляетъ прогрессивное развитіе нервной системы, нисколько не уступающее тому развитію, которое совершается въ материнской утробѣ, хотя и происходящее внѣ ея. Постоянно замѣчаемое превращеніе движеній, произвольныхъ вначалѣ, въ движенія автоматическія, какъ ихъ называетъ Гертли, зависитъ отъ постепенно совершающагося процесса организаціи; и каждый разъ, когда мы встрѣчаемъ координированныя дѣйствія, мы можемъ быть увѣрены, что имѣемъ дѣло съ постепенно накопившеюся въ организмѣ способностью, врожденною или пріобрѣтенною.

„Чтобы убѣдиться въ справедливости предыдущихъ замѣчаній, нужно обратить вниманіе на способъ, которымъ пріобрѣтенная родителями способность иногда передается дѣтямъ, какъ наслѣдіе, инстинктъ или врожденный даръ. Способность, которая была пріобрѣтаема съ трудомъ и сохранялась въ статическомъ состояніи

---

[1]) *Maudsley*, Physiology and Pathology of the Mind, p. 73.

въ одномъ поколѣніи, проявляется въ видѣ врожденной способности въ слѣдующемъ поколѣніи. Развитіе совершается здѣсь согласно тому общему закону возрастанія специализаціи и сложности приспособленія къ внѣшнимъ условіямъ, который можно прослѣдить во всемъ животномъ царствѣ вообще; иначе говоря,—согласно тому закону прогрессивнаго перехода отъ общаго къ частному, который выясняется появленіемъ нервной силы въ ряду другихъ силъ природы и выработкою сложной нервной системы человѣка. Жизненная сила, такъ сказать, сосредоточиваетъ въ себѣ второстепенныя силы и можетъ считаться развитіемъ этихъ послѣднихъ; нервная сила обнаруживается вслѣдствіе поглощенія и сконцентрированія болѣе простыхъ и общихъ силъ въ болѣе спеціальный и сложный родъ силы,—точно также и въ развитіи нервной системы совершается дальнѣйшая спеціализація, и въ ряду послѣдовательныхъ поколѣній, и втеченіе единичной жизни особи. Во всякомъ случаѣ, если мы желаемъ достигнуть полной истины, мы не должны ограничиваться наблюденіями надъ жизнью отдѣльной личности, такъ какъ личность—не болѣе какъ одно изъ звеньевъ въ непрерывной цѣпи существъ, связующихъ прошедше съ будущимъ. Индивидуумъ настоящаго времени есть не что иное, какъ необходимый продуктъ предшествовавшихъ индивидуумовъ, и только изученіе этихъ послѣднихъ

приводитъ къ уразумѣнію перваго. Поэтому когда мы встрѣчаемъ какую нибудь врожденную способность, мы не должны на этомъ останавливаться, а напротивъ, должны обратиться къ прошедшему, прослѣдить въ немъ рядъ причинъ и слѣдствій, и такимъ образомъ опредѣлить, если возможно, способъ происхожденія этой способности. Это тѣмъ болѣе необходимо, когда приходится имѣть дѣло съ низшими животными, у которыхъ такъ много врожденнаго."

Частные законы наслѣдственности остаются пока неразъясненными. Очевидно только одно (а это одно и нужно для моей цѣли), что существуетъ наклонность, возможность,—бо́льшая или меньшая, смотря по обстоятельствамъ, но всегда значительная,—вслѣдствіе которой потомки цивилизованныхъ родителей будутъ, въ силу врожденныхъ свойствъ нервнаго строенія, болѣе способны къ развитію, чѣмъ потомки неразвитыхъ родителей; и это стремленіе усиливается въ возрастающей прогрессіи въ ряду нѣсколькихъ послѣдовательныхъ поколѣній.

Тотъ, кто еще не усвоилъ себѣ этого представленія о наслѣдственномъ нервномъ элементѣ (усвоить же его не такъ легко), едва ли можетъ уразумѣть „связующую ткань" цивилизаціи. Въ этомъ элементѣ мы имѣемъ непрерывно дѣйствующую силу, которая связуетъ послѣдовательныя эпохи и даетъ каждому новому періоду нѣкоторыя преимущества надъ предше-

ствующимъ, если этотъ послѣдній также былъ періодомъ развитія; благодаря этой силѣ, цивилизація является не рядомъ безсвязныхъ точекъ, а непрерывною цвѣтною линіей съ постепенно усиливающимися оттѣнками. Согласно этому ученію, существуетъ физическая причина для развитія послѣдовательныхъ поколѣній, и невозможно, чтобы умъ, однажды усвоивъ это понятіе, могъ потомъ позабыть его. Но пока мы не поймемъ значенія этой силы, разсматривая ее съ матеріальной стороны, пока не въ состояніи будемъ ясно представить себѣ, какимъ образомъ она, играя, такъ сказать, на человѣческихъ нервахъ, производитъ посредствомъ болѣе и болѣе деликатныхъ струнъ все болѣе и болѣе стройную музыку, — до тѣхъ поръ мы не поймемъ начала наслѣдственности, ни его тайнъ, ни его могущества.

Вышеизложенныя начала совершенно независимы отъ какихъ бы то ни было теорій относительно природы вещества и духа. Они будутъ истинны при всякой теоріи,—и если духъ принимается только дѣйствующимъ на вещество, оставаясь отъ него независимымъ и отличаясь отъ него по сущности; и если, согласно теоріи епископа Беркли, вещества вовсе нѣтъ, а существуетъ только духъ, и если, наоборотъ, духа нѣтъ, а имѣется только вещество; и если, наконецъ, принимать еще болѣе затѣйливую теорію, часто выставляемую въ послѣд-

нее время, именно, что духъ и вещество суть не болѣе, какъ различныя проявленія третьяго нѣчто,—неизвѣстнаго бытія, или силы. Ни одна изъ этихъ теорій не отвергаетъ того, что называемое нами веществомъ вліяетъ на то, что мы называемъ духомъ; а то, что мы называемъ духомъ, дѣйствуетъ на то, что мы называемъ веществомъ; всѣ эти теоріи даютъ только различныя истолкованія этому факту. Между тѣмъ, для того ученія, о которомъ я говорю, только этотъ фактъ и нуженъ. Духъ нашъ, какимъ-то неизвѣстнымъ путемъ, дѣйствуетъ на наши нервы, которые, также неизвѣстнымъ образомъ, поглощаютъ и сохраняютъ въ себѣ результаты этихъ дѣйствій,—и эти результаты обыкновенно переходятъ къ потомкамъ. Такіе основные факты согласимы со всякою теоріей; они всѣми теоріями признаются и объясняются по мѣрѣ силъ.

Эти простыя начала точно также вполнѣ независимы и отъ вѣковаго спора насчетъ свободы воли и необходимости. Каждый приверженецъ ученія о свободной волѣ знаетъ, что спеціальная сила, именуемая свободной волей, дѣйствуетъ на силы тѣлеснаго организма, предшествующія ей во времени; никто не воображаетъ ее себѣ въ видѣ дѣятеля, дѣйствующаго въ пустотѣ, а напротивъ, въ видѣ дѣятеля, вліяющаго на другихъ дѣятелей. Каждый, кто убѣжденъ, что воля свободна, согласится, что если склонить человѣческія побужденія въ извѣстную сто-

рону, то и людскіе поступки будутъ склоняться туда же. Хорошія побужденія или, точнѣе, хорошіе импульсы въ большинствѣ случаевъ исходятъ отъ хорошаго организма; дурныя побужденія или импульсы—отъ дурнаго организма. Тотъ, кто вѣритъ въ свободу воли, такъ же какъ и тотъ, кто не вѣритъ въ нее, одинаково должны допустить, что лучшія физическія условія ведутъ къ улучшенію человѣческихъ поступковъ, тогда какъ дурныя условія ведутъ къ ухудшенію ихъ. Никто изъ защитниковъ свободной воли не ожидаетъ встрѣтить въ St.-Giles тоже самое, что находитъ въ Бельгравіи; всѣ одинаково принимаютъ нервную систему какъ *данное* для воли, хотя и думаютъ, что воля есть нѣчто необыкновенное, приходящее извнѣ. Безспорно, современное ученіе о „сохраненіи силы", проведенное послѣдовательно, несогласимо съ свободой воли: если допустить, что запасъ силы остается неизмѣннымъ, нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ утверждать, чтобы въ свободномъ хотѣніи реально выигрывалось что-то, чтобы при этомъ создавалась, такъ сказать, новая сила. Но намъ здѣсь нѣтъ дѣла до общаго начала „сохраненія силы". Представленіе о томъ, что нервные органы суть хранилища силъ, порождаемыхъ волею, не должно приводить къ такимъ обширнымъ разсужденіямъ и не нуждается въ нихъ.

Еще менѣе общаго имѣютъ эти начала съ теоріей Бокля, по которой матеріальныя силы суть главныя пру-

жины прогресса, нравственныя же не болѣе какъ второстепенные дѣятели, сравнительно не имѣющіе значенія. Напротивъ, здѣсь нравственныя причины занимаютъ первое мѣсто: дѣйствія воли порождаютъ безсознательныя привычки; непрерывныя усилія, сдѣланныя вначалѣ, создаютъ впослѣдствіи запасъ энергіи; упорный трудъ прежнихъ поколѣній передается послѣдующимъ въ видѣ особой способности. Здѣсь не физическія силы порождаютъ нравственныя, а наоборотъ, нравственныя создаютъ физическія: основаніе кладется болѣе высокой энергіей, сохраненіе же и передача совершаются при помощи энергіи низшаго порядка. Но если придерживаться этихъ началъ, становится ясной возможность *науки исторіи*,—по выраженію Бокля; науки, имѣющей цѣлью познать законы стремленій (создаваемыхъ духомъ и передающихся черезъ посредство тѣла), стремленій, дѣйствующихъ на волю человѣка и руководящихъ ею изъ вѣка въ вѣкъ.

II.

Но какимъ образомъ эти начала могутъ измѣнять философію обществознанія? По моему мнѣнію, различнымъ образомъ, и во-первыхъ слѣдующимъ. Наиболѣе систематическій и точный отдѣлъ этой науки есть политическая экономія; между тѣмъ, руководствуясь вышеизложеннымъ и углубляясь въ прошедшее, мы можемъ притти къ нѣкоторой „до-экономической“ эпохѣ, когда указываемое нынѣшней политической экономіей не существовало, когда соблюденіе ея предписаній было бы даже гибельно и когда были потребны и разумны совершенно обратныя правила.

Чтобы доказать это, вовсе нѣтъ надобности обращаться къ той отдаленной эпохѣ, которую начинаетъ намъ обрисовывать этнологія—къ каменному вѣку, вѣку кремневыхъ орудій и кухонныхъ остатковъ. Время, къ которому я обращусь, есть періодъ именно предшествовавшій разсвѣту исторіи, или точнѣе, современный

этому разсвѣту, такъ какъ первые историки еще были свидѣтелями этого состоянія общества, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, они видѣли и другое, болѣе совершенное состояніе,—къ періоду, точно описанному самими очевидцами и котораго остатки и послѣдствія сохранились во множествѣ въ древнѣйшихъ законодательствахъ. Сэръ Генри Мэнъ, величайшій изъ современныхъ юристовъ, быть можетъ, единственный, произведенія котораго согласуются съ началами здравой философіи, говоритъ: „Сравнительное законовѣдѣніе приводитъ къ заключенію, что воззрѣнія касательно первобытнаго состоянія человѣческаго рода, извѣстныя подъ именемъ теоріи патріархальныхъ отношеній, совершенно справедливы. Нѣтъ сомнѣнія, что эта теорія была первоначально построена на свидѣтельствахъ Св. Писанія, относящихся къ исторіи еврейскихъ патріарховъ. Но, какъ выше было объяснено, связь ея съ Св. Писаніемъ скорѣе мѣшала ея установленію, потому что большинство изслѣдователей, серьезно занимавшихся въ послѣднее время изученіемъ общественныхъ явленій, или имѣли сильное предубѣжденіе противъ еврейскихъ древностей, или желали во что-бы то ни стало строить свои системы безъ всякаго содѣйствія религіозныхъ преданій. Даже и въ настоящее время, быть можетъ, существуетъ склонность умалять важность этихъ свидѣтельствъ, или, точнѣе, отрицать у науки право строить на нихъ

обобщенія, такъ какъ эти свидѣтельства входятъ въ составъ преданій одного лишь семитическаго племени. Но слѣдуетъ замѣтить, что свидѣтельства, выставляемыя юридическими науками, заимствованы почти исключительно изъ учрежденій такихъ народовъ, которые принадлежали къ индо-европейскому племени,—каковы, главнымъ образомъ, римляне, индусы и славяне; на самомъ дѣлѣ, при настоящемъ положеніи вопроса, трудность заключается скорѣе въ томъ, чтобы опредѣлить, гдѣ слѣдуетъ остановиться, т. е. относительно какихъ расъ *нельзя* допустить, что ихъ первоначальное общественное устройство было патріархальнаго характера. Что касается до главныхъ очертаній общества, сохраненныхъ въ первыхъ главахъ Книги Бытія, я не вижу надобности подробно останавливаться на нихъ, во-первыхъ потому, что онѣ и такъ всѣмъ знакомы съ дѣтства, а во-вторыхъ потому, что въ англійской литературѣ существуетъ уже цѣлый отдѣлъ (хотя и не имѣющій особенно полезнаго значенія), посвященный этому предмету и явившійся какъ результатъ того интереса, который былъ возбужденъ полемикою, связанною съ именами Локка и Фильмера. Вполнѣ очевидные историческіе факты говорятъ слѣдующее: старѣйшій членъ семьи мужескаго пола является неограниченнымъ господиномъ своего дома. Онъ имѣетъ право жизни и смерти надъ всѣми членами семьи и занимаетъ положеніе столь же безмѣрно высокое по отноше-

нію къ своимъ дѣтямъ и ихъ семьямъ, какъ и по отношенію къ рабамъ. Отношенія сына и раба почти ничѣмъ не различаются между собой, за исключеніемъ того права, которое сынъ носитъ въ своей крови, со временемъ также сдѣлаться главою семьи. Стада и табуны сыновей принадлежатъ отцу. Имущество родителя, состоящее у него скорѣе на правахъ владѣнія, чѣмъ собственности, дѣлится послѣ его смерти поровну между ближайшими нисходящими родственниками причемъ старшій сынъ получаетъ иногда вдвое больше, по праву первородства, обыкновенно же не пользуется при наслѣдованіи никакими преимуществами кромѣ почетнаго первенства. Упомянутыя нами свидѣтельства Св. Писанія даютъ намъ и другого рода указанія, хотя и менѣе очевидныя, именно: мы можемъ видѣть въ нихъ также и начало ослабленія отцовской власти. Семьи Іакова и Исава расходятся и образуютъ два отдѣльные народа; но семьи сыновей Іакова остаются вмѣстѣ и становятся однимъ народомъ. Это имѣетъ видъ зачатка государства или общины, и представляетъ правовыя отношенія высшей категоріи сравнитально съ семейными отношеніями.“

„Еслибы мнѣ представилась надобность, въ виду спеціально юридическихъ цѣлей, выразить въ нѣсколькихъ словахъ характеристическія признаки того состоянія, которое было свойственно человѣчеству на разсвѣтѣ его

исторической жизни, для меня было бы достаточно привести слѣдующіе стихи изъ „Одиссеи“ Гомера:

Τοῖσιν δ'οὔτ' ἀγοραὶ βουληφόροι οὔτε θέμιστες.

Θεμιστεύει δὲ ἕκαστος παίδων ἠδ' ἀλόχων, οὐτ' ἀλλήλων ἀλέγουσιν.

„У нихъ нѣтъ ни совѣщательныхъ собраній, ни θεμιστες (законовѣдовъ); каждый самъ управляетъ своими женами и дѣтьми, и никому нѣтъ дѣла до другого.“

Это описаніе ранняго историческаго состоянія человѣчества вполнѣ подтверждается тѣмъ, что можно назвать „послѣднимъ словомъ“ до-исторической этнологіи. Самая значительная и во всякомъ случаѣ самая прочная заслуга этой науки состоитъ, повидимому, въ томъ, что она окончательно доказала несостоятельность прежнихъ предположеній о какой-то высокой первобытной цивилизаціи. Человѣкъ становится достояніемъ исторіи съ того момента, когда онъ выходитъ изъ патріархальнаго состоянія, а этнологія показываетъ намъ, какъ онъ жилъ, росъ и развивался въ этомъ состояніи. Такимъ путемъ ошибочность предположенія о мнимой первобытной цивилизаціи становится очевидною для всякаго. Нравственное, эстетическое или политическое вырожденіе для насъ вполнѣ понятны, но мы никакъ не можемъ представить себѣ, чтобы человѣкъ способенъ былъ отказаться отъ тѣхъ простыхъ орудій, которыя прямо способствовали его комфорту и которыя ему были уже извѣстны;

*

еще труднѣе представить себѣ, что онъ могъ отказаться отъ такого удобнаго оружія, какъ, напр., лукъ и стрѣлы. Между тѣмъ, допуская существованіе первобытной цивилизаціи, необходимо допустить также, что употребленіе всѣхъ этихъ орудій было позабыто людьми, такъ какъ мы и теперь еще можемъ встрѣтить племена, находящіяся на всевозможныхъ ступеняхъ невѣжества, или лучше сказать,—на всевозможныхъ ступеняхъ искусства обработки металловъ, выдѣлки посуды, домашнихъ орудій и оружія. Низкое умственное состояніе дикарей никакъ не можетъ быть признано за деградацію, происшедшую вслѣдствіе ихъ тупоумія; напротивъ, мы можемъ замѣтить въ нихъ, въ различной степени, оригинальность и изобрѣтательность относительно такихъ предметовъ. Въ этомъ случаѣ мы ни въ чемъ не видимъ слѣдовъ какой либо болѣе совершенной системы прежняго времени, искаженной и угасшей, какъ мы видимъ напр., остатки латинскихъ формъ въ средневѣковыхъ діалектахъ. Наоборотъ, здѣсь, какъ и при новѣйшихъ только, что появляющихся открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, мы встрѣчаемъ только начинанія: тамъ понемногу возникаетъ одно, здѣсь другое; одно и тоже производится различными несовершенными способами, и притомъ такими, къ которымъ никогда не обратился бы тотъ, кому извѣстны иные, лучшіе пріемы для достиженія цѣли. Прежде обыкновенно принимали, что лукъ

и стрѣлы составляютъ „первобытное оружіе“, одинаково свойственное всѣмъ дикарямъ земнаго шара; но современная наука, собравши данныя по этому предмету *), вывела изъ нихъ заключеніе, что одни дикари обладаютъ имъ, а другіе нѣтъ; что у однихъ вмѣсто того мы находимъ одного рода оружіе, а у другихъ другое; причемъ иногда встрѣчается и такое оружіе, какъ „бумерангъ“,—оружіе, которое гораздо труднѣе и по идеѣ и по употребленію, и гораздо слабѣе по дѣйствію, чѣмъ лукъ. Кромѣ того различныя человѣческія племена на столько достигаютъ различныхъ степеней промышленной цивилизаціи, приближаясь къ ней одними признаками и удаляясь отъ нея другими,—что познакомившись съ какою либо вещью, дикарь начинаетъ владѣть ею нисколько не хуже, если не лучше, чѣмъ цивилизованный человѣкъ. Дикари южной Америки умѣютъ управлять лошадью лучше европейцевъ, которые ввезли ее туда; точно также многія племена владѣютъ ружьемъ,—этимъ спеціальнымъ и сложнымъ оружіемъ цивилизованнаго человѣка,—вообще искуснѣе, чѣмъ большинство цивилизованныхъ людей. Дикарь, которому поподаютъ въ руки простые инструменты, доступные его пониманію, болѣе имѣетъ сходства съ ребенкомъ, быстро усвоивающимъ все, чему его учатъ, чѣмъ со старикомъ, который уже поза-

*) См. превосходную таблицу и замѣчательное разсужденіе объ этомъ предметѣ у *Лёббока*: «Prehistoric Times».

былъ все, что зналъ, и не въ силахъ выучиться вновь. Наконецъ, ботаникъ и зоологъ могутъ спросить насъ— если когда нибудь въ Австраліи и Америкѣ существовала высокая туземная цивилизація, гдѣ же ея ботаническіе и зоологическіе остатки? Если дикари занимались въ тѣ времена обработкою пшеницы, куда же дѣлась та одичалая пшеница, которая должна была произойти какъ результатъ прекращенія правильной культуры ея? Если у нихъ были домашнія животныя, гдѣ же тѣ одичалые потомки ихъ, которые въ силу законовъ природы должны были бы произойти отъ нихъ? Мы сами можемъ наблюдать, какъ въ новѣйшія столѣтія, со времени крупныхъ географическихъ открытій, европейскія домашнія животныя повсемѣстно распространились. Англійская крыса—одна изъ самыхъ непріятныхъ жильцовъ нашихъ домовъ—размножилась повсюду: въ Австраліи, въ Новой Зеландіи, въ Америкѣ; и развѣ какое нибудь особенно искусно придуманное средство можетъ искоренить ее. Точно также обыкновенными способами нельзя было бы уничтожить въ южной Америкѣ и лошадей, ввезенныхъ туда испанцами; и еслибы намъ не было извѣстно, какъ попало туда это животное, мы, безъ сомнѣнія, причислили бы его къ числу животныхъ туземныхъ. Но гдѣ же находятся крысы и лошади первобытной цивилизаціи? Ихъ не только не видно, но зоологія доказываетъ, что онѣ въ то время и не существовали въ этихъ

странахъ; слабосильныя двуутробки австралійскаго материка и Новой Зеландіи никакъ не могли бы уцѣлѣть въ борьбѣ съ животными, лучше ихъ организованными, подобными тѣмъ, въ борьбѣ съ которыми онѣ погибаютъ въ настоящее время.

Такимъ образомъ мы видимъ человѣка патріархальнаго періода не съ какими либо остатками первобытной промышленной цивилизаціи, а лишь съ нѣкоторыми постепенно пріобрѣтенными знаніями въ области самыхъ простыхъ искусствъ, обладающимъ нѣкоторыми прирученными животными и запасомъ немногихъ ограниченныхъ познаній о природѣ, о временахъ года и о тѣхъ явленіяхъ, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ жизни простѣйшихъ племенъ. Этнологія именно такимъ изображаетъ человѣка въ первомъ періодѣ исторіи, и такимъ мы его находимъ въ дѣйствительности. Но каково было его умственное состояніе? какимъ образомъ можемъ мы опредѣлить его?

Мнѣ кажется, что общее опредѣленіе дикаря, предложенное Лёббокомъ, вполнѣ подходитъ и къ человѣку патріархальнаго періода. „Дикари, говоритъ онъ, совмѣщаютъ въ себѣ характеръ ребенка съ страстями и энергіею взрослаго человѣка“. Обращаясь къ древнѣйшимъ достовѣрнымъ памятникамъ языческаго міра, къ поэмамъ Гомера, мы находимъ въ нихъ множество чертъ, соотвѣтствующихъ этому опредѣленію, болѣе чѣмъ ка-

кому либо другому; и для цивилизаціи потребно было множество вѣковъ, прежде чѣмъ подобное опредѣленіе стало терять силу. Правда, говоритъ м-ръ Гладстонъ, у Гомера человѣкъ является уже ораторомъ настолько же совершеннымъ какъ и впослѣдствіи,—и къ этому важному качеству, можно было бы присоединить и многія другія, имѣющія даже большее значеніе. Но тѣмъ не менѣе, какъ много еще мы видимъ въ Ахиллѣ „величественнаго дикаря“ или „избалованнаго ребенка, который капризничаетъ въ своей палаткѣ“! Впечатлительность и раздражительность болѣе всего замѣчаются въ древнѣйшей греческой исторіи, и если мы обратимся къ востоку,—первобытный „міръ простыхъ отношеній и несдержанныхъ страстей“, по выраженію Кинглэка, будетъ являться намъ на каждомъ шагу.

И это именно то, чего мы напередъ могли ожидать. „Унаслѣдованные результаты упражненій,—какъ свидѣтельствуетъ наука—дѣлаютъ современныя націи тѣмъ, чѣмъ мы ихъ видимъ; въ настоящее время люди уже при своемъ рожденіи приносятъ съ собой строеніе, носящее отпечатокъ тѣхъ установленій, которымъ повиновались ихъ предки“. Древніе народы не получали подобнаго наслѣдства; они происходили отъ людей, которые въ своихъ дѣйствіяхъ руководились своими личными воззрѣніями на справедливость; они не встрѣчали при вступленіи въ жизнь никакихъ готовыхъ обычаевъ, кото-

рымъ должны были подчиняться и которые регулировали бы ихъ поступки, и потому они оставались въ зависимости отъ каждаго импульса и уступали каждому порыву страсти.

Состояніе первобытнаго человѣка, если правильно смотрѣть на него, представляетъ многія исключительныя особенности. Мы, люди новѣйшаго времени, незамѣтно для самихъ себя, постоянно сообразуемся съ обширнымъ и разнороднымъ общественнымъ механизмомъ, благодаря которому наши потребности не только могутъ быть удовлетворяемы, но даже опредѣляемы и регулируемы. Въ настоящее время почти невозможно представить себѣ, какъ люди жили до изобрѣтенія часовъ; „необходимо большое усиліе воображенія“, говоритъ Льюисъ, „чтобъ перенестись въ такую эпоху, когда было серьезнымъ затрудненіемъ узнать—который часъ“. Но еще труднѣе вообразить себѣ неустойчивое состояніе такихъ умовъ, которые, съ одной стороны, вовсе незнакомы съ жизнью природы, этимъ регуляторомъ матеріальной стороны нашей цивилизаціи, а съ другой стороны, съ правительственною властью, этимъ регуляторомъ нашей нравственной цивилизаціи. Никто въ тѣ времена не зналъ, что̀ ожидаетъ его; тогдашнему человѣку была вполнѣ чужда привычка постояннаго и разнообразнаго предвидѣнія событій,—привычка, которая и придаетъ нашему уму его настоящія особенности.

Кромѣ того, по крайней мѣрѣ лично для меня, весьма трудно ясно представить себѣ неопредѣленныя нравственныя понятія того времени. Если выдѣлить изъ нашего нравственнаго кодекса тѣ элементы, которые исходятъ отъ законодательной и правительственной власти, трудно сказать, что́ останется у насъ. Конечно, этотъ остатокъ, такъ или иначе, существовалъ и былъ осязателенъ для доисторическаго человѣка; но это должно было быть вообще нѣчто смутное, шаткое и непригодное для твердой опоры. Въ лучшемъ случаѣ оно могло быть въ ро́дѣ того неопредѣленнаго чувства красоты, которое свойственно умамъ, способнымъ чувствовать прекрасное, но не развитымъ: какой-то слабый голосъ, возвѣщавшій нѣчто неизвѣстное, придающее иной видъ всему остальному, и высшее, чѣмъ все остальное, но вмѣстѣ съ тѣмъ столь неопредѣленное, что оно разсѣевалось при малѣйшемъ анализѣ. Если же такое чувство можетъ считаться результатомъ лишь болѣе тонкаго воображенія позднѣйшей эпохи, въ такомъ случаѣ, тогдашнюю нравственность слѣдуетъ искать въ порывахъ „дикаго правосудія“—полувозмездіи, полунасиліи, — но непремѣнно въ чемъ либо такомъ, что́, не имѣя опоры въ установленномъ законѣ, проявлялось неопредѣленно, непослѣдовательно, и въ настоящее время почти немыслимо для нашего ума. Каждый, занимавшійся математикою, припомнитъ, сколь-

ко мнимыхъ затрудненій встрѣчалось ему въ вопросахъ, которыхъ онъ не могъ понять разомъ, и какъ при этомъ бываетъ трудно потомъ, когда доказательство уже стало ясно для него, снова представить себѣ эти затрудненія и то смутное умственное состояніе, которое порождалось ими. Такъ и въ вопросѣ разсматриваемомъ нами теперь: въ настоящее время, когда намъ при всѣхъ усиліяхъ, невозможно отрѣшиться отъ понятія законности, мы не можемъ и вообразить себѣ такого умственнаго состоянія, которому это понятіе было бы совершенно чуждо и даже недоступно.

Далѣе, для первобытнаго человѣка точно также была неизвѣстна и идея національности, тогда какъ для насъ не возможно представить себѣ человѣка, которому подобная идея показалась бы затруднительной. Правда, мы знаемъ что̀ это такое, пока насъ не спросятъ о томъ: вполнѣ яснаго опредѣленія въ данномъ случаѣ мы представить не можемъ; но для насъ очевидно, по крайней мѣрѣ, что нація есть совокупность *сходныхъ* людей, способныхъ, вслѣдствіе этого сходства, дѣйствовать и повиноваться одинаковымъ правиламъ. Циклопы Гомера, которые не могли вообразить себѣ людей иначе, какъ разрозненными, но поняли бы даже и этого.

Итакъ, *законъ* — строгій, опредѣленный и точный, былъ первой необходимостью длл первобытнаго чело-

вѣка; онъ былъ нуженъ ему прежде всего другого, потому что остальное можетъ быть пріобрѣтено лишь съ помощью его. Но, будучи дѣломъ преимущественной важности для первобытнаго человѣка, законъ, въ то же время, являлся предметомъ величайшаго затрудненія для него: придти къ нему было настолько же трудно, насколько благодѣтельны были результаты такого достиженія. Въ позднѣйшія времена, многія племена были, хотя и съ трудомъ, но довольно скоро пріучены къ этой дисциплинѣ: энергическій завоеватель быстро устанавливалъ опредѣленный порядокъ въ слабо связанной группѣ разрозненныхъ племенъ; такъ римляне сдѣлали это для цѣлой половины Европы. Но въ первобытные вѣка не было ни подобныхъ завоевателей, ни римлянъ. Завоеванія возможны только при сильномъ правительствѣ, а именно правительства въ то время и не существовало. Первый шагъ цивилизаціи былъ труднымъ шагомъ по весьма крутому подъему, хотя теперь, когда мы глядимъ на него съ высоты современной цивилизаціи, онъ представляется намъ незамѣтнымъ и ничтожнымъ.

III.

История не указываетъ намъ ясно отмѣченнаго перехода отъ анархіи къ правительственному порядку. Сэръ Генри Мэнъ, особенно изслѣдовавшій этотъ вопросъ, приходитъ къ слѣдующимъ любопытнымъ заключеніямъ.

„Происхожденіе общества получило бы весьма простое объясненіе, еслибъ мы имѣли право сдѣлать общій выводъ изъ указаній, представленныхъ приведеннымъ выше примѣромъ изъ Св. Писанія, т. е. еслибы мы могли предположить, что общественная жизнь начиналась всегда, какъ только нѣсколько семей не расходились по смерти родоначальника, а оставались въ группѣ. Въ большей части греческихъ государствъ, также какъ и въ Римѣ, долгое время сохранялись слѣды восходящаго ряда группъ, которыя легли въ основаніе государственнаго организма. Типомъ ихъ является римская семья, родъ, триба, и при описаніи ихъ они невольно представляются въ видѣ системы концентрическихъ круговъ, постепенно образовавшихся

вокругъ общаго центра. Основная группа есть семья, связанная общимъ подчиненіемъ всѣхъ ея членовъ старѣйшему члену мужескаго пола. Совокупность нѣсколькихъ семей образуютъ *gens*, *родъ*, или домъ; нѣсколько родовъ составляютъ трибу, а нѣсколько трибъ — государство. Не вправѣ ли мы пойти дальше и сказать, что община есть совокупность лицъ, связанныхъ общимъ происхожденіемъ отъ родоначальника нѣкоторой коренной семьи? По крайней мѣрѣ мы знаемъ достовѣрно, что всѣ древнія общества вели свое происхожденіе отъ одного общаго корня, и что въ то время было даже немыслимо иное основаніе для политическаго союза. Дѣйствительно, исторія политическихъ идей начинается предположеніемъ, что кровное родство есть единственная возможная основа общности политическихъ функцій; въ то же время всѣ перевороты въ области этихъ понятій, выразительно называемыя нами революціями, не могутъ сравниться по своей силѣ и полнотѣ съ тѣмъ измѣненіемъ, какое имѣетъ мѣсто, когда другое начало, напримѣръ, *мѣстное сближеніе*, является впервые основою политическаго союза".

Еслибы эта теорія была истиннна, первыя ступени политической жизни не казались бы намъ такимъ значительнымъ превращеніемъ, и на самомъ дѣлѣ древнія времена не заключали бы въ себѣ никакой существенной перемѣны. Первенство старшаго брата въ такихъ

племенахъ, которыя почему либо оставались сплоченными, могло быть незначительно; но, оставаясь незначительнымъ само по себѣ, оно могло быть источникомъ весьма важныхъ результатовъ; оно было бы подобно (если взять примѣръ съ противоположнаго конца политическаго процесса) превосходству какого нибудь мало-вліятельнаго парламентскаго leadear'а (вождя), отъ котораго приверженцы могутъ отдѣлиться въ любой моментъ. Оно являлось зачаткомъ верховной власти, не будучи еще этой властью въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Я не думаю, чтобы предположенія сэра Генри Мэна (какъ мы увидимъ дальше, онъ и самъ не считаетъ ихъ за достовѣрную теорію) могли удовлетворительно объяснить истинное происхожденіе политическаго общества. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ мнѣ предстоитъ показать, что многія свидѣтельства, повидимому, указываютъ на существованіе эпохи еще болѣе древней, чѣмъ та, о которой говоритъ сэръ Генри Мэнъ. Но для моей настоящей цѣли его теорія вполнѣ пригодна. Она изображаетъ намъ, и притомъ съ совершенной истинностью, картину человѣческой жизни въ періодъ, предшествовавшій нынѣшнему политическому устройству, и заключенія, которыя я вывожу отсюда, не только не будутъ поколеблены, но еще болѣе подтвердятся, когда мы перейдемъ къ разсмотрѣнію эпохи еще болѣе древней и общественнаго союза еще болѣе зачаточнаго.

Какъ только политическое устройство появилось, намъ уже не трудно понять, почему оно удержалось. Что бы ни говорили противъ естественнаго подбора въ другихъ областяхъ, нѣтъ сомнѣнія, что въ ранней исторіи человѣчества онъ былъ дѣятелемъ первостепенной важности: болѣе сильные всѣми способами истребляли слабѣйшихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ надобности доказывать, что самая несовершенная общественная жизнь лучше, чѣмъ полное отсутствіе ея; что совокупность семействъ, хотя сколько нибудь повиновавшихся одному вождю, навѣрно должна была имѣть перевѣсъ надъ группою, никому не повиновавшеюся, — группою, которая бродила по свѣту, вступая въ борьбу при всякомъ случаѣ. Циклопы Гомера не устояли бы противъ самаго незначительнаго войска. Поэтому нисколько не удивительно, что мы такъ мало встрѣчаемъ свидѣтельствъ о тогдашнемъ человѣкѣ: положеніе его было столь непрочно, и его окружали такія громадныя опасности, что надо еще удивляться, какъ хотя нѣкоторыя слѣды его дошли до той эпохи, когда ими, ради живописности, стали пользоваться поэты.

Такимъ образомъ, хотя относительно происхожденія государственной власти мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго, — мы стоимъ уже на твердой фактической почвѣ, когда идетъ дѣло о поддержаніи этой власти. Быть можетъ, всякій молодой англичанинъ,

приступая въ настояще время къ чтенію Платона или Аристотеля, удивится ихъ консерватизму; проникнутый современными либеральными идеями, онъ не пойметъ какимъ образомъ у этихъ общепризнанныхъ учителей человѣчества могутъ встрѣчаться поученія, столь противорѣчащія этимъ идеямъ. И тотъ, и другой философъ, расходясь между собою въ другихъ отношеніяхъ, утверждаютъ (соглашаясь въ этомъ случаѣ и съ Ксенофонтомъ, вообще весьма несходнымъ съ ними) что „изъ всѣхъ животныхъ труднѣе всего управлять человѣкомъ“. Взгляды Платона болѣе понятны для насъ, такъ какъ приверженцы интуитивной философіи—„торіи въ области умозрѣній“ — всегда стояли за консерватизмъ въ политикѣ. Но Аристотелю, творцу опытной философіи, казалось бы, слѣдовало быть несравненно болѣе либеральнымъ. Дѣло объясняется тѣмъ, что оба философа жили въ такое время, когда люди „еще не успѣли забыть“ тѣ трудности, съ которыми сопряжено первое время государственнаго управленія. Теперь эти трудности нами уже позабыты. Мы признаемъ, какъ нѣчто данное, какъ фундаментъ нашей культуры, — извѣстный порядокъ, извѣстную общую подчиненность, извѣстную долю дисциплины; для Аристотеля же и Платона этотъ порядокъ являлся лишь какъ результатъ культуры отдаленнаго будущаго. То, что для насъ есть *данное*, для нихъ было только *искомое*.

Въ первобытныя времена для правительства матеріальная сила была гораздо важнѣе нравственнаго качества. Въ этомъ случаѣ прежде всего необходимо общее руководящее начало, которое соединяетъ людей, заставляетъ ихъ поступать по возможности одинаковымъ образомъ, опредѣляетъ, чего они должны ожидать другъ отъ друга, порождаетъ и поддерживаетъ сходство между ними. Каково именно это начало—вопросъ второстепенный. Хорошій законъ, безъ сомнѣнія, лучше плохаго, но и какой бы то ни было законъ предпочтительнѣе беззаконія; по причинамъ же, хорошо извѣстнымъ юристамъ, никакой законъ не можетъ быть вполнѣ удовлетворителенъ. Но для того, чтобы законъ могъ явиться, для правительства элементъ силы несравненно важнѣе элемента полезности. Затрудненіе заключается въ томъ, чтобы пріучить людей къ повиновенію, а какъ скоро это обстоятельство достигнуто, воспользоваться имъ уже сравнительно не трудно.

Для достиженія такого повиновенія, прежде всего необходимо отождествленіе, т. е. не только союзъ, но полное сліяніе того, что мы называемъ церковью и государствомъ. Д-ръ Арнольдъ, углубившійся въ греческую и римскую мысль, проповѣдывалъ это сліяніе, какъ орудіе спасенія для уклонившагося отъ истиннаго пути современнаго міра. Но тѣ слушатели, къ которымъ онъ обращался, привыкли уже къ иного рода

звукамъ; тѣ умы, на которые онъ старался дѣйствовать, мало понимали его рѣчи и еще меньше были способны воспринимать ихъ. Однако, это ученіе, хотя и не пригодное для нашего времени, было какъ нельзя болѣе полезно въ ту отдаленную эпоху, изъ которой оно было заимствовано. Тогда именно была безусловно необходима одна нераздѣльная система въ правительствѣ (какъ бы оно ни называлось — церковью или государствомъ), которая вполнѣ руководила бы человѣческой жизнью. Всякое раздѣленіе власти въ тѣ времена было бы опасно и даже, вѣроятно, гибельно для общества. Нельзя было, чтобы царь говорилъ одно, а жрецъ другое; царь долженъ былъ быть жрецомъ, а пророкъ царемъ, и оба должны были учить одному и тому же, потому что оба они были одно и тоже. Между карою духовнаго и свѣтскаго закона не могло быть различія: древне-греческая или древне-римская мысль не могла бы даже и понять этого различія. Тогда существовало нѣчто въ родѣ безсознательнаго общественнаго мнѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ мощныя, и даже весьма мощныя руки, поддерживавшія его. Мы говоримъ теперь объ уголовныхъ наказаніяхъ, церковномъ отлученіи, приговорѣ общественнаго мнѣнія,—тогда все это сливалось вмѣстѣ. Въ настоящее время не найдется, пожалуй, ничего, сходнаго съ этими древними общинами; быть можетъ, къ нимъ всего ближе подходятъ наши

trade-unions, гдѣ работать за низкую плату считается „преступнымъ", и гдѣ всегда отыскивается какой нибудь дальновидный человѣкъ, умѣющій расправиться съ отступникомъ.

Такія организаціи ведутъ къ созданію того, что можетъ быть названо ядромъ обычаевъ. Дѣйствія каждаго должны были подчиняться общему закону, въ виду одной общей цѣли; этимъ путемъ и образовалась „наслѣдственная дисциплина или выучка", которую наука признаетъ столь необходимой, и необходимость которой инстинктивно сознавалась и первобытнымъ человѣкомъ. Правда, такого рода *régime* стѣсняетъ свободу мысли, но за это нельзя порицать его; хотя это и зло, но оно неизбѣжно для того, чтобы цивилизація могла сложиться и оформиться и чтобы неустановившіяся еще нравственныя фибры первобытнаго человѣка могли отвердѣть и окрѣпнуть.

Древнѣйшія историческія свѣдѣнія объ арійскомъ племени вездѣ указываютъ намъ царя и совѣтъ, и притомъ, какъ необходимость при непрерывныхъ войнахъ той первобытной эпохи, царя съ выдающейся властью и могуществомъ. Въ тѣ времена никакъ не могло возникнуть что либо подобное восточному деспотизму или цезаризму; стоящая въ сторонѣ отъ общей государственной жизни армія, поддерживающая деспотическую власть, не могла имѣть мѣста въ такомъ племени,

которое все составляло собою одинъ народъ и въ которомъ каждый человѣкъ былъ воиномъ. Вслѣдствіе того, во времена Гомера, въ первыя времена римской исторіи и въ началѣ исторіи древнихъ германцевъ, царь возвышался надъ всѣми въ государственномъ строѣ, такъ какъ въ данную минуту онъ былъ полезнѣе и нужнѣе всѣхъ для общаго благосостоянія. Замкнутая олигархія, патриціатъ, которые одни только могли знать установленный законъ, одни только могли прилагать его къ дѣлу и одни только признавались достойными хранителями его, удерживали за собой такимъ образомъ исключительную власть надъ потребностями первобытнаго общества. Наука дисциплинированія людей была извѣстна только имъ; только имъ всѣ повиновались; только они могли поддерживать порядокъ. Гротъ прекрасно показалъ какъ первобытныя олигархіи возникли и вытѣснили первобытныя монархіи, но, быть можетъ, потому именно, что онъ такъ любитъ историческія Аѳины, онъ не симпатизируетъ Аѳинамъ доисторическимъ. Онъ не объяснилъ намъ крайнюю важность и необходимость жизненнаго порядка въ то время, когда жизнь ни въ чемъ еще не установилась.

Я не считаю нужнымъ подробно доказывать, что двѣ великія республики, оба выдающіяся государства древняго міра, представляютъ собою полное подтвержденіе этихъ заключеній. Римъ и Спарта были аристократи-

ческими государствами, умѣвшими управлять людьми, и обязаны своимъ преобладаніемъ именному этому качеству. Аѳины принадлежали къ иной, болѣе высокой категоріи; такими, по крайней мѣрѣ, они представляются намъ, людямъ новѣйшаго просвѣщеннаго времени, которые многому научились отъ нихъ же. Но для филистеровъ того времени Аѳины принадлежали къ низшей категоріи. Они должны были уступить; они проиграли въ той великой игрѣ, которая была видна ихъ близорукимъ современникамъ. Ихъ паденіе было полнымъ паденіемъ свободы древняго міра. Аѳины провозгласили и начали великое дѣло будущаго, но у нихъ недостало силы, чтобы развить эти блага и воспользоваться ими. Они были попраны людьми, обладавшими болѣе грубою организаціей, болѣе крѣпкимъ сложеніемъ.

Подтвержденіе тѣхъ же началъ ясно представляется намъ и въ исторіи евреевъ. Безъ сомнѣнія, мы видимъ тамъ многое совершенно въ иномъ родѣ, но объ этомъ мы теперь говорить не будемъ. Никто не станетъ отрицать того, что въ началѣ своей исторіи евреи были самою неустановившеюся изъ всѣхъ націй, но какъ скоро у нихъ явился законъ и они подчинились ему, они стали націей наиболѣе прочно организованною. Правда, ихъ государственный строй продолжалъ еще нуждаться въ единствѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ они по-

желали имѣть царя, миръ и согласіе между ихъ свѣтскими и духовными властями исчезли навсегда. Тѣ десять племенъ, которыя отстранились отъ закона, постепенно слились съ сосѣдними народами. Іеровоама кто-то назвалъ „первымъ либераломъ", и въ этомъ названіи, оставляя въ сторонѣ религіозную сторону, есть много справедливаго. Онъ первый сдѣлалъ попытку разорвать тѣ крѣпкія общественныя узы, которыя были такъ необходимы человѣку того времени, хотя дѣятельные и изобрѣтательные умы и не могли симпатизировать имъ. Однако, тѣ евреи, которые остались вѣрными закону, стали впослѣдствіи евреями нашего времени, т. е. націей, установившейся болѣе, чѣмъ всякая другая.

Согласно этой опредѣленности организаціи, мы узнаемъ отъ юристовъ, что слово „договоръ" почти вовсе не встрѣчается въ древнемъ законодательствѣ. Въ наше цивилизованное время почти всѣ поступки человѣка опредѣляются его собственнымъ выборомъ. Но въ древнія времена едва ли могъ имѣть мѣсто такой опредѣляющій выборъ: руководящимъ началомъ были незыблемый законъ государства, статутъ, status. Каждый рождался на свѣтъ въ извѣстной общественной средѣ, на извѣстномъ мѣстѣ; тамъ онъ и долженъ былъ оставаться; тамъ онъ находилъ извѣстныя обязанности, которыя ему надлежало выполнить и о которыхъ ему

только и слѣдовало заботиться. Сѣть обычаевъ опредѣленнымъ образомъ охватывала каждаго и удерживала его на назначенномъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ то, что мы въ европейской политикѣ называемъ принципами 1789 года, было бы совершенно несовмѣстно съ устройствомъ первобытнаго міра; о нихъ можетъ быть рѣчь лишь въ новѣйшээ время, когда общество уже выполнило свое начальное трудное дѣло, когда унаслѣдованная организація уже утвердилась и установилась, когда слабая разумность и сильная страстность юныхъ народовъ подчинилась твердымъ наслѣдственнымъ инстинктамъ. А въ то время, когда еще этого не было, равенство передъ закономъ вовсе не было нужно; тогда были необходимы избранники, которые одни вѣдали бы законъ; тогда не требовалось хорошее правительство, которое стремилось бы доставить благосостояніе всѣмъ своимъ подданнымъ, а нужно было правительство, которое заставляло бы себя уважать и бояться и заботилось бы только о повиновеніи своихъ подданныхъ; тогда отъ закона требовались не совершенство или выработка, а простота и понятность, способствующія движенію жизни по одному опредѣленному пути. Вѣка свободы являются позднѣе; имъ всегда предшествуютъ вѣка рабства. Въ 1789 году, когда великіе дѣятели Учредительнаго Собранія обращали взглядъ на прошлое, они ничего

не находили въ немъ достойнаго похвалы, удивленія или подражанія; все казалось безуміемъ, громаднымъ заблужденіемъ, отъ котораго слѣдовало какъ можно скорѣе отрѣшиться. Но они сами были созданы лишь этими заблужденіями. Сама физическая организація ихъ носила на себѣ наслѣдственный отпечатокъ минувшаго; самый мозгъ ихъ отвердѣлъ, а нервы окрѣпли силою постоянно передававшихся результатовъ все тѣхъ же однообразно повторявшихся обычаевъ. Вѣка единообразія человѣческихъ поступковъ сдѣлали свое дѣло, подготовивши человѣка къ такому періоду, когда уже подобное однообразіе стало ненужнымъ.

IV.

Но этимъ еще не ограничиваются полезные резуль таты этихъ первобытныхъ общественныхъ системъ и законовъ. Они не только соединили людей въ группы и упрочили рядъ обычаевъ, но и вызвали на свѣтъ, по крайней мѣрѣ косвеннымъ путемъ, такъ называемыя національныя особенности.

Объяснить всѣ темныя явленія національнаго характера мы до сихъ поръ еще не въ состояніи; по крайней мѣрѣ, съ своей стороны, я не попытаюсь сдѣлать этого. Отчего, напр., съ перваго взгляда національный характеръ кажется столь сложнымъ и законченнымъ явленіемъ? Отчего онъ можетъ измѣняться лишь медленно и постепенно, если только вообще способенъ къ измѣненію? Но мы можемъ отыскать такого рода фактъ, который по аналогіи поможетъ намъ, хотя бы въ общихъ чертахъ, уяснить себѣ причины этого явленія. Мы говоримъ о характерѣ эпохъ, который также замѣтенъ для насъ,

какъ и характеръ народовъ; обладая подробными историческими свѣдѣніями о многихъ изъ такихъ эпохъ, мы съ точностью можемъ опредѣлить когда именно и какимъ образомъ возникла извѣстная умственная особенность извѣстной эпохи, и какъ она исчезла потомъ. Мы составляемъ себѣ идею, напр., о времени королевы Анны, или королевы Елизаветы, или Георга II, или о вѣкѣ Людовика XIV, Людовика XVI и французской революціи, какъ о чемъ-то различающемся между собою. Эта идея можетъ быть болѣе или менѣе опредѣленной смотря по степени нашего изученія; но даже и у тѣхъ, которые наиболѣе точно и подробно изучили извѣстную эпоху, понятіе о ней является, по всѣмъ вѣроятіямъ, болѣе спеціальнымъ, простымъ и обособленнымъ, чѣмъ представленіе, вполнѣ вѣрное дѣйствительности. Воспроизводя картины изъ жизни извѣстнаго времени, мы отбрасываемъ слишкомъ много того, что одинаково свойственно всякой эпохѣ. Характеръ англичанъ во многихъ отношеніяхъ оставался однимъ и тѣмъ же и въ вѣкъ Чаусера и въ вѣка Елизаветы или Анны, или въ наше время. Но къ этому общему элементу присоединялись извѣстныя качества въ одно время и извѣстныя качества въ другое; нѣкоторыя изъ нихъ въ такую-то эпоху выступали впередъ, а въ другую оставались въ тѣни, и наоборотъ. Мы упускаемъ изъ виду и почти забываемъ неизмѣняющееся начало, обращая вни-

маніе лишь на измѣняющіяся качества. Но спросимъ теперь,—такъ какъ къ этому сводится все дѣло,—вслѣдствіе чего является эта измѣнчивость? Это явленіе, вѣроятно, останавливало на себѣ вниманіе каждаго изъ насъ: неожиданно, въ совершенно спокойное время, положимъ, въ царствованіе королевы Анны, вдругъ появляется особая литература, перемѣна въ образѣ мыслей и выраженій, проникающая все, что пишется въ то время, и исключительно свойственная тому времени; развѣ это не поразительное явленіе?

Настоящее объясненіе этого факта, какъ мнѣ кажется, должно быть приблизительно слѣдующимъ. Какой либо выдающійся писатель дѣйствуетъ на умы потому только, что сочиненія его болѣе, и часто только не много болѣе, согласуются съ настроеніемъ окружающаго его общества. Часто такимъ писателемъ является не тотъ, кто впослѣдствіи удерживается въ памяти потомства, не тотъ, который далѣе всѣхъ подвигаетъ стиль своего времени къ его идеальному типу, сообщая ему наибольшее совершенство и изящество. Въ царствованіе Анны, не Аддисонъ началъ писать essays, а Стиль. Этотъ энергичный и прогрессивный человѣкъ впервые создалъ эту литературную форму, хотя и въ грубомъ видѣ, а другой, остроумный и глубокомысленный писатель, только усовершенствовалъ и разработалъ ее и до сихъ поръ еще читается потомствомъ. Та-

кимъ образомъ, одинъ изъ писателей или группа ихъ завладѣваетъ общественной мыслью, и затѣмъ, дѣйствіемъ нѣкотораго крайне любопытнаго процесса, другіе писатели начинаютъ видимо уподобляться имъ. Безъ сомнѣнія, до нѣкоторой степени это уподобленіе совершается весьма простымъ и мало интереснымъ процессомъ, именно путемъ сознательнаго подражанія; *A* замѣчаетъ, что манера *B* имѣетъ успѣхъ, и начинаетъ подражать ему. Но въ большинствѣ случаевъ такого ясно сознаваемаго перениманія не бываетъ; самостоятельные люди, дорожащіе собственною мыслью, не могутъ охотно облекать ее въ завѣдомо заимствованныя формы; дѣйствительно, трудно плодотворно мыслить, когда стараешься выражаться чужимъ слогомъ. Кромѣ того, лишь очень немногіе способны къ тяжелому, безсмысленному и большею частью безплодному труду выработыванія себѣ стиля. Большинство людей какъ бы въ воздухѣ ловитъ слова и ритмъ, которые неизвѣстно откуда приходятъ къ нимъ; безсознательное подражаніе управляетъ выборомъ словъ, и иногда заставляетъ ихъ выражаться такъ, какъ они никогда и не предполагали. Каждый, кому приходилось работать для нѣсколькихъ періодическихъ изданій, знаетъ какъ слогъ его невольно принимаетъ общій колоритъ того журнала, для котораго онъ пишетъ, и какъ затѣмъ, когда онъ приступаетъ къ статьѣ, назначаемой для другого журнала, тонъ его произведенія измѣняется

соотвѣтственно господствующему тону этого послѣдняго. Можно сказать почти съ полной увѣренностью, что авторъ всегда будетъ писать обычнымъ стилемъ, къ которому привыкли читатели журнала, но при этомъ онъ вовсе не заботится, чтобы писать именно такимъ образомъ; это до такой степени дѣлается само собою, что ему будетъ стоить большихъ усилій писать иначе. Совершенно на подобіе того, какъ журнальный писатель, безъ всякаго опредѣленнаго намѣренія, обращается къ читателямъ съ тѣми словами и мыслями, къ которымъ они привыкли,—точно также, только въ болѣе обширномъ масштабѣ, писатели извѣстной эпохи, не сознавая того, дѣлаютъ тоже самое относительно своихъ современниковъ; такимъ образомъ они создаютъ особую литературу, которая одобряется и по преимуществу цѣнится читателями. И при этомъ мы видимъ, что писатель не только безсознательно избираетъ манеру изложенія и сюжеты, наиболѣе требуемые публикой, но что и самъ онъ является предметомъ выбора. Онъ не можетъ начать писать въ господствующемъ духѣ своего времени, если не чувствуетъ, или по крайней мѣрѣ если ему не кажется, что онъ чувствуетъ извѣстную склонность писать именно такъ, подобно тому какъ писатель не будетъ пытаться работать для журнала, направленіе котораго несродно или несимпатично для него. Въ томъ случаѣ, когда онъ не пойметъ

этого и ошибется въ своей возможности примѣниться къ требованіямъ времени, ему вскорѣ придется сойти со сцены: издатели будутъ отказываться отъ его произведеній и публика не будетъ читать ихъ. Какъ тяжело этотъ обязательный стиль отражается на выдающихся писателяхъ, которые почему либо не могутъ слѣдовать ему, можно видѣть на примѣрѣ Уордсворта, который имѣлъ смѣлость возстать противъ него и, рискуя быть отверженнымъ современниками, пытался создать свой собственный стиль. Но это было у него вполнѣ сознательно и стоило ему не мало труда. „Предполагается, говоритъ онъ, что всякій пишущій стихи этимъ самымъ какъ бы вступаетъ въ формальное обязательство удовлетворять извѣстнымъ вкусамъ публики, и что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ удостовѣряетъ читателя не только въ томъ, что этотъ послѣдній найдетъ въ его книгѣ извѣстные мысли и обороты, но также и въ томъ, что онъ такихъ-то идей и выраженій у него не встрѣтитъ. Символическій смыслъ метрической рѣчи заключалъ въ себѣ различныя требованія въ различныя литературныя эпохи, какъ напр. въ вѣкъ Катулла, Теренція или Лукреція, и въ вѣкъ Стація или Клавдіана, или, говоря объ Англіи, во времена Шекспира, Бомона и Флетчера, или, съ другой стороны, во времена Донна, Коулея и Попе“. Далѣе Уордсвортъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ говоритъ, что онъ самъ не можетъ и не

хочетъ исполнять то, чего отъ него требуютъ, и будетъ писать по своему и только по своему. Строгій, я хотѣлъ было сказать пуританскій умъ всегда будетъ дѣйствовать такъ, но большинство талантливыхъ писателей болѣе уступчивы и легкомысленны и обыкновенно усвоиваютъ себѣ общій стиль своего времени. Одинъ изъ нихъ, не способный къ этому процессу уподобленія и тѣмъ болѣе интересный для насъ, говоритъ:

How we
Track a livelong day, great heaven, and watch our shadows!
What our shadows seem, forsooth, we will ourselves be.
Do I look like that? You think me that: then I *am* that [1]).

Авторы пишутъ то, чего отъ нихъ требуютъ, или же не пишутъ вовсе; но тогда, подобно автору только что приведенныхъ строкъ, впадаютъ въ отчаяніе, безотрадно проводятъ свою жизнь и умираютъ, оставляя отрывки своихъ твореній, которые высоко цѣнятся ихъ друзья-

---

[1]) Такъ мы влачимъ день за днемъ втеченіе нашей жизни и лишь слѣдимъ за своими тѣнями.
Чѣмъ кажутся наши тѣни, тѣмъ же, безъ сомнѣнія, должны быть и мы сами.
Кажусь ли и я такимъ же? Вы думаете такъ, слѣдовательно, это такъ.

ми, но мимо которыхъ свѣтъ проходитъ безъ малѣйшаго вниманія. Писатели, не сообразующіеся съ духомъ времени, остаются въ пренебреженіи; тѣ же, которые согласуются съ нимъ, встрѣчаютъ поощреніе, пока мода внезапно не измѣнится. То, что мы сказали о писателяхъ, въ нѣкоторой степени справедливо и для читателей. Очень многимъ и даже большинству нравится, или, по крайней мѣрѣ, имъ кажется, что нравится, то, что у нихъ постоянно передъ глазами, что̀ одобряется окружающими и предпочтеніе чего вмѣняется имъ въ обязанность общественнымъ мнѣніемъ. Что же касается до такихъ умовъ, которые слишкомъ самобытны и своеобразны, чтобы выливаться въ общую форму, они или совсѣмъ отказываются отъ чтенія, или же читаютъ старыя или иностранныя книги, явившіяся при другихъ условіяхъ и отвѣчающія инымъ требованіямъ. Начало „выбора“ и начало „примѣненія и непримѣненія“ органовъ, которые имѣютъ такое важное значеніе для натуралистовъ, и здѣсь также находятъ себѣ приложеніе. Все, что дѣйствуетъ — крѣпнетъ, что остается безъ употребленія — слабѣетъ; „имѣющему дастся еще болѣе“. Такимъ образомъ устанавливается извѣстный стиль въ данную эпоху и, запечатлѣваясь болѣе всякаго другого въ умахъ людей, становится преимущественной особенностью времени, доступной ихъ пониманію.

Мнѣ кажется, что и національный характеръ обра-

зовался почти такимъ же путемъ. Сперва нѣкоторая „случайно выдающаяся черта" становится образцомъ, и затѣмъ неудержимое влеченіе, необходимость заставляетъ всѣхъ, кромѣ самыхъ твердыхъ и самобытныхъ людей, подражать тому, что они видятъ передъ собою, быть тѣмъ, что желается всѣми, формировать себя по этому образцу. По моему мнѣнію, именно такимъ путемъ образуются національныя особенности въ современномъ намъ мірѣ. Въ Америкѣ и Австраліи возникаютъ новыя разновидности того, что мы называемъ англо-саксонскимъ характеромъ. Нѣкоторый особый типъ этого характера произошелъ вслѣдствіе трудностей колоніальной жизни, трудностей борьбы съ дикою природой, и этотъ типъ придалъ форму множеству отдѣльныхъ характеровъ, потому что эти личные характеры безсознательно подражали ему. Бо́льшая часть характеристическихъ особенностей американцевъ какъ нельзя болѣе пригодна для тамошней жизни и явилась какъ результатъ ея. Эта непрестанная энергическая дѣятельность, эта постоянно напряженная нервная организація крайне полезны для непрерывно происходящей тамъ борьбы, которая въ свою очередь развиваетъ ихъ. Тѣ же характеристическія черты выработываются, повидимому, и въ Австраліи, и вообще повсюду, гдѣ англійская раса поставлена въ подобныя условія. Но даже и въ этихъ полезныхъ особенностяхъ врожден-

ное стремленіе человѣка уподобляться тому, что его окружаетъ, играетъ важную роль: флегматичный англичанинъ очень часто въ нѣсколько лѣтъ усвоиваетъ подвижность американца; точно также и ирландецъ и нѣмецъ пріобрѣтаютъ это свойство и нерѣдко съ тѣми же признаками, какіе мы видимъ у англичанина. А между тѣмъ прямая полезность не играла никакой роли въ появленіи и распространеніи множества мелкихъ особенностей, составляющихъ принадлежность типическаго „янки". Какая либо выдающаяся личность, случайно обладавшая ими, положила начало модѣ, и послѣдованіе ей продолжается и до настоящаго времени. При внимательномъ разсмотрѣніи, даже и въ самой Англіи, гдѣ въ настоящее время все стремится приблизиться къ извѣстному общему типу, можно и теперь еще встрѣтить мѣстныя особенности, которыя, вѣроятно, возникли вслѣдствіе какой нибудь случайности, имѣвшей мѣсто въ давнее время, и удержались съ тѣхъ поръ силою подражанія. Національный характеръ есть не что иное, какъ нѣкоторый мѣстный характеръ, получившій преобладаніе, точно также какъ народный языкъ есть не что иное, какъ нѣкоторое мѣстное нарѣчіе, имѣвшее перевѣсъ надъ другими, — нарѣчіе такой мѣстности, которая имѣла нѣсколько большее вліяніе, чѣмъ другія, и потому наложила свое ярмо на литературу и общество.

*

Мнѣ не трудно было бы еще болѣе развить мое предположеніе о томъ, что безсознательное подражаніе составляетъ главнѣйшій элементъ въ образованіи національнаго характера, но и сказаннаго уже слишкомъ достаточно для моей цѣли. Отдавая должное хотя бы половинѣ моихъ доводовъ, нельзя не придти къ убѣжденію, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ весьма крупною силою, съ весьма важнымъ дѣятелемъ, достойнымъ полнаго вниманія и изученія, — а этого пока довольно для меня. Мнѣ нужно было показать только дѣйствіе суровой правительственной системы и строгаго законодательства первобытныхъ временъ на образованіе коллективныхъ характеровъ. Они установили преобладающій типъ, нѣчто вродѣ модели или *кумира*, которому люди и поклонялись и подражали, побуждаемые къ тому весьма разнообразными чувствами, но преимущественно въ силу того, что слѣдовало поступать такъ, что это была общепринятая форма человѣческихъ дѣйствій. Какъ скоро преобладающій типъ выяснялся, подражательная способность довершала остальное. Преданіе, по которому спартанское законодательство является дѣломъ Ликурга, въ буквальномъ смыслѣ — невѣрно, но по своей сущности оно совершенно справедливо. Въ этомъ зарожденіи государствъ сильныя и энергичныя личности сплачивали около себя небольшія группы людей и устанавливали для нихъ способъ дѣйствій, ко-

торый этими послѣдними усвоивался и поддерживался.

Только ознакомившись настоящимъ образомъ съ такимъ тихо и постепенно дѣйствующимъ пріемомъ образованія національнаго характера, мы можемъ вполнѣ понять то нерасположеніе, съ которымъ правительства древняго времени относились къ торговлѣ. Вѣроятно, были какія нибудь особенныя причины этой ненависти, если величайшіе умы той эпохи, Платонъ и Аристотель, раздѣляли ее. Они также обдуманно и искренно, видѣли въ торговлѣ источникъ нравственной порчи какъ современный экономистъ видитъ въ ней двигателя промышленности, и тогдашнія правительства въ своихъ воззрѣніяхъ на это дѣло проводили тѣ же начала, какъ и философы. „Не даромъ, иронически говоритъ Арнольдъ, политика жрецовъ-аристократовъ Египта и Индіи старалась отвратить народъ отъ ближайшаго знакомства съ моремъ и представить занятіе морскимъ дѣломъ какъ нѣчто несовмѣстное съ чистотою высшихъ кастъ. Эта ненависть къ морю со стороны древней аристократіи была вполнѣ заслуженною, такъ какъ море оказалось могущественнѣйшимъ орудіемъ человѣческой культуры". Но древнія олигархіи, какъ мы знаемъ теперь, имѣли свою особую задачу. Онѣ подчинили народъ игу опредѣленной жизненной системы; онѣ придали его характеру ту форму, которая потомъ долгое время была отличительной для него. Онѣ сдѣ-

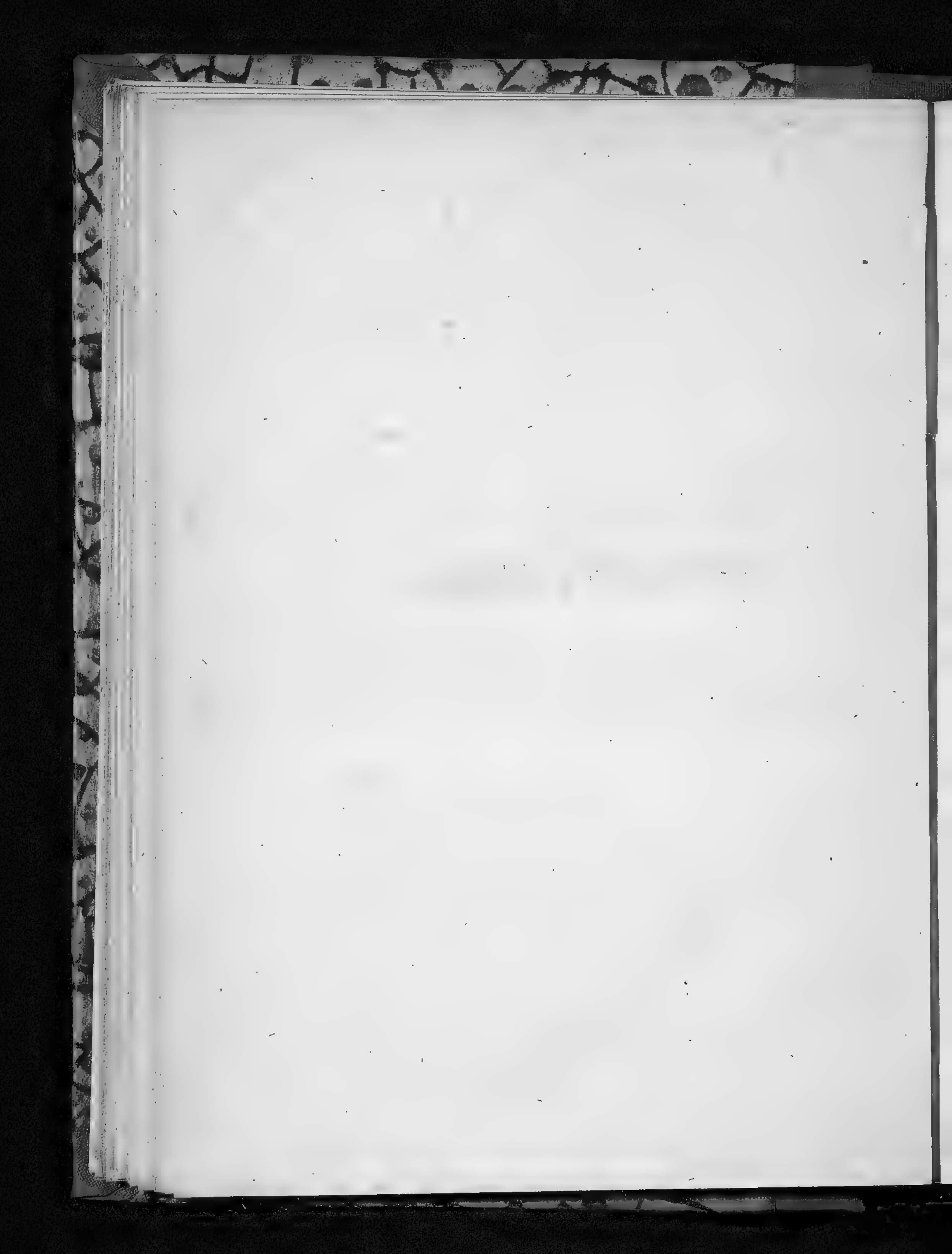
лали свое дѣло, и мы нашли его уже оконченнымъ. Безсознательное подражаніе было ихъ главнѣйшимъ орудіемъ, и потому для ихъ дѣла не могло быть болѣе страшнаго препятствія, какъ сношенія съ иноземцами. Человѣкъ подражаетъ тому, что видитъ передъ собой, только тогда, когда онъ не видитъ ничего другого, но это подражаніе прекращается, какъ скоро предметъ подражанія является лишь конкурентомъ между множествомъ другихъ, которые кажутся подобными ему и даже иногда совершеннѣе его. „Тотъ, кто говоритъ на двухъ языкахъ — мошенникъ", говоритъ пословица, и это изрѣченіе вѣрно характеризуетъ чувство первобытныхъ обществъ, когда новыя идеи и новая жизнь начинали колебать прочно установившійся деспотизмъ освященныхъ давностью кодексовъ и давали возможность впечатлительному и неокрѣпшему человѣку того времени слѣдовать своимъ влеченіямъ, не руководясь никакой наслѣдственной моралью и религіей. Древнія олигархіи должны были въ полной чистотѣ сохранять свой типъ, и потому были правы, не допуская прикосновенія къ нему иностранцевъ.

Въ замѣчательномъ essay, послѣднемъ, касающемся греческой исторіи, прощальномъ словѣ своему любимому предмету, Арнольдъ говоритъ: „Въ древнемъ мірѣ національныя различія не имѣли того враждебнаго и призрачнаго характера, съ какимъ они являются

теперь; они заключали въ себѣ дѣйствительныя и весьма важныя религіозныя и нравственныя различія". Затѣмъ, подтвердивши эту мысль большимъ количествомъ примѣровъ, онъ продолжаетъ: „такимъ образомъ мы вполнѣ понимаемъ почему Ѳукидидъ, повѣствуя объ одномъ городѣ, основанномъ іонійцами совмѣстно съ дорійцами, считаетъ нужнымъ прибавить, что въ немъ господствующими учрежденіями были іонійскія, такъ какъ на самомъ дѣлѣ преобладающій типъ могъ быть совершенно инымъ, смотря по тому отъ какой народности онъ велъ свое начало. По той же причинѣ смѣшеніе личностей различныхъ расъ въ томъ же обществѣ, безъ явнаго преобладанія какой либо одной изъ этихъ расъ, неизбѣжно должно было вносить путаницу во взаимныя отношенія и понятія людей о добрѣ и злѣ; или, заставляя людей, при такихъ тѣсныхъ соотношеніяхъ, каковы соотношенія гражданъ одного и того же города, уживаться съ различными воззрѣніями на важнѣйшія стороны человѣческой жизни; вело ихъ къ общему равнодушію и скептицизму и развивало убѣжденіе, что добро и зло, истина и ложь не существуютъ въ дѣйствительности, а составляютъ только порожденіе человѣческой мысли". Если это въ самомъ дѣлѣ было такъ, тогда олигархіи поступали вполнѣ правильно. Торговыя сношенія именно приносятъ съ собою такое смѣшеніе понятій, такое ниспроверженіе прежнихъ вѣрованій, и это совершает-

ся въ силу неизбѣжнаго закона. Въ наше время такое свойство торговыхъ сношеній составляетъ ихъ главное достоинство; происходящую въ этомъ случаѣ перемѣну мы называемъ „расширеніемъ умственнаго кругозора“. Но въ древнія времена Провидѣніе „отдѣлило народы одинъ отъ другого“, и лишь послѣ того какъ нравственная физіономія ихъ установилась долгими годами наслѣдственной дисциплины, такое расширеніе стало возможнымъ для нихъ. Эти вѣка разобщенія принесли свою пользу, подготовивши человѣка къ такой эпохѣ, когда онъ уже не нуждается въ прежней разобщенности.

ПОЛЕЗНОСТЬ ВОЙНЫ.

I.

ПОЛЕЗНОСТЬ ВОЙНЫ.

„Различіе между прогрессомъ и неподвижностью, говоритъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ современныхъ авторовъ, принадлежитъ къ числу величайшихъ задачъ, которыя предстоитъ разрѣшить наукѣ“. Безъ сомнѣнія, я не имѣю притязанія на полное разрѣшеніе этой задачи, но я убѣжденъ въ томъ, что это рѣшеніе уже недалеко отъ насъ, и что завоеванія, сдѣланныя наукою въ областяхъ, смежныхъ съ тою областью, которой мы касаемся, уже по аналогіи открываютъ для насъ нѣкоторыя начала, уничтожающія многія изъ нашихъ затрудненій и указывающія тотъ путь, какимъ могутъ быть устранены и остальныя.

Но въ чемъ же именно состоитъ эта задача? Нашему обыкновенному разговорному языку, даже, можно сказать, обычной цивилизованной мысли она совершенно неизвѣстна. Наши школьныя уроки, наши ежедневныя бесѣды и наши неизбѣжно предвзятыя мнѣнія — все

научаетъ насъ думать, что „прогрессъ“ есть нѣчто нормальное для человѣческаго общества, что это такое явленіе, котораго мы должны ожидать съ увѣренностью и отсутствіе котораго не можетъ не удивлять насъ. Между тѣмъ исторія говоритъ совершенно иное. Древніе не имѣли понятія о прогрессѣ; нельзя сказать, чтобы они отвергали эту идею: вѣрнѣе, ея вовсе не было у нихъ. То же явленіе мы можемъ видѣть еще и въ наше время у всѣхъ восточныхъ народовъ. Съ тѣхъ поръ какъ началась исторія, они всегда оставались такими же, какими мы ихъ видимъ теперь. Съ другой стороны, дикари также нисколько не идутъ впередъ; повидимому, у нихъ до сихъ поръ не выработалось даже и фундамента, не говоря уже о матеріалахъ, годныхъ для зданія цивилизаціи. Такимъ образомъ только весьма немногія націи, и притомъ исключительно европейскаго происхожденія, двигаются впередъ, и среди этихъ націй живетъ твердое; какъ будто неизбѣжное убѣжденіе, что такое движеніе впередъ неотразимо, естественно и непрерывно. Но въ чемъ же лежитъ причина этого громаднаго различія?

Прежде чѣмъ искать отвѣта на этотъ вопросъ, мы должны съ большей точностью поставить его. Правда, исторія показываетъ намъ, что большинство народовъ находится въ состояніи неподвижности, но въ то же время она даетъ намъ основаніе думать, что всѣ эти

народы нѣкогда двигались впередъ. Они остановились только на различныхъ ступеняхъ этого движенія, но даже и горныя племена Индіи, и обитатели Андамановыхъ острововъ, и дикари Огненной Земли прошли нѣкоторую часть этого пути. Скудное развитіе этихъ людей совершалось множествомъ различныхъ способовъ; съ необычайнымъ трудомъ и терпѣніемъ создали они себѣ множество разныхъ любопытныхъ обычаевъ; они, если можно такъ выразиться, приковали себя къ различнымъ непріютнымъ уголкамъ міра, гдѣ жизнь безцѣльна и печальна, но все-таки возможна. И эти уголки всегда разнятся между собой въ различныхъ частяхъ земли. Исторія застаетъ уже тысячи зданій, остановившихся въ своей постройкѣ, но она находитъ также слѣды прежней строительной работы. Такимъ образомъ мы должны заключить, что если въ историческія времена прогрессъ здѣсь былъ мало замѣтенъ, во времена доисторическія онъ долженъ былъ быть достаточно значителенъ.

Рѣшая, или пытаясь рѣшить, поставленный нами вопросъ, мы не должны упускать изъ виду этого замѣчательнаго различія и должны стараться объяснить его, такъ какъ въ противномъ случаѣ наши начала оказались бы не полными и, быть можетъ, даже не вѣрными. Но какъ же придти къ этому рѣшенію, или какъ опредѣлить тѣ начала, которыя приводятъ къ нему? По моему мнѣнію, здѣсь можно допустить три закона или

правила; изъ нихъ только одного я коснусь въ этомъ сочиненіи, но я изложу ихъ всѣ три, чтобы мои настоящія намѣренія были яснѣе для читателя.

Во-первыхъ, всегда и вездѣ сильнѣйшія націи стремятся къ преобладанію надъ прочими, и нѣкоторыя выдающіяся особенности ихъ, придавая имъ бо́льшую силу, въ то же время ведутъ ихъ и къ бо́льшему совершенству.

Во-вторыхъ, въ каждой націи стремится къ преобладанію тотъ или другой типъ, смотря по степени его притягательной силы, и тотъ типъ, въ которомъ наиболѣе этой притягательной силы, долженъ считаться, за немногими исключеніями, типомъ наиболѣе совершеннымъ.

Въ-третьихъ, въ большинствѣ историческихъ условій, какія либо постороннія силы не способствуютъ усиленію которой нибудь одной изъ борющихся сторонъ, а въ нѣкоторыхъ условіяхъ, каковы, напр., тѣ, которыя преобладаютъ въ наиболѣе вліятельной части нашего міра, это усиленіе имѣетъ мѣсто одинаково для обѣихъ сторонъ.

Во всемъ этомъ мы узнаемъ тѣ же начала, какія мы привыкли встрѣчать въ естествознаніи подъ именемъ „естественнаго подбора". Великія научныя идеи всегда стремятся захватить какъ можно болѣе обширную область и часто способствуютъ рѣшенію такихъ задачъ, которыя, повидимому, не имѣютъ никакой связи съ ними и при первомъ появленіи этихъ идей считались весьма

далеко стоящими отъ нихъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ: начало, примѣненное къ исторіи животныхъ оказывается, только при нѣкоторомъ измѣненіи формы, но оставаясь тѣмъ же по своей сущности, пригоднымъ и для исторіи человѣка.

Въ первое время, какъ только въ естествознаніи появилась теорія естественнаго подбора, она вызвала противъ себя нѣсколько возраженій съ религіозной точки зрѣнія; тогда многіе опасались, что столь могущественная идея, дѣйствующая столь преобразующимъ образомъ на нашу мысль, поколеблетъ многое изъ того, чѣмъ человѣкъ въ особенности привыкъ дорожить. Но для этого, какъ и для другихъ случаевъ, такое возраженіе можно считать окончательно устраненнымъ. Новое начало дѣйствительно имѣетъ роковое вліяніе для нѣкоторыхъ пристроекъ къ зданію религіи, но никакъ не для самой религіи. Во всякомъ случаѣ, для того рода примѣненія этой теоріи, которое я намѣреваюсь сдѣлать здѣсь и которое состоитъ только въ томъ, чтобы отыскать и прослѣдить подходящія сюда аналогическія явленія въ жизни человѣчества, подобныя возраженія не могутъ имѣть мѣста. Въ настоящее время нельзя не признавать, что человѣческая исторія подчинена извѣстнымъ законамъ, и моимъ притязаніемъ является только болѣе или менѣе опредѣленное указаніе нѣкоторой безконечно малой доли этихъ законовъ.

Разсматривать дѣйствіе каждаго изъ трехъ упомянутыхъ выше законовъ въ отдѣльности, независимо отъ другихъ, было бы дѣломъ крайняго педантизма, но тѣмъ не менѣе я преимущественно остановлюсь на первомъ изъ этихъ законовъ, т. е. на соперничествѣ между націями и племенами (понимая эти слова въ ихъ самомъ обширномъ смыслѣ, иначе сказать, разумѣя подъ ними всякаго рода сплоченный аггрегатъ человѣческихъ существъ), и даже, ограничивая такимъ образомъ свою задачу, я могу представить лишь нѣсколько основныхъ соображеній.

Прогрессъ военнаго искусства есть самый замѣтный, если можно такъ сказать, самый видный фактъ въ исторіи человѣчества. Различныя стороны древней цивилизаціи можно сравнивать съ тѣми же сторонами цивилизаціи нашего времени, и во многихъ случаяхъ многіе основательные доводы могутъ располагать къ признанію превосходства первой, но въ одномъ только отношеніи древняя цивилизація не можетъ выдержать никакого сравненія съ новой,—именно въ военномъ дѣлѣ. Наполеонъ, безъ сомнѣнія, побѣдилъ бы Александра, и для современной остъ-индской арміи отступленіе, подобное отступленію десяти тысячъ, вовсе не было бы подвигомъ. Это совершенствованіе должно было идти постепенно втеченіе всей исторіи человѣчества. Я не имѣю претензіи на спеціальныя военныя познанія, но

уже при поверхностномъ взглядѣ на факты можно съ увѣренностью сказать, что общій военный строй, такъ сказать, боевая сила человѣчества непрерывно и неизмѣнно возрастали. Правда, древняя цивилизація долго противустояла „варварамъ" и подъ конецъ пала передъ ними, но и варвары подверглись извѣстнаго рода усовершенствованію. „Мало по малу, говоритъ весьма компетентный въ этомъ дѣлѣ писатель (м-ръ Брайсъ), наемники изъ варваровъ стали составлять самую обширную, или, по крайней мѣрѣ, самую сильную часть римскаго войска. Таковъ былъ составъ тѣлохранителей Августа; преторіанцы выбирались вообще изъ храбрѣйшихъ пограничныхъ войскъ и по большей части были германскаго происхожденія". „Такимъ образомъ, продолжаетъ тотъ же писатель, исчезъ понемногу вѣковой антагонизмъ, и римляне допустили варваровъ къ различнымъ чинамъ и должностямъ, а тѣ съ своей стороны усвоили многое изъ обычаевъ и культуры своихъ сосѣдей. Поэтому, когда пришло время рѣшительнаго движенія, тевтонскія племена постепенно утвердились въ провинціяхъ, уже будучи нѣсколько знакомы съ тѣмъ общественнымъ строемъ, къ которому они примкнули, и охотно становясь членами его". Считая вмѣстѣ союзниковъ и враговъ, едва ли возможно предположить, чтобы боевая сила обѣихъ армій въ моментъ паденія имперіи была слабѣе, чѣмъ

въ длинный періодъ ея могущества. Въ средніе вѣка человѣчеству часто не доставало связующей силы; безъ сомнѣнія, въ эпоху разобщенія труднѣе собрать такое же количество воиновъ, какъ въ эпоху единенія, но это было политическое затрудненіе, а не военное. Если бы соединить вмѣстѣ небольшія отдѣльныя дружины какого либо изъ періодовъ раздѣленія, въ суммѣ онѣ составили бы равную, а быть можетъ, даже и большую силу, чѣмъ соединенное войско прежнихъ временъ, когда такого раздѣленія не существовало. Взятая въ цѣломъ, и допуская всякія возможныя исключенія, общая боевая сила человѣчества возрасла въ громадной степени и постоянно возрастала съ тѣхъ поръ, какъ мы имѣемъ какія либо свѣдѣнія объ этомъ.

Кромѣ того, эта сила постепенно сосредоточивалась все болѣе и болѣе въ тѣхъ группахъ человѣчества, которыя мы называемъ „цивилизованными націями“. Писатели прошедшаго столѣтія постоянно находились подъ опасеніемъ новаго завоевательнаго нашествія варваровъ на Европу, но такое опасеніе могло исходить только отъ воображаемаго страха, который наводили на нихъ завоеванія древняго времени. Вдумываясь нѣсколько глубже въ этотъ предметъ, они легко могли бы увидѣть, что военное искусство стало монополіей цивилизованныхъ государствъ, и что настоящая военная сила все болѣе и болѣе сосредоточивается въ

этихъ государствахъ. Варвары уже перестали быть для насъ даже побѣжденными соперниками.

Точно также и вредное вліяніе цивилизаціи для военнаго дѣла уменьшается по мѣрѣ возрастанія военной силы. Въ настоящее время цивилизація не дѣлаетъ человѣка изнѣженнымъ и неспособнымъ къ войнѣ, какъ это было въ прежнее время. Нашъ организмъ окрѣпъ, если не физически, то нравственно. Въ древнія времена городское населеніе не могло быть употребляемо для войны вслѣдствіе своей видимой неспособности къ этому дѣлу, вслѣдствіе утраты нравственнаго мужества и даже физической энергіи. А въ настоящее время въ каждой странѣ большіе города могутъ выставить цѣлыя толпы людей, которые нуждаются только въ упражненіи, чтобы стать хорошими солдатами, и представляютъ скорѣе избытокъ мужества и отваги. Мы видѣли это въ Америкѣ и въ Пруссіи и тоже могли бы увидѣть въ Англіи. Въ древности человѣкъ, занимавшійся торговлею и привыкшій къ роскоши, становился неспособнымъ къ войнѣ, но этого никакъ нельзя сказать о нашемъ времени.

Это заключеніе подтверждается, хотя съ меньшей достовѣрностью, и другимъ весьма любопытнымъ фактомъ. Дикари погибаютъ передъ новѣйшей цивилизаціей, тогда какъ древняя цивилизація такого роковаго дѣйствія на нихъ не оказывала. По крайней мѣрѣ, ни

у одного изъ древнихъ писателей мы не встрѣчаемъ соболѣзнованія о судьбѣ варваровъ. Въ настоящее время новозеландцы говорятъ, что дѣтямъ ихъ уже не владѣть отеческой землею; австралійцы видимо вымираютъ, а тасманійцы уже вымерли всѣ до одного человѣка. Еслибы что либо подобное происходило въ древности, классическіе моралисты не преминули бы погоревать о такомъ фактѣ; онъ послужилъ бы имъ одною изъ тѣхъ грустныхъ и торжественныхъ темъ, которыхъ они всегда касались такъ охотно. Но, напротивъ того, вездѣ, сколько намъ извѣстно, въ Галліи, въ Испаніи, въ Сициліи варвары выдерживали соприкосновеніе съ римлянами, и римляне соединялись съ варварами. Новѣйшая наука даетъ намъ объясненіе быстраго вымиранія современныхъ дикарей: она говоритъ, что у насъ есть болѣзни, которыя мы сами въ состояніи переносить, но отъ которыхъ дикари вымираютъ, подобно тому какъ нашъ выкормленный и хорошо оберегаемый скотъ погибаетъ отъ чумы, сравнительно безвредной для грубаго степнаго скота. Дикари въ первые годы христіанской эры были почти такими же, какими ихъ засталъ 1800 годъ; и если они могли выдерживать соприкосновеніе цивилизаціи древняго міра и не въ силахъ устоять передъ нашей цивилизаціей, отсюда слѣдуетъ заключить, что наша раса живучѣе и крѣпче расы древнихъ людей, такъ какъ намъ при-

ходится противостоять такимъ болѣзнямъ, которыя дѣйствуютъ несравненно сильнѣе и губительнѣе, чѣмъ тѣ болѣзни, которыя были извѣстны древнимъ. Поэтому остающіеся безъ измѣненія дикари могутъ служить намъ мѣриломъ для опредѣленія силы тѣхъ организмовъ, съ которыми они приходятъ въ соприкосновенія.

Не смотря на бо́льшую или меньшую сомнительность тѣхъ или другихъ частныхъ выводовъ, мы можемъ признать несомнѣннымъ тотъ общій фактъ, что боевая сила человѣчества возрастала съ древнѣйшихъ временъ исторіи, о которыхъ мы знаемъ, и продолжаетъ возрастать и до сихъ поръ. Для доказательства этого мы не должны обращаться только къ такимъ эпохамъ, отъ которыхъ сохранились письменные памятники: мы должны обратиться къ эпохамъ еще болѣе отдаленнымъ, отъ которыхъ дошли до насъ лишь вещественныя доказательства, выражаясь языкомъ юристовъ. Еще до начала исторіи, въ общеупотребительномъ смыслѣ этого слова, прогрессъ въ военномъ искусствѣ былъ по меньшей мѣрѣ столь же значителенъ, какъ и во все послѣдующее время. Воины римскихъ легіоновъ и гомеровскіе греки были въ этомъ отношеніи настолько же выше людей кремневаго вѣка и эпохи кухонныхъ остатковъ, насколько мы сами теперь выше грековъ и римлянъ. Боевая сила человѣчества испытывала непрерывныя приращенія съ того времени, отъ котораго мы имѣемъ

свѣдѣнія объ этомъ по дошедшимъ до насъ письменнымъ свидѣтельствамъ или другого рода указаніямъ.

Причина этого роста военной силы вполнѣ понятна. Сильнѣйшіе народы постоянно побѣждали слабѣйшихъ и иногда подчиняли ихъ своей власти, но всегда удерживали за собою преобладающее вліяніе. Всякое умственное пріобрѣтеніе, которое оказывалось въ распоряженіи извѣстнаго народа, въ древнѣйшія времена прежде всего прилагалось къ военному дѣлу, расходовалось въ немъ, если можно такъ выразиться; все остальное, не имѣвшее такого рода примѣненія, неизбѣжно погибало. Каждая нація постоянно стремилась къ увеличенію своей силы сравнительно съ прочими и съ этой цѣлью изобрѣтала наилучшія военныя орудія или заимствовала ихъ у другихъ; такого рода сознательнымъ или безсознательнымъ подражаніемъ каждая нація выработывала въ себѣ особый типъ людей, наиболѣе пригодныхъ для войны и завоеваній. Завоеванія имѣли совершенствующее вліяніе на человѣчество, приводя въ непосредственное соприкосновеніе его силы, перемѣшивая ихъ между собой, если можно такъ сказать; вооруженное перемиріе, которое тогда называлось миромъ, также вело къ усовершенствованію, заставляло людей соперничать въ развитіи въ себѣ большей силы и такимъ образомъ приводило къ постоянному созиданію новой силы. Съ тѣхъ поръ какъ длинноголовый

человѣкъ впервые вытѣснилъ короткоголоваго изъ лучшихъ странъ Европы, вся европейская исторія стала исторіей послѣдовательнаго преобладанія болѣе воинственныхъ расъ надъ менѣе воинственными и различнаго рода, то успѣшныхъ, то неуспѣшныхъ, усилій каждой изъ этихъ расъ сдѣлаться наиболѣе сильною въ военномъ отношеніи. Такимъ путемъ безпрерывно совершалось усовершенствованіе военнаго искусства.

Но почему одинъ народъ бываетъ сильнѣе другого? Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ, какъ мнѣ кажется, лежитъ ключъ къ рѣшенію вопроса о прогрессѣ древнѣйшей цивилизаціи и отчасти даже о прогрессѣ всякой цивилизаціи. Отвѣтъ въ этомъ случаѣ заключается въ томъ обстоятельствѣ, что существуютъ нѣкоторыя преимущества, болѣе или менѣе значительныя, изъ которыхъ каждое даетъ націи, обладающей имъ, возможность перевѣса надъ той націей, которая лишена этого преимущества, и далѣе въ томъ, что эти преимущества могутъ быть сообщаемы покореннымъ расамъ или могутъ быть заимствованы соперничествующими расами, и наконецъ, въ томъ, что хотя нѣкоторыя изъ преимуществъ недолговѣчны или не поддаются подражанію, но въ общемъ энергія цивилизаціи ростетъ вслѣдствіе соединенія и борьбы силъ.

II.

Изъ этихъ преимуществъ несравненно важнѣе и дѣйствительнѣе прочихъ есть именно то, на которое я уже указывалъ выше, стараясь по мѣрѣ возможности объяснить это читателю въ первой главѣ настоящаго сочиненія, въ которой я говорилъ о „подготовительной эпохѣ“. Изъ этихъ соображеній должно вытекать заключеніе, что первымъ важнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ для человѣка должно было быть пріобрѣтеніе *фибры легальности*, если можно такъ выразиться; прежде всего нужно было общественное устройство, каково бы оно ни было; нуженъ былъ законъ, каково бы ни было его качество; нужна была личность или группа личностей, которой повиновались бы остальные, каково бы ни было достоинство первыхъ.

По словамъ одного автора, „едва ли можно находить слишкомъ большимъ различіе между цивилизованнымъ и нецивилизованнымъ человѣкомъ; это различіе гораздо значительнѣе, чѣмъ между дикими и прирученными животными“, такъ какъ человѣкъ болѣе способенъ къ совершен-

ствованію. Но въ самомъ началѣ это различіе между цивилизованнымъ и нецивилизованнымъ человѣкомъ устанавливалось почти тѣмъ же путемъ, какъ между дикими и домашними животными. Прирученіе животныхъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно совершается у дикихъ народовъ, по описаніямъ путешественниковъ, представляетъ собою родъ подбора. При недостаткѣ корма, тѣ изъ животныхъ, которыя труднѣе поддаются одомашненію, убиваются, а болѣе ручныя и доставляющія менѣе хлопотъ для ухода оставляются въ живыхъ, какъ болѣе удобныя для хозяевъ и потому болѣе цѣнныя для нихъ. Капитанъ Гальтонъ, не разъ бывавшій свидѣтелемъ любопытныхъ сценъ изъ жизни дикарей и ихъ животныхъ, весьма обстоятельно описываетъ этотъ процессъ: „Неукротимо дикія животныя обыкновенно убѣгаютъ изъ стада и пропадаютъ; болѣе дикія изъ остающихся назначаются на убой, всякій разъ, когда является надобность заколоть какое либо изъ животныхъ стада; наиболѣе же прирученныя, тѣ, которыя рѣдко удаляются отъ дому, около которыхъ группируются другія и которыя приводятъ стадо домой, дольше всѣхъ пользуются жизнью. Поэтому они по преимуществу служатъ производителями стада и передаютъ потомкамъ свои удобныя для человѣка качества. Мнѣ постоянно случалось наблюдать этотъ процессъ подбора у пастушескихъ племенъ Ю. Африки. Въ моихъ глазахъ, онъ имѣетъ весьма важное значе-

ніе вслѣдствіе той строгости и правильности, съ которою производится. По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ находился въ употребленіи съ самыхъ первобытныхъ временъ и никогда не прерывался, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе вплоть до настоящаго времени“ [1]).

Человѣкъ, будучи самымъ могущественнымъ изъ всѣхъ животныхъ, этимъ самымъ становится въ совершенно иныя условія: ему самому приходится быть своимъ воспитателемъ и приручителемъ. И при этомъ всегда оказывалось, что самыя покорныя и прирученныя племена, въ первомъ періодѣ борьбы за жизнь, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, обнаруживали наиболѣе силы и обыкновенно одерживали верхъ. Тогда всѣ были дики; въ животной силѣ и суровыхъ добродѣтеляхъ, свойственныхъ дикарю, не чувствовалось недостатка; всѣ были достаточно надѣлены ими. Но племена, или зачатки, части племенъ существенно отличались другъ отъ друга именно своей способностью къ болѣе или менѣе тѣсному единенію. При этомъ достаточно было малѣйшаго признака развитія легальности, самой ничтожной способности къ совокупнымъ дѣйствіямъ въ войнѣ, чтобы заставить вѣсы склониться въ извѣстную сторону. Племена болѣе сплоченныя оставались побѣдителями, а болѣе сплоченными были тѣ племена, у кото-

[1]) Ethnological Society's Transactions, vol. III, p. 137.

рыхъ сильнѣе была развита способность къ покорности и подчиненію. Цивилизація началась, потому что первыя начинанія цивилизаціи были полезны для военнаго дѣла.

По всѣмъ вѣроятіямъ, еслибы у насъ были историческія свѣдѣнія о доисторическомъ времени, еслибы какая нибудь сверхъ-естественная сила отмѣчала всѣ мысли и дѣйствія людей задолго до того времени, когда они выучились это дѣлать для своихъ цѣлей,—мы могли бы видѣть, что первый шагъ цивилизаціи былъ самымъ труднымъ ея шагомъ. Но обращаясь къ исторической эпохѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее знаемъ, намъ приходится еще болѣе удивляться трудности ея дальнѣйшаго шага. Всѣ люди, безусловно неспособные къ единенію, всѣ „циклопы“ должны были прекратить свое существованіе задолго до того времени, отъ котораго до насъ дошли достовѣрныя свѣдѣнія о нихъ. А тѣ, кому это сплоченіе удавалось лишь въ незначительной степени, держались только въ „защищенныхъ“ уголкахъ міра, какъ мы говоримъ теперь. Наша цивилизація началась близъ Средиземнаго моря; безспорно, высшая изъ доисторическихъ цивилизацій сосредоточивалась невдалекѣ оттуда. Исходя изъ этого центра, *рой* завоевателей — такимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ — постепенно росъ и росъ непрерывно, быстро, вѣкъ за вѣкомъ, расширяя свою территорію, хотя и не всегда съ

одинаковымъ успѣхомъ. Географическія условія, однако, долго мѣшали ему. Атлантическій океанъ, Тихій океанъ, Австралійскій океанъ, недоступная внутренная часть Африки, неправильныя горныя страны Индіи составляли такія препятствія, которыхъ онъ не могъ одолѣть. Въ такихъ отдаленныхъ мѣстахъ не было настоящаго соперничества между племенами, и тамъ низшій полусплоченный человѣкъ могъ еще продолжать свое существованіе. Но въ такихъ странахъ, гдѣ подобное соперничество должно было происходить, гдѣ сильнѣйшій тѣснилъ слабѣйшаго, такія плохо соединенныя племена не могли удержаться. Они погибли, и исторія началась только послѣ ихъ исчезновенія. Величайшая трудность, какую только отмѣтила исторія, есть трудность не перваго, а второго шага. Вполнѣ очевидно, что главное дѣло состоитъ не въ томъ, чтобы создать прочный законъ, а въ томъ, чтобы высвободиться изъ-подъ ига этого закона; не въ томъ, чтобы скрѣпить ядро обычаевъ, а въ томъ, чтобы ослабить его; не въ томъ, чтобы выработать консервативный кодексъ, а въ томъ, чтобы стать выше его, стремясь къ дальнѣйшему и лучшему.

Эта-то трудность и составляетъ причину застоя цѣлой группы цивилизацій, остановившихся въ своемъ развитіи. Огромная часть міра, самая большая часть его, повидимому, готова двинуться къ чему-то лучшему,

у нея есть всѣ средства для того, и тѣмъ не менѣе она остановилась и не двигается болѣе. Индія, Японія, Китай и почти всѣ остальныя восточныя цивилизаціи, различаясь между собою во многихъ отношеніяхъ, съ этой стороны представляютъ полнѣйшее сходство. Онѣ какъ будто остановились именно въ такое время, когда не было причинъ для этой остановки, когда всякій посторонній наблюдатель замѣтилъ бы, что имъ, напротивъ, слѣдуетъ продолжать свое движеніе.

Дѣло въ томъ, что прогрессировать могутъ только тѣ націи, которыя пользуются основной особенностью, данною природой организму человѣка, какъ и всѣмъ другимъ организмамъ. Въ силу закона, причину котораго мы не знаемъ, но который является однимъ изъ главнѣйшихъ орудій Провидѣнія для управленія міромъ, — у потомковъ существуетъ стремленіе походить на своихъ родителей и въ то же время *отличаться* отъ нихъ. Природа, создавая новыя поколѣнія, творитъ двойное дѣло, порождая съ одной стороны сходство, а съ другой различіе. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ каждое нарождающееся поколѣніе не сходно съ предыдущимъ, въ другихъ отношеніяхъ оно сходно съ нимъ. Характеристическая особенность остановившейся цивилизаціи состоитъ именно въ томъ, что она уничтожаетъ эти отличія при самомъ появленіи ихъ, прежде чѣмъ они

успѣютъ развиться. Установленный обычай, допускаемый исключительно общественнымъ мнѣніемъ страны, является обязательнымъ для каждаго, будетъ ли онъ ему по душѣ, или нѣтъ. Въ этомъ случаѣ общество сознаетъ, что обычай есть для него единственный оплотъ противъ дикаго произвола и единственная охрана всего дорогого ему. На востокѣ народъ живетъ на землѣ, которая въ теоріи составляетъ полную собственность его деспотическаго монарха, и безъ сомнѣнія, ни само общество, ни его потомство не имѣли бы почти никакихъ средствъ къ существованію, еслибы не владѣли землею какъ бы въ силу ненарушимаго контракта. Въ такомъ состояніи общества земля составяетъ для всѣхъ (кромѣ весьма незначительнаго, болѣе искуснаго меньшинства) необходимый источникъ существованія, а такъ какъ земля, при ограниченномъ количествѣ ея, всегда бываетъ занята, то человѣкъ, устраненный отъ владѣнія ею, устраняется этимъ самымъ изъ этого міра, т. е. долженъ погибнуть. Нечего пояснять, что письменный договоръ въ той средѣ, гдѣ и чтеніе и письмо совершенно неизвѣстны, столько же возможенъ, сколько, напр., Палата Общинъ у андаманскихъ островитянъ. Въ такой средѣ возможенъ только одинъ оплотъ, одно обезпеченіе для жизни и имущества — именно, обычай. Отсюда является весьма понятнымъ, почему въ такихъ странахъ и въ такіе періоды человѣкъ такъ крѣпко

держится за свои обычаи: только они ограждаютъ его отъ опасности голодной смерти.

Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и другая причина, еще болѣе важная, если только какая нибудь причина можетъ быть важнѣе предыдущей. Драйденъ создавалъ въ своемъ воображеніи картины первобытнаго вѣка, „когда по лѣсамъ свободно носился благородный дикарь". Но судя потому, что намъ извѣстно о томъ отдаленномъ, скудномъ и тягостномъ періодѣ, вѣрнѣе было бы сказать: „когда по лѣсамъ одиноко ползалъ пугливый дикарь". Въ тѣ времена человѣкъ не только не зналъ никакого, даже самаго ничтожнаго удобства или комфорта, или даже самыхъ элементарныхъ условій сколько нибудь обезпеченной жизни, но даже его внутренній міръ былъ для него такимъ же источникомъ страданій, какъ и міръ его окружавшій. Онъ всего боялся. Насколько можно судить по имѣющимся у насъ даннымъ, все наполняло его ужасомъ: онъ страшился сильныхъ животныхъ, неизбѣжныхъ нападеній сосѣднихъ племенъ и возможныхъ набѣговъ племенъ отдаленныхъ. Но всего болѣе боялся онъ „міра": зрѣлище природы наполняло его благоговѣніемъ и ужасомъ. Ему казалось, что за этой видимой ему природой скрываются силы, которыя надо успокоивать, ублажать, задобривать, хотя бы путемъ самыхъ ужасныхъ средствъ. Мы встрѣчаемъ множество подобныхъ религій даже среди

высоко культурныхъ расъ. Человѣкъ мѣняетъ свои религіозныя вѣрованія медленнѣе, чѣмъ что либо другое; этимъ объясняется, что мы знаемъ религіи „вѣковъ, предшествовавшихъ нравственности (по выраженію м-ра Джоуитта), вѣковъ, которыхъ гражданскій строй, обыденныя правила жизни и всѣ свѣтскія воззрѣнія давно уже погибли“. „Каждый читающій классиковъ находитъ ихъ миѳологію скучной“, говоритъ д-ръ Джонсонъ. Въ этомъ древнемъ мірѣ, который во многихъ отношеніяхъ такъ сходенъ съ нашимъ, который даже гораздо ближе къ нему, чѣмъ нѣкоторые изъ періодовъ менѣе отдаленныхъ, или чѣмъ жизнь нѣкоторыхъ нынѣ живущихъ людей, есть однако нѣчто такое, чему у насъ не отыщется ничего подобнаго, нѣчто изумительное для насъ, вѣра во что́ для насъ непостижима, и самая идея чего намъ кажется невозможною. Это архаическая часть того міра, который мы считаемъ столь древнимъ; это „древность“, доставшаяся людямъ древняго міра, хотя, быть можетъ, и въ измѣненномъ видѣ, отъ временъ еще болѣе отдаленныхъ, которыя казались для нихъ почти столь же темными, какъ и для насъ. До какой степени эта ужасная религія (она, дѣйствительно, была ужасна во всѣхъ своихъ подробностяхъ, хотя наиболѣе привлекательныя стороны послужили для насъ, также какъ и для древнихъ, матеріаломъ для художественнаго творчества) угнетала человѣка—видно изъ великой поэмы Лу-

креція, которая болѣе чѣмъ какая либо другая поэма древности проникнута духомъ нашего вѣка и которая рисуетъ это прошедшее такъ живо, что мы испытываемъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы дѣло шло о нашихъ собственныхъ ощущеніяхъ. Между тѣмъ религія классическаго міра есть еще самый мягкій и граціозный образчикъ уцѣлѣвшихъ отъ прежняго времени религій. Для того чтобы ознакомиться съ худшими образчиками, должно обратиться туда, гдѣ борьба была всего слабѣе, въ Америку, гдѣ мѣстныхъ цивилизацій было мало, а одной всеобъемлющей цивилизаціи не было вовсе,—къ такимъ религіямъ, какъ религія ацтековъ.

Съ перваго взгляда трудно объяснить себѣ, какое значеніе въ экономіи міра могли имѣть такія страшныя религіи, и дѣйствительно, это объясненіе до сихъ поръ еще никому вполнѣ не удавалось. Но въ одномъ случаѣ онѣ безспорно имѣли полезное значеніе: онѣ заставляли человѣка подчиняться обычаю. Такимъ образомъ, онѣ были первостепенными дѣятелями эпохи, давая закону такую страшную санкцію, что никто не дерзалъ и помыслить о нарушеніи его.

Чтобы понять вслѣдствіе чего цивилизаціи останавливались и оставались неподвижными, необходимо уяснить себѣ суровую дилемму, представлявшуюся первобытному обществу. Люди или вовсе не имѣли тогда никакихъ законовъ и жили разрозненными племенами,

почти лишенными всякой внутренней связи, или должны были дорабатываться до установленныхъ законовъ путемъ невѣроятныхъ усилій. Тѣ, которымъ удавалось одолѣть эту трудность, скоро истребили тѣхъ, кому это не удалось и кто становился имъ поперекъ дороги. Но вслѣдъ затѣмъ побѣдители подпали подъ свое собственное ярмо. Обычай, который встарину утверждался какой либо страшною санкціей, продолжалъ потомъ держаться въ силу этой санкціи и мало по малу убивалъ въ цѣломъ обществѣ ту склонность къ измѣнчивости, которая составляетъ основу прогресса.

Опытъ показываетъ, съ какимъ невѣроятнымъ трудомъ люди приходятъ къ тому, чтобы одобрить нѣчто дѣйствительно оригинальное. Въ теоріи, пожалуй, они еще готовы признать это, но на практикѣ старое заблужденіе — заблужденіе, остановившее цѣлыя сотни цивилизацій — снова вступаетъ въ свои права. Человѣкъ бываетъ слишкомъ пристрастенъ къ своей жизни, слишкомъ вѣритъ въ законченность своихъ понятій, испытываетъ слишкомъ непріятное чувство при столкновеніи съ новыми идеями, для того чтобы охотно мириться съ перемѣнами въ своемъ существованіи; или же, усвоивъ новыя идеи, онъ стремится силою навязать ихъ окружающимъ; онъ старается заставить другихъ выслушивать ихъ, принимать ихъ и подчиняться имъ, прежде чѣмъ прямое столкновеніе этихъ идей съ другими до-

ставитъ имъ перевѣсъ естественнымъ путемъ. Еще и въ настоящее время нѣкоторые вѣрные послѣдователи Конта утверждаютъ, что мы должны быть управляемы іерархіей, составленной изъ различныхъ *ученыхъ*, придерживающихся правовѣрнаго позитивизма. Но кто же будетъ сомнѣваться въ томъ, что самъ Контъ былъ бы непремѣнно повѣшенъ своей іерархіей; что его *essor matériel*, въ дѣйствительности страдавшій такъ много отъ „теологовъ и метафизиковъ" Политехнической школы, не встрѣтилъ бы еще болѣе препятствій со стороны того правительства, которое онъ желалъ установить? Точно также, что касается современной школы контистовъ, гг. Гаррисона и Бисли, которымъ хотѣлось бы „офранцузить англійскія учрежденія", т. е. ввести у англичанъ нѣчто вродѣ наполеоновской системы, диктатуру, опирающуюся на пролетаріатъ,—кто можетъ сомнѣваться, что, еслибы эти писатели были настоящими французами, они навѣрно были бы непримиримыми врагами бонапартизма и были-бы давно уже сосланы въ Каенну. Стремленіе этихъ писателей очень естественно: имъ хочется „организовать общество", имѣть такого деспота, который приводилъ бы въ исполненіе ихъ желанія, прилагалъ бы къ дѣлу ихъ идеи; но всякій деспотъ дѣлаетъ всегда то, что ему угодно, и въ 99 случаяхъ на 100 онъ искореняетъ новыя идеи, а не вводитъ ихъ.

*

Кромѣ того, рядомъ съ этими контистами, хотя и во враждебномъ отношеніи съ ними, или по крайней мѣрѣ съ однимъ изъ нихъ, мы видимъ м-ра Арнольда, поэмы котораго мы всѣ знаемъ наизусть, и который не меньше любаго изъ современныхъ англійскихъ писателей одаренъ истинной литературной инициативой; тѣмъ не менѣе даже и ему хотѣлось бы наложить на насъ ярмо, и притомъ еще болѣе тяжелое, чѣмъ политическое ярмо, — ему хотѣлось бы академической узды, которая направляла бы умы и литературу! Онъ также предлагаетъ англичанамъ взять примѣръ съ Франціи; но что же можно отвѣтить на это, кромѣ того, что уже раньше было сказано двумя настоящими французами послѣдняго времени: „Dans les corps à talent, nulle distinction ne fait ombrage, si ce n'est pas celle du talent. Un duc et pair honore l'Académie Française, qui ne veut point de Boileau, refuse La Bruyère, fait attendre Voltaire, mais reçoit tout d'abord Chapelain et Conrart. De même nous voyons à l'Académie Grecque le vicomte invité, Coraï repoussé, lorsque Jormard y entre comme dans un moulin". Такъ говоритъ Поль Луи Курье своею сжатою, неподражаемою прозой. А еще болѣе великій писатель—французъ съ головы до ногъ, великій поэтъ (качество, которое многіе критики готовы были бы отрицать, еслибы это было возможно), заслужившій такое

названіе именно вполнѣ французскими чертами своего характера, — Беранже, говоритъ въ своихъ стихахъ:

Je croyais voir le président
Fair bâiller — en répondant
Que l'on vient de perdre un grand homme;
Que moi je le vaux, Dieu sait comme.
Mais ce président sans façon[1])
Ne pérore ici qu'en chanson:
Toujours trop tôt sa harangue est finie.
Non, non, ce n'est point comme à l'Acadèmie;
Ce n'est point comme à l'Académie.

Admis enfin, aurai-je alors,
Pour tout esprit, l'esprit de corps?
Il rend le bon sens, quoi qu'on dise,
Solidaire de la sottise;
Mais, dans votre société,
L'esprit de corps c'est la gaîté.
Cet esprit-là règne sans tyrannie.
Non, non ce n'est point comme à l'Académie,
Ce n'est point comme à l'Académie.

Онъ хочетъ сказать этимъ, что академіи навсегда останутся пріютами избитыхъ истинъ. Это уже слишкомъ строго; на самомъ дѣлѣ академіи бываютъ убѣжищами идей и вкусовъ предшествовавшаго времени.

[1]) Désaugiers.

Одинъ замѣчательный научный дѣятель сказалъ мнѣ однажды: „Какъ только какой нибудь ученый прославится въ извѣстной отрасли знанія, онъ тотчасъ же становится вреднымъ, потому что навѣрно всю жизнь будетъ вѣрить тѣмъ заблужденіямъ, которыя были въ ходу въ эпоху его молодости, но впослѣдствіи опровергнуты новымъ поколѣніемъ". Таковы тѣ идеи, которыя находятъ себѣ убѣжище въ академіяхъ и которыя съ величественнымъ презрѣніемъ изгоняютъ оттуда всякія новыя мысли.

Читателю можетъ показаться, что я далеко уклонился отъ разсматриваемаго мною предмета — отъ первобытнаго общества; но я не могу признать этого. Истинно-научный методъ состоитъ въ томъ, чтобы объяснять прошедшее настоящимъ, и наоборотъ, вещи, которыя мы видимъ, объяснять тѣми, которыхъ мы не видимъ. Мы только тогда будемъ въ состояніи понять, почему нѣкоторыя націи избѣжали всякаго измѣненія, когда увидимъ, до какой степени людямъ ненавистны всякаго рода перемѣны; когда убѣдимся, что каждый противится этимъ перемѣнамъ; что не только консерваторы, но и новаторы измышляютъ всякія средства для устраненія всего „чудовищнаго и аномальнаго", т. е. тѣхъ формъ, изъ которыхъ, путемъ борьбы и опыта, избираются лучшія формы для будущаго. Я хочу выяснить только весьма простую истину: одно изъ самыхъ важныхъ предварительныхъ условій для преобладанія націи

заключается въ томъ, что она должна изъ первой стадіи цивилизаціи перейти во вторую; отъ періода, когда чувствуется потребность въ возможно бо́льшей неизмѣняемости, она должна перейти къ періоду, когда чувствуется потребность въ наибольшей измѣнчивости; и мы до тѣхъ поръ не поймемъ отчего прогрессъ совершается такъ медленно, пока не увидимъ ясно, съ какою силою наиболѣе упорныя склонности человѣка затрудняютъ этотъ шагъ въ исторіи человѣчества.

Едва ли нужно пояснять здѣсь, что нація непремѣнно должна сохранить добродѣтели своего перваго возраста, переходя во второй; въ противномъ случаѣ она будетъ раздавлена. Нельзя отрѣшаться отъ дикихъ доблестей, гоняясь за зачатками добродѣтелей цивилизованнаго времени; эти дикія доблести, развивающія наклонность къ войнѣ, составляютъ насущный хлѣбъ человѣческой природы. Карлейль на своемъ живописномъ языкѣ выражается слѣдующимъ образомъ: „Конечный вопросъ между каждыми изъ двухъ людей таковъ: я ли смогу убить тебя, или ты меня?“ Область исторіи усѣяна развалинами націй, которыя достигли нѣкотораго развитія цѣною значительной доли мужества, и такимъ образомъ сами подготовили себя къ гибели, наступившей въ тотъ моментъ, когда обстоятельства сложились для того благопріятно. Но эти націи слишкомъ рано вышли изъ „до-экономическаго“ фазиса развитія и на-

чали учиться въ такую пору, когда должны были только разучиваться. Эти факты не противорѣчатъ, а напротивъ, служатъ подтвержденіемъ того правила, что нація, вступившая на путь измѣняемости, не утративши при этомъ легальности, имѣетъ огромные шансы сдѣлаться преобладающею націей.

Ни одна нація не поддается подъ какое либо отвлеченное опредѣленіе; каждый народъ есть существо, обладающее многочисленными и разносторонними свойствами, и ни одно событіе въ исторіи не можетъ служить для полнаго выраженія какого либо начала, такъ какъ каждое явленіе находится въ неразрывной и трудно-уловимой связи со многими другими. Исторія, какъ бы ясна и полна она ни была, всегда походитъ на картину Рембрандта, гдѣ только нѣкоторыя избранныя мѣста освѣщены яркимъ свѣтомъ, все же прочее оставлено въ тѣни. Чтобы воспользоваться исторіей какой нибудь націи для доказательства извѣстнаго начала, необходимо намѣренно однимъ явленіямъ придать болѣе рельефности, чѣмъ слѣдуетъ, а другія оставить въ сторонѣ. Но даже вполнѣ имѣя въ виду возможность такой ошибки, развѣ нельзя утверждать, что Римъ, первенствующая нація древняго міра, достигъ преобладанія именно въ силу указаннаго мною начала? Подъ грубою корою его легальности всегда таилось зерно приспособляемости. Даже изъ самыхъ законовъ его ясно

видно, что какъ ни стѣснительна была привычка къ повиновенію, какъ, повидимому, ни деспотиченъ былъ обычай, однако, на ряду съ этимъ, дѣйствовало и нѣкоторое скрытое начало развитія, которое, такъ или иначе, *вело* къ измѣненію существа римской жизни сообразно съ обстоятельствами, — начало, которое заставляло народъ дѣлать то, чего требовало новѣйшее время, хотя, казалось, онъ не отступалъ при этомъ отъ указаній старины. Это заключеніе вытекаетъ изъ всей римской исторіи: каждое поколѣніе, сколько намъ извѣстно, лишь немного отличалось отъ предыдущаго, — и въ лучшія времена часто только *очень* немного. Вслѣдствіе этого исторія Рима является послѣдовательною и непрерывною, не смотря на громадное различіе между ея началомъ и концомъ. Исторія многихъ націй напоминаетъ тѣ драматическія представленія въ Англіи, гдѣ одна сцена внезапно слѣдуетъ за другой съ совершенно противоположнымъ характеромъ, гдѣ хижина смѣняется дворцомъ и мельница крѣпостью. А исторія Рима измѣняется какъ хорошая діорама: пока вы смотрите, вы почти не замѣчаете перемѣны; каждый последующій моментъ, повидимому, нисколько не отличается отъ предыдущаго; однако, въ заключеніе, метаморфоза оказывается полною, и вы уже ничего незамѣчаете изъ того, что передъ вами было вначалѣ. Такова именно была исторія великаго народа: она на-

чинается съ нѣсколькихъ хижинъ, а оканчивается обширною имперіей, и все это совершается рядомъ незамѣтныхъ переходовъ. Въ Римѣ деликатное начало прогресса было прикрыто и ограждено такими крѣпкими фибрами другихъ сторонъ жизни, что никогда не порывалось и вѣчно оставалось живучимъ.

Мы знаемъ, правда, примѣръ того, что соединеніе прогрессивности и легальности не обезпечиваетъ преобладанія на полѣ битвы. Такъ у евреевъ, яснѣе чѣмъ у какого либо другого народа древности, мы видимъ типъ прогресса — въ пророкахъ, а рядомъ съ нимъ типъ консерватизма — въ законѣ и Левитахъ. Нигдѣ въ исторіи не встрѣчается такой разобщенности и такой интенсивности этихъ обоихъ началъ, столь необходимыхъ и опасныхъ. Въ Іудеѣ происходило такое же измѣненіе въ области мысли, какъ въ Римѣ во внѣшнемъ могуществѣ, и измѣненіе это было непрерывно, постепенно и благотворно. Въ первобытныя времена каждое преимущество стремится сдѣлаться преимуществомъ военнаго поприща, и это лучшее средство для него, чтобы уцѣлѣть и развитвся. Но у евреевъ преимущества никогда не примѣнялись къ войнѣ; не смотря на множество противуположныхъ примѣровъ, они какъ появились въ области религіи, такъ и остались въ ней навсегда. Ради этого они и представляютъ такое значеніе для насъ; отсюда и произошелъ такой безконечный

рядъ послѣдствій. Я не буду, однако, останавливаться на этомъ предметѣ, такъ какъ это выходитъ изъ предѣловъ моей задачи. Для насъ въ настоящемъ случаѣ достаточно указать, что Іудея представляетъ типъ сочетанія измѣнчивости и легальности, не воплощавшихся въ боевую силу, а потому и погибшихъ наконецъ, завѣщавши, тѣмъ не менѣе, потомству наслѣдіе этого сочетанія въ безсмертныхъ умственныхъ результатахъ.

Мнѣ могутъ замѣтить, что выставляемый мною принципъ сводится къ той истинѣ, что человѣкъ развивается, когда идетъ впередъ, и остается неподвижнымъ, когда пребываетъ въ неподвижности. Мы поставили вопросъ—почему люди прогрессируютъ, а предлагаемый нами отвѣтъ какъ будто указываетъ только, что люди прогрессируютъ тогда, когда въ природѣ ихъ имѣется достаточный запасъ измѣнчивости. Можетъ казаться, что я, какъ ученые прежняго времени, объясняю явленія скрытыми въ нихъ свойствами: опіумъ усыпляетъ потому, что обладаетъ снотворнымъ началомъ, а хлѣбъ питаетъ, благодаря своимъ питательнымъ свойствамъ. Но мое объясненіе вовсе не такъ нелѣпо. Я говорю: „зарожденіе цивилизаціи обозначается установленіемъ усиленной легальности; эта легальность есть необходимое условіе существованія цивилизаціи, цементъ, ее скрѣпляющій; но легальность, т. е. склонность налагать условное ярмо обычаевъ на всѣхъ людей и ихъ

дѣйствія, если она слишкомъ сильна, убиваетъ всякіе задатки измѣнчивости, врожденные человѣческой природѣ, и, какъ мы это часто видимъ, приводитъ къ тому, что различные люди и различныя эпохи становятся простыми копіями другъ съ друга. Прогрессъ возможенъ только въ тѣхъ счастливыхъ случаяхъ, когда сила легальности развивается лишь настолько, чтобы служить связующимъ началомъ націи, а не заглушаетъ всѣ ея особенности и естественное непрерывное стремленіе къ измѣняемости". При разрѣшеніи нашей задачи мы ведемъ дѣло не къ тому, чтобы придумать какой нибудь воображаемый дѣятель, а къ тому, чтобы опредѣлить сравнительную важность двухъ уже извѣстныхъ дѣятелей.

III.

Указанное выше преимущество есть одно изъ самыхъ важныхъ въ древнѣйшія эпохи, одно изъ тѣхъ началъ, которыя опредѣляютъ рѣшительный исходъ борьбы между различными націями; но кромѣ него существуютъ и многія другія. Такъ, къ тѣмъ же результатамъ можетъ привести и сравнительно большее совершенство *политическихъ учрежденій.* Путешественники указываютъ, что изъ дикихъ племенъ въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ находятся тѣ, у которыхъ преобладаетъ монархическая власть, а тѣ, у которыхъ господствуетъ „правленіе многихъ", находятся въ положеніи гораздо худшемъ. До тѣхъ поръ, пока война составляетъ важнѣйшее изъ занятій народовъ, временный деспотизмъ, т. е. деспотизмъ во время войны, является необходимостью. Маколей совершенно вѣрно замѣчаетъ, что много найдется армій, которыя выигрывали сраженіе подъ командою плохихъ полководцевъ, но что не было еще армій, одерживавшихъ побѣды подъ управленіемъ какого нибудь „вѣчно разсуждаю-

щаго совѣта“; что многоголовое чудовище въ подобныхъ случаяхъ ведетъ роковымъ образомъ къ неудачѣ. Деспотизмъ возникаетъ въ первобытныхъ обществахъ точно такъ же, какъ демократія въ болѣе современныхъ; онъ представляетъ собою форму правленія, наиболѣе согласную съ насущными потребностями и вполнѣ соотвѣтствующую времени. Но деспотизмъ враждебенъ началу измѣняемости; это доказывается всею исторіей. Онъ стремится задержать человѣка на той стадіи развитія, гдѣ человѣкъ принужденъ безусловно покоряться обычаю, и самая полезность его для этой стадіи дѣлаетъ его вреднымъ для послѣдующей. Онъ не позволяетъ человѣку вступить на первую ступень прогресса—въ возрастъ *весьма* медленнаго и *весьма* постепеннаго развитія. Нѣкоторая прочно установленная, хотя бы и неполная свобода критики точно также необходима для того, чтобы человѣкъ могъ пробить толстую кору обычаевъ и положить начало прогрессу, какъ въ позднѣйшемъ возрастѣ она необходима для продолженія уже начавшагося прогресса; по всей вѣроятности, въ это первое время она даже необходима еще болѣе. Въ расахъ наиболѣе прогрессивныхъ это требованіе вполнѣ осуществляется. Я уже упоминалъ выше объ іудейскихъ пророкахъ, представлявшихъ собою жизненное начало своей націи и источникъ всего ея развитія. Но другая раса, еще болѣе прогрессивная, та, которая положи-

ла начало научной цивилизаціи и которая донынѣ служитъ ея главною руководительницей, обладала еще болѣе успѣшнымъ орудіемъ прогресса. „Уже въ самыя древнія эпохи политической жизни тевтоновъ—говоритъ м-ръ Фримэнъ — монархическій, аристократическій и демократическій элементы являются ясно обозначенными. Мы видимъ тамъ коронованныхъ или некорованныхъ вождей и людей благороднаго происхожденія, въ чемъ бы ни состояло это благородство, которые, въ силу этого качества, во всемъ пользуются преимуществами, и кромѣ того мы видимъ свободный вооруженный народъ, которому безспорно принадлежитъ высшая власть. Вопросы меньшей важности рѣшаются вождями, болѣе же важные вопросы представляются ими на обсужденіе народнаго собранія. Эту систему нельзя назвать исключительно тевтонскою. Она составляетъ общее достояніе арійскаго племени; таковъ былъ порядокъ у ахеянъ Гомера на землѣ и у боговъ Гомера на Олимпѣ. „Возможно и даже вѣроятно, что такое общественное устройство составляло принадлежность того первобытнаго племени, изъ котораго выдѣлились греки, римляне и тевтоны. Эти племена принесли съ собою подобное устройство, также какъ англійское племя принесло свое обычное право, которое одно было доступно ихъ пониманію и могло быть примѣнено къ жизни. Возможно также, что вы-

ходцы первобытнаго арійскаго племени принесли съ собою лишь счастливыя наклонности, высокую политическую способность, которая даже въ самыхъ отдаленныхъ странахъ, подъ вліяніемъ сходныхъ обстоятельствъ, впослѣдствіи должна была породить одинаковыя формы. Во всякомъ случаѣ нельзя не признать превосходства тевтоновъ, грековъ и римлянъ въ отношеніи этой общей всѣмъ имъ формы правленія. Различіе мнѣній въ народныхъ собраніяхъ благопріятствовало принципу измѣняемости; вліяніе старѣйшихъ обезпечивало спокойствіе и сохраняло извѣстный типъ общественныхъ воззрѣній; въ лучшихъ случаяхъ военная дисциплина не ослаблялась свободой, господствовавшей въ народѣ, и военный порядокъ поддерживался усиліями всего общества. Римское войско было обществомъ свободныхъ людей, добровольно подчинявшихся временному деспотизму.

Смѣшеніе расъ точно также имѣло свою выгодную сторону. Хотя въ прежнее время люди придавали большое значеніе чистотѣ крови, но на самомъ дѣлѣ они весьма мало обладали ею. Бо́льшая часть историческихъ націй были покорителями народовъ доисторическихъ. Побѣдители умерщвляли многихъ изъ побѣжденныхъ, но не всѣхъ; обыкновенно они обращали покоренныхъ мужчинъ въ рабство, а женщинъ брали себѣ въ жены. Главнымъ связующимъ элементомъ древнихъ обществъ было, безъ сомнѣнія, единство происхожденія; для вся

кой націи, вновь вступавшей на историческое поприще, было весьма важно указать, что она имѣетъ общихъ родоначальниковъ съ какою либо изъ извѣстныхъ, уже давно существующихъ націй; идея нашего времени, что территоріальное сближеніе составляетъ естственное связующее начало гражданской жизни, въ то время была бы отвергнута, еслибы она только могла появиться. Но съ помощью одной изъ тѣхъ легальныхъ фикцій, которыя такъ прекрасно объяснены у сэра Генри Мэна, первобытные народы всегда находили возможнымъ дѣлать то, что они считали нужнымъ, и признавать то, что имъ казалось справедливымъ. При отсутствіи кровнаго родства являлось усыновленіе; они торжественно увѣряли себя и другихъ, что такое-то лицо происходитъ отъ такихъ-то отдаленныхъ родоначальниковъ ихъ, хотя всѣмъ было извѣстно, что никакой кровной связи здѣсь не существовало. Они устанавливали искусственное единство за недостаткомъ естественнаго, и такимъ образомъ освященное вѣками чувство, требовавшее расоваго единства, какъ залога сближенія, было удовлетворено; установленное такимъ путемъ родство замѣняло родство по рожденію. Націи, придерживавшіяся подобныхъ воззрѣній, не могли представлять собою единство расъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы употребляемъ это слово и въ какомъ его понимаетъ новѣйшая физіологія. Какого рода смѣшенія улучшаютъ породу

и какія ухудшаютъ ее, сказать не легко. Этимъ вопросомъ занимался Катрфажъ и, во время всемірной парижской выставки, представилъ весьма тщательный отчетъ по этому предмету. Катрфажъ, приводя мнѣніе другаго писателя о томъ, что Южная Америка есть обширная лабораторія, въ которой производятся опыты надъ смѣшеніемъ расъ, вновь пересматриваетъ результаты, получившіеся въ различныхъ случаяхъ. Въ Южной Каролинѣ мулаты не отличаются плодовитостью, тогда какъ въ Луизіанѣ и Флоридѣ мы видимъ совершенно обратное. На Ямайкѣ и Явѣ третье поколѣніе мулатовъ является уже безплоднымъ; а на материкѣ Америки, какъ всѣмъ извѣстно, смѣшанныя расы въ настоящее время весьма многочисленны и размножаются безпрепятственно втеченіе неограниченнаго числа поколѣній. Также разнообразна была и судьба расъ, происходившихъ въ различныхъ случаяхъ отъ смѣшенія бѣлыхъ съ туземцами Америки; эти расы иногда крѣпли и распространялись, а иногда погибали. Катрфажъ заканчиваетъ свое разсужденіе слѣдующими словами: „En acceptant comme vraies toutes les observations qui tendent à faire admettre qu'il en sera autrement dans les localités dont j'ai parlé plus haut, quelle est la conclusion à tirer de faits aussi peu semblables? Evidemment, on est obligé de reconnaître que le développement de la race mulâtre est favorisé, retardé, ou empêché par

des circonstances locales; en d'autres termes, qu'il dépend des influences exercées par l'ensemble des conditions d'existence, par le *milieu* [1]). Эти слова слѣдуетъ понимать такимъ образомъ, что смѣшеніе расъ иногда производитъ формы, которыя лучше примѣняются къ мѣсту и времени, нежели та или другая изъ производящихъ формъ; въ такомъ случаѣ, нѣкоторымъ родомъ естественнаго подбора, смѣшанная раса получаетъ преимущество надъ обѣими производящими формами и иногда даже замѣщаетъ ихъ. Но въ другихъ случаяхъ смѣшанная раса не такъ пригодна для окружающихъ условій, какъ обѣ породившія ее формы, и потому она быстро и сама собою погибаетъ.

Въ раннее время исторіи постоянныя смѣшенія расъ, бывшія результатомъ завоеваній, представляли собою такіе же эксперименты скрещиванія, какіе мы видимъ теперь въ Южной Америкѣ. Новыя расы прибывали въ новыя области и частью уничтожали прежнія расы, частью

---

[1]) Признавая справедливыми всѣ наблюденія, доказывающія, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, о которыхъ я говорилъ выше, дѣло должно происходить иначе, какое же заключеніе мы можемъ вывести изъ фактовъ столь несходныхъ между собою? Очевидно, мы должны признать, что развитію расы мулатовъ способствуютъ или препятствуютъ мѣстныя условія; другими словами, оно зависитъ отъ вліяній, оказываемыхъ совокупностью условій существованія, *средою*.

*

смѣшивались съ ними. Результатъ этого процесса, безъ сомнѣнія, былъ въ то время также разнообразенъ и также трудно объяснимъ, какъ и теперь. Иногда это скрещиваніе удавалось, а иногда вовсе не имѣло успѣха. Въ первомъ случаѣ, т. е. въ случаѣ удачи смѣшенія расъ, потомки должны были превосходить родителей въ тѣхъ отношеніяхъ, о которыхъ мы уже часто упоминали, т. е. по отношенію къ измѣняемости и, слѣдовательно, способности къ прогрессу. Смѣшанныя націи бываютъ всегда несравненно жизненнѣе. Такъ, напр., о Франціи совершенно справедливо говорятъ, что она представляетъ собою нѣчто среднее между латинскою и германскою расами. Въ жителѣ Нормандіи мы видимъ съ перваго взгляда сѣвернаго человѣка, тогда какъ провансалецъ рѣзко обнаруживаетъ всѣ свойства южнаго характера. Въ крови французовъ латинскій, кельтскій и германскій элементы смѣшаны въ безконечномъ количествѣ пропорцій; хотя французская нація является достаточно единою по своему духу, но различныя области ея представляютъ множество различій и въ своей исторіи, и въ темпераментахъ своихъ обитателей. Подобно ирландскому и шотландскому элементамъ въ англійской Палатѣ Общинъ, расовое разнообразіе Франціи содѣйствуетъ развитію политической жизни, благопріятствуя появленію и примѣненію новыхъ и разнообразныхъ идей, которыя иначе, вѣроятно, не произошли бы на свѣтъ. Для перво-

бытной эпохи смѣшеніе расъ было еще болѣе важнымъ и необходимымъ, чѣмъ для новѣйшаго времени. Въ отвѣтъ на гордое замѣчаніе евреевъ, что раса ихъ продолжаетъ процвѣтать, не смотря на то, что она разсѣяна по всей землѣ и поддерживается только въ своей собственной средѣ, имъ отвѣчали: „ваша раса процвѣтаетъ именно потому, что она такъ разсѣяна по землѣ; акклиматизировавшись въ различныхъ странахъ, ваша нація пріобрѣла развитые до значительной степени элементы измѣняемости; она содержитъ сама въ себѣ тотъ принципъ измѣнчивости, который другія расы должны пріобрѣтать посредствомъ скрещиванія“. Въ глубокой древности, безъ сомнѣнія, не существовало ни одной столь космополитической расы, какъ евреи. Каждая раса представляла собою нѣчто замкнутое и по идеямъ, и по распространенію, и вслѣдствіе того нуждалась въ смѣшеніи съ другими.

Но смѣшеніе расъ въ древнемъ мірѣ, наравнѣ съ полезной стороною, имѣло и свою опасную сторону. Мы знаемъ, съ какимъ недовѣріемъ и презрѣніемъ въ Британской Индіи относятся къ метисамъ. Дѣти англичанъ и индусовъ являются чѣмъ-то среднимъ не только въ расовомъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Они не наслѣдуютъ никакихъ опредѣленныхъ вѣрованій или опредѣленнаго мѣста въ мірѣ; у нихъ нѣтъ прочно установленныхъ традиціонныхъ чувствъ, которыя служатъ опорою

для человѣка. Въ древнемъ мірѣ многія смѣшенія могли оказываться гибельными; они должны были разрушать то, чего не въ силахъ были дать — врожденное начало дисциплины и порядка. Но въ томъ случаѣ, когда смѣшеніе расъ не вело къ такимъ послѣдствіямъ, если, напр., обѣ расы были достаточно близки между собою, чтобы ихъ физическіе и нравственные элементы могли слиться, если какая либо изъ расъ своей большей численностью и болѣе высокою организаціей получала верхъ надъ другою и ассимилировала ее, поглощая безъ остатка, — тогда скрещиваніе имѣло чрезвычайныя выгоды: оно дѣлало болѣе вѣроятнымъ развитіе способности къ измѣнчивости и, вслѣдствіе того, къ усовершенствованію. Если это усовершенствованіе хотя частью шло въ направленіи полезномъ для военнаго дѣла, тогда эти смѣшанныя и улучшенныя расы быстро пріобрѣтали преимущество въ борьбѣ націй и большее вѣроятіе для того, чтобъ уцѣлѣть въ этой борьбѣ.

Другой путь, которымъ одно государство можетъ пріобрѣсти верхъ надъ другими конкурирующими съ нимъ государствами, составляютъ его *временныя* учрежденія, если можно такъ выразиться. Важнѣйшее изъ нихъ, рабство, также какъ и смѣшеніе расъ, является продуктомъ первобытнаго завоеванія. Рабъ есть неуподобленный, непереваренный атомъ, нѣчто, находящееся въ политическомъ организмѣ, но не составляющее ча-

сти его. Въ позднѣйшее время за рабствомъ утвердилась весьма дурная репутація и совершенно основательно. Мы связываемъ съ нимъ представленія о цѣпяхъ, о законахъ, держащихъ людей въ невѣжествѣ и препятствующихъ развитію семьи. Но то зло, которое приходилось терпѣть міру отъ рабства въ новѣйшее время, не должно ослѣплять насъ или заставить насъ забыть великія услуги, оказанныя рабствомъ въ первобытныя времена. Уже то говоритъ въ его пользу, что оно было однимъ изъ тѣхъ учрежденій, которое всѣ націи во всѣхъ странахъ міра, находясь на извѣстной степени развитія, усвоивали себѣ и поддерживали. „Рабство, говоритъ Аристотель, существуетъ по закону природы", желая этимъ сказать, что его можно найти вездѣ, что оно вездѣ было необходимымъ элементомъ первобытной политической системы. „Многія англійскія колоніи, говорилъ Эдуардъ Гиббонъ Уэкфильдъ не далѣе какъ въ 1848 году, тотчасъ ввели бы у себя невольничество, еслибы это было дозволено имъ", и эти слова относились не только къ стариннымъ колоніямъ, воспитаннымъ въ духѣ невольничества и развившимся на счетъ его, но также и къ новымъ колоніямъ, основаннымъ свободными людьми, которые, казалось, должны были бы желать, чтобы среди нихъ жили только свободные люди. Уэкфильдъ зналъ, что онъ говоритъ: онъ близко присмотрѣлся къ грубому состоянію общества и

вполнѣ изучилъ свойственное такому состоянію расположеніе умовъ. Онъ могъ замѣтить, что *досугъ* есть главнѣйшая потребность первобытныхъ обществъ, а досугъ возможенъ только при существованіи рабства. Въ новыхъ странахъ общественное положеніе всѣхъ свободныхъ людей почти одинаково: у каждаго есть земельная собственность, и каждый долженъ производить извѣстнаго рода работу; капиталъ, по крайней мѣрѣ въ земледѣльческихъ странахъ (въ пастушескихъ странахъ условія совершенно иныя), имѣетъ мало примѣненія; онъ не можетъ быть примѣненъ для пріобрѣтенія рабочихъ, такъ какъ каждый работаетъ только для себя. Вѣроятно, многимъ изъ насъ случалось слышать анекдотъ объ англійскомъ капиталистѣ, который отправился въ Австралію и повезъ съ собою цѣлую толпу работниковъ и карету; онъ предполагалъ, что его работники выстроятъ тамъ для него домъ и что ему можно будетъ держать тамъ экипажъ, какъ въ Англіи. Но ему пришлось жить въ этой каретѣ, потому что работники ушли отъ него и стали работать на себя.

Въ подобныхъ странахъ едва ли возможенъ такой классъ общества, который мы называемъ у себя джентельменами и лэди. Утонченность нравовъ является только тамъ, гдѣ существуетъ досугъ, а досугъ въ такихъ обществахъ возможенъ лишь при существованіи рабства. Такой порядокъ создаетъ классъ людей, пред-

назначенныхъ работать для того, чтобы другіе могли не работать и вмѣсто того могли думать за этихъ работниковъ, которые избавлены отъ этой необходимости. Изобрѣтательность, порождаемая рабствомъ, имѣетъ первостепенную практическую важность для первобытныхъ обществъ, а досугъ, доставляемый имъ, ведетъ къ огромному преимуществу въ художественной области, въ чемъ мы можемъ убѣдиться изъ всей исторіи человѣчества. Патріархи Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ не могли бы обладать тѣмъ величавымъ спокойствіемъ, которое приписываетъ имъ преданіе, еслибы имъ самимъ приходилось пасти свои стада и всюду слѣдовать за ними. Утонченность чувствъ и внѣшнее достоинство, безъ сомнѣнія, не имѣли особенной важности въ раннемъ періодѣ жизни націй; сами по себѣ они не обезпечивали имъ долгаго будущаго или даже какого бы то ни было будущаго. Но изобрѣтательность полезна для военнаго дѣла, и рабовладѣльческіе народы, обладая досугомъ для развитія мысли, имѣютъ возможность пріобрѣтать бóльшую устойчивость въ политической жизни и бòльшую силу въ стратегическомъ отношеніи.

Безъ сомнѣнія, эта временная выгода пріобрѣтается насчетъ крупныхъ потерь въ будущемъ, когда становятся возможными иные источники досуга; тогда единственная польза, приносимая невольничествомъ, исчезаетъ, а всѣ дурныя стороны его остаются

и продолжаютъ ухудшаться все болѣе и болѣе. Такой видъ невольничества, когда господинъ, владѣя лишь нѣсколькими рабами, знаетъ ихъ всѣхъ лично и видитъ ежедневно, есть состояніе еще весьма сносное; жизнь рабовъ Авраама была, безъ сомнѣнія, довольно хорошей жизнью, сообразно съ условіями того времени. Но гуртовое рабство,—когда люди являются только помѣщеніемъ крупнаго капитала, и когда крупный собственникъ не только не знаетъ каждаго изъ своихъ невольниковъ, но едва ли можетъ сказать даже, сколько группъ этихъ невольниковъ у него,—есть состояніе въ полномъ смыслѣ слова ужасное. Именно такого рода рабство сдѣлало это слово возмутительнымъ для лучшихъ умовъ цивилизованнаго времени и повело къ искорененію его въ тѣхъ частяхъ нашего міра, до которыхъ коснулась цивилизація. Такой фактъ можно считать только весьма естественнымъ. Исторія цивилизаціи показываетъ намъ безчисленное множество вѣрованій и учрежденій, которыя имѣли необычайно полезное значеніе вначалѣ, но затѣмъ утратили всякую жизненность. Прогрессъ не считался бы столь рѣдкимъ явленіемъ, еслибы то, что было вначалѣ самою питательною пищей, впослѣдствіи не обращалось въ ядовитое вещество. Полное разсмотрѣніе этихъ временныхъ учрежденій заняло бы половину этой книги и было бы здѣсь совершенно неумѣстно и без-

полезно. Цѣлыя обширныя главы слѣдовало бы занять описаніемъ однихъ только древнихъ олигархій и монархій. Здѣсь достаточно обратить вниманіе лишь на то, что подобныя подготовительныя формы часто приводятъ къ множеству полезныхъ особенностей и утонченныхъ качествъ и обезпечиваютъ ихъ развитіе, поддерживая военную доблесть.

Мы разсмотрѣли тѣ случаи, въ которыхъ нѣкоторый *умственный* прогрессъ даетъ первобытному обществу извѣстное преимущество на войнѣ; еще болѣе яркими представятся для насъ тѣ случаи, когда упомянутое нами преимущество пріобрѣтается посредствомъ нѣкотораго рода *нравственныхъ* качествъ. Война требуетъ и порождаетъ извѣстныя достоинства; при этомъ наибольшее значеніе имѣютъ, если можно такъ выразиться, качества подготовительной эпохи, каковы храбрость, правдивость, склонность къ повиновенію и привычка къ дисциплинѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ; какимъ бы путемъ они ни происходили, придаютъ націи, обладающей ими, нѣкоторое военное преимущество и помогаютъ ей *выстаивать* въ борьбѣ народовъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, римляне обладали этими важными качествами нисколько не менѣе, чѣмъ какая либо раса древняго и даже новѣйшаго міра. Успѣхъ тѣхъ націй, которымъ были свойственны эти военныя добродѣтели, обусловливался той возможностью, которую они пріобрѣтали при этомъ,

обезпечивать свое существованіе въ мірѣ и уничтожать въ себѣ свойства противоположнаго характера. Завоеваніе есть пропаганда мужества, и неумолимое давленіе военныхъ доблестей ведетъ къ устраненію посредственностей изъ нашего міра.

Въ прошломъ столѣтіи показалось бы страннымъ, еслибы кто нибудь сталъ говорить, какъ я собираюсь сдѣлать это, о преимуществѣ для военнаго дѣла, доставляемомъ *религіей*. Такая идея противорѣчила бы всѣмъ господствовавшимъ тогда предразсудкамъ и, вѣроятно, была бы осмѣяна всѣми тогдашними философами. Но это понятіе въ наше время стало всѣмъ извѣстной истиной, благодаря тому, что одинъ изъ новѣйшихъ геніальныхъ писателей высказалъ и развилъ его. Сочиненія Карлейля обезображены такими словами, какъ „безконечности (infinities)" и „истинности (verities)" и вообще исполнены заблужденій, привлекательныхъ для молодыхъ умовъ, но отталкивающихъ для умовъ болѣе зрѣлыхъ. Не смотря на свою высокую даровитость, этотъ человѣкъ во всю свою долгую литературную дѣятельность не написалъ ни одного сочиненія, которое безспорно было бы долговѣчнымъ въ литературѣ. Въ его манерѣ писать есть какое-то отсутствіе твердости мысли, что-то порождающее сомнѣніе въ истинности того, что онъ говоритъ, хотя оно и кажется иногда весьма глубокомысленнымъ. Мы находимъ у него множество па-

радоксовъ, о которыхъ самъ онъ весьма высокаго мнѣнія, но которые для обыкновенныхъ людей кажутся странны и забавны. Но, какова бы ни была послѣдующая судьба репутаціи Карлейля, онъ высказалъ настоящему поколѣнію множество поучительныхъ истинъ, и одна изъ этихъ истинъ говоритъ, что „богобоязненныя" войска были всегда наилучшими. До этого времени считалось весьма забавнымъ выраженіе Кромвеля: „надѣйся на Бога и не давай сырѣть своему пороху". Но мы знаемъ теперь, что надежда на Бога была не менѣе, если не болѣе полезна, нежели порохъ. Эта глубокая сосредоточенность живаго чувства заставляетъ людей на все отваживаться и все выполнять.

Умѣя взяться за дѣло, на эту тему можно было бы сказать очень много. Нравственныя качества и религіозность, ведущія къ созданію наиболѣе твердыхъ и дѣятельныхъ характеровъ, навѣрно возьмутъ верхъ при одинаковости прочихъ условій; тѣ вѣрованія или системы, которыя ведутъ къ мягкости и изнѣженности духа, носятъ въ себѣ зародышъ уничтоженія, если ихъ не поддерживаетъ какая либо крѣпкая внѣшняя сила. Такъ стоицизмъ процвѣталъ въ Римѣ, чего нельзя сказать объ эпикуреизмѣ; суровый, серьезный характеръ этой націи, владычествовавшей надъ міромъ, склонялся къ тому, что казалось ей твердымъ убѣжденіемъ, и отвращался отъ того, что имѣло неустойчивый и распущенный видъ.

Воодушевляющія ученія, воспринимаемыя пылкими характерами, усиливаютъ ихъ энергію. Сильные люди примыкаютъ къ сильнымъ вѣрованіямъ и становятся оттого еще сильнѣе. Безъ сомнѣнія, это было одною изъ причинъ почему монотеизмъ одержалъ верхъ надъ политеизмомъ; онъ выработываетъ болѣе высокій, твердый характеръ, который успокоивается и сосредоточивается въ одномъ великомъ объектѣ; вниманіе его не разсѣевается множествомъ противорѣчащихъ другъ другу обрядовъ или множествомъ разнообразныхъ божествъ. На это можно возразить, что евреи, бывшіе монотеистами, подпали подъ владычество римлянъ-политеистовъ. Однако этотъ фактъ легко объясняется тѣмъ, что римляне обладали за то другими способностями: у нихъ была способность къ политической жизни и привычка къ дисциплинѣ, которыхъ евреи вовсе не имѣли. Такимъ образомъ, неоспоримое религіозное преимущество послѣднихъ ослаблялось другими недостатками ихъ.

Не слѣдуетъ удивляться той выдающейся важности, которую я приписываю войнѣ. Мы имѣемъ дѣло съ раннимъ временемъ исторіи; *образованіе* національностей составляетъ въ это время заботу человѣка, а націи образуются при посредствѣ войны. *Измѣненіе* національностей наступаетъ позже и совершается дѣйствіемъ мирной революціи, хотя война также и здѣсь принимаетъ участіе. Идея о неуничтожаемости націи

принадлежитъ новѣйшему времени; въ древнѣйшія времена всѣ націи были уничтожаемы, и чѣмъ далѣе мы отодвигаемся въ глубь вѣковъ, тѣмъ сильнѣе совершался этотъ процессъ уничтоженія. Внутреннее развитіе націй есть уже второстепенный актъ, наступающій тогда, когда силы, создающія національность, уже сдѣлали свое дѣло. Насъ касается въ настоящую минуту только заложеніе фундамента политическаго зданія; процесъ построенія и завершенія этого зданія составитъ предметъ дальнѣйшихъ главъ. Мы увидимъ тамъ менѣе грубое дѣйствіе болѣе утонченныхъ силъ, и это, конечно, вызоветъ въ насъ болѣе отрадныя мысли, чѣмъ ожесточенная борьба первобытныхъ временъ. Можно считать присущимъ прогрессу то свойство его, что его начинанія всегда кажутся мало привлекательными для того, кто уже весьма отдалился отъ нихъ; усовершенствованіе всегда выказываетъ въ болѣе печальномъ видѣ все неусовершенствовавшееся и неразвившееся.

Но какимъ образомъ происходитъ то, что самыя сильныя націи бываютъ въ то же время и самыми совершенными? Какимъ образомъ превосходство въ военномъ отношеніи можетъ служить критеріемъ превосходства въ другихъ отношеніяхъ? Я не берусь дать полнаго отвѣта на этотъ вопросъ, но полагаю, что нѣсколько соображеній, которыя я приведу здѣсь, помогутъ разъясненію нѣкоторыхъ сторонъ его. Война,

какъ я говорилъ, развиваетъ и поддерживаетъ добродѣтели оплготовительной эпохи; такъ какъ число этихъ добродѣтелей ограниченно, то война должна оказывать совершенно иное вліяніе на добродѣтели противоположнаго свойства. Все, что можно назвать добротою, на сколько оно является добродѣтелью, не поддерживается военной жизнью; человѣчность, сострадательность, уваженіе правъ другого не имѣютъ здѣсь мѣста. Нечувствительность къ человѣческому страданію, которая такъ поражаетъ насъ въ первое время исторіи, безъ сомнѣнія, обязана своимъ происхожденіемъ воинственнымъ источникамъ древней цивилизаціи. Воспитанные на войнѣ и вскормленные войною, люди того времени не могли возмущаться передъ какимъ либо явленіемъ, составляющимъ принадлежность войны, а наиболѣе часто встрѣчающееся изъ этихъ явленій есть человѣческое страданіе. Съ тѣхъ поръ какъ война перестала быть двигателемъ міра, люди стали человѣчнѣе относиться другъ къ другу и ужасаются при одной мысли о томъ, чему нѣкогда они весьма спокойно подвергали себѣ подобныхъ. Это измѣненіе зависитъ не отъ усовершенствованія людей, которое въ различныхъ случаяхъ можетъ являться и можетъ не являться, но происходитъ оттого, что люди потеряли уже ежедневную привычку къ войнѣ, оттого, что ихъ понятія не складываются уже на войнѣ и ими

руководятъ такія мысли и чувства, которыя для воина, воспитаннаго исключительно подъ вліяніемъ военной жизни, почти вовсе непонятны.

Сюда относится также презрѣніе къ физической слабости и къ женщинѣ, которое составляетъ отличительную черту первобытнаго общества. Та часть населенія, которая не принимаетъ участія въ борьбѣ, неизбѣжно подвергается многимъ бѣдствіямъ во время этой борьбы. Но въ дальнѣйшемъ ходѣ исторіи эти недостатки излѣчиваются или ослабѣваютъ; въ наши дни женщины имѣютъ множество средствъ прокладывать себѣ дорогу въ мірѣ, и разумъ безъ мускуловъ представляетъ гораздо бóльшую силу, чѣмъ мускулы безъ разума. Въ этомъ состоятъ нѣкоторыя изъ последующихъ перемѣнъ во внутренней жизни народовъ; причины этихъ перемѣнъ далеко еще не изслѣдованы, и я упомянулъ о нихъ лишь для того, чтобы указать насколько болѣе мягкіе процессы новѣйшаго времени заслонили отъ насъ жесткія явленія прежней цивилизаціи, которыя были вызваны войною.

Но можно еще сомнѣваться въ томъ, что духъ войны не оказываетъ въ настоящее время никакого вліянія на наши нравственныя понятія. Тѣ нравственныя сентенціи, которыя у насъ чаще всего бываютъ на языкѣ, являются метафорами изъ юридической или изъ военной жизни, и при строгомъ изслѣдованіи легко

замѣтить, что обѣ эти точки зрѣнія скорѣе вредятъ нравственности, чѣмъ поддерживаютъ ее. Отношеніе къ жизни съ военной точки зрѣнія заставляетъ придавать слишкомъ много цѣны рѣшительному образу дѣйствія и слишкомъ мало спокойному размышленію. Жизнь не есть заранѣе разсчитанная кампанія; это—сложный, запутанный процессъ, и главныя силы, дѣйствующія въ ней, бываютъ не внезапныя рѣшенія, но медленно развивающіяся, почти невольныя побужденія. Заблужденіе такой военной нравственности, если можно такъ выразиться, состоитъ въ преувеличеніи значенія дисциплины и въ представленіи нравственной силы воли настолько ограниченною, насколько она никогда не бываетъ въ дѣйствительности. Такая военная нравственность можетъ направить топоры, подсѣкающіе дерево, но ей совершенно незнакомы тѣ спокойныя силы, благодаря которымъ растетъ лѣсъ.

Сказаннаго, я полагаю, достаточно, для выясненія того, что существуютъ весьма разнообразныя качества и учрежденія, которыя доставляютъ народамъ преобладаніе на военномъ поприщѣ, что многіе изъ этихъ воинственныхъ качествъ ведутъ къ полезному результату, и что постоянныя побѣды, одерживаемыя соперниками, поставленными въ болѣе благопріятныя условія, служатъ обыкновеннымъ путемъ, которымъ лучшія качества, имѣющія наибольшее значеніе для первобытной цивилизаціи, распространяются и сохраняются.

ОБРАЗОВАНІЕ НАЦІОНАЛЬНОСТЕЙ.

---

*

III.

ОБРАЗОВАНІЕ НАЦІОНАЛЬНОСТЕЙ.

Въ предыдущемъ очеркѣ я старался показать, что въ раннемъ періодѣ жизни человѣчества, „въ боевомъ періодѣ“, какъ я выразился, существовало значительное, хотя и не всегда одинаково замѣтное, стремленіе къ прогрессу. Болѣе совершенные народы покоряли менѣе совершенныхъ; въ силу обладанія тѣмъ или другимъ преимуществомъ, лучше надѣленные соперники брали верхъ надъ менѣе надѣленными. Пока борьба была постоянною и непрерывною, должно было происходить усиленное развитіе качествъ, пригодныхъ для военнаго дѣла, и въ древнія времена многія качества могутъ быть по справедливости названы „военными“, такъ какъ они ведутъ къ успѣху на военномъ поприщѣ. Въ позднѣйшее время они утрачиваютъ этотъ характеръ, становясь полезными въ другихъ областяхъ и заставляя такимъ образомъ забыть о ихъ первоначаль-

номъ примѣненіи. Мы оцѣниваемъ ихъ сообразно съ тѣми дѣйствіями, какія они оказываютъ въ настоящее время, а не съ тѣми, какія они оказывали въ первое время своего появленія. Уваженіе къ закону, напр., никто не назоветъ теперь военной добродѣтелью, а въ первобытное время это качество дисциплинировало народы, и дисциплинированныя народы побѣждали остальныхъ. Способность къ „консервативнымъ нововведеніямъ", способность сочетать новыя учрежденія съ прежними, также въ настоящее время не имѣетъ ничего общаго съ военнымъ дѣломъ; между тѣмъ римляне во многомъ были обязаны ей своимъ успѣхомъ. Изъ всѣхъ народовъ древности они одни умѣли уважать и обычай, связующій націи, и необходимость нѣкоторыхъ частныхъ измѣненій, содѣйствующихъ развитію ея; въ этомъ и заключалась причина ихъ успѣха. Точно также и въ другихъ случаяхъ, въ древнѣйшія времена преимущество въ военномъ отношеніи есть признакъ дѣйствительнаго достоинства; націи, одерживавшія верхъ надъ другими, имѣли всѣ права на эту побѣду. Простыя добродѣтели этихъ временъ, если онѣ вообще могли создавать какіе либо типы, по большей части создавали воиновъ. Безъ сомнѣнія, грубая численная сила могла взять верхъ и тогда, также какъ и въ послѣдующія времена; цивилизація всегда можетъ быть уничтожена покореніемъ меньшаго числа менѣе грубыхъ людей боль-

шимъ количествомъ людей болѣе грубыхъ. Но безспорно также, что первыми элементами цивилизаціи были значительныя военныя преимущества. Вообще въ первобытныя времена побѣда находилась въ прямомъ отношеніи съ достоинствами побѣдителей, и прогрессу способствовала постоянно происходившая борьба.

Этотъ законъ вполнѣ объясняетъ, почему „защищенныя“ страны міра, какъ, напр., внутренняя часть такихъ материковъ, какъ Африка или отдаленные острова, вродѣ Австраліи или Новой Зеландіи, неизбѣжно задерживаются въ своемъ развитіи. Они все еще проходятъ приготовительный курсъ. Они не были еще распредѣлены по классамъ, когда образовался уже второй классъ, перегнавшій первый, и затѣмъ третій классъ, опередившій и оттѣснившій второй. Этотъ законъ объясняетъ также, почему западная Европа уже въ самое раннее время стояла впереди другихъ странъ; это произошло именно потому, что борьба расъ доходила въ ней до крайней степени. Въ противоположность многимъ другимъ странамъ, Европа, будучи одною изъ самыхъ привлекательныхъ частей міра, не оказывала развращающаго вліянія на тѣ народы, которые ею завладѣвали; необладавшіе ею стремились къ пріобрѣтенію ея, а тѣ, которымъ это уже удалось, нисколько не утрачивая своей энергіи, продолжали крѣпко стоять за пріобрѣтенное ими. Борьба между народами въ первобыт-

ное время составляетъ важнѣйшее условіе усовершенствованія націй.

Но что такое націи? Что такое эти группы, которыя представляютъ для насъ явленіе столь знакомое и въ то же время столь странное, если мы захотимъ ближе всмотрѣться въ него, которыя столь же древни какъ сама исторія, которыя Геродотъ засталъ почти въ томъ же количествѣ и съ тѣми же отличительными особенностями, какія мы видимъ въ настоящее время? Что заставляетъ человѣческій родъ распадаться на части, столь несходныя между собою и столь однообразныя въ своемъ внутреннемъ составѣ? Этотъ вопросъ весьма затруднителенъ, хотя самый фактъ намъ всѣмъ хорошо знакомъ. Я, конечно, не рѣшусь утверждать, что могу вполнѣ разрѣшить его, но позволю себѣ представить нѣсколько соображеній, которыя, какъ мнѣ кажется, должны способствовать этому рѣшенію. Быть можетъ, эти соображенія нѣсколько освѣтятъ также дальнѣйшій и еще болѣе интересный вопросъ, почему нѣкоторыя немногія націи развиваются и идутъ впередъ, а другія остаются на одной и той же степени развитія.

Было время, когда всѣ различія между націями объяснялись кореннымъ несходствомъ расъ. Онѣ не сходны другъ съ другомъ, говорили тогда, потому что несходными онѣ появились на свѣтъ. Но въ большинствѣ случаевъ это простое объясненіе не достигаетъ сво-

ей цѣли. Сообразуясь съ самыми очевидными фактами, невозможно допустить существованіе такого значительнаго количества коренныхъ расъ, какое нужно для подтвержденія этого объясненія. Быть можетъ, возможно было бы указать нѣсколько племенныхъ группъ, которыя могли произойти отъ отдѣльныхъ первичныхъ корней, но разновидности ихъ, конечно, не могли появиться такимъ путемъ. Мы можемъ предполагать, съ большею или меньшею достовѣрностью, что всѣ арійскіе народы имѣютъ общее и самостоятельное происхожденіе, точно также какъ прежде думали, что всѣ народы, говорящіе по гречески, происходятъ отъ одного корня. Но, разумѣется, нашимъ словамъ никто не придастъ никакого значенія, если мы начнемъ утверждать, что у спартанцевъ были свои Адамъ и Ева, а у аѳинянъ свои. Очевидно, всѣ греки одного происхожденія, но въ предѣлахъ этой группы, также какъ и въ другихъ группахъ, обнаруживается нѣкоторая сила, создающая несходства, заставляющая различныя городскія населенія и племена отличаться другъ отъ друга.

Безспорно также, что націи происходятъ не силою лишь простаго естественнаго подбора, который въ природѣ ведетъ къ образованію дикихъ разновидностей животныхъ (я не упоминаю здѣсь о развитіи видовъ). Естественный подборъ предполагаетъ сохраненіе тѣхъ индивидуумовъ, которые умѣютъ лучше другихъ выдержи-

вать борьбу съ силами, враждебными ихъ расѣ. Но едва ли можно доказать, что естественныя препятствія, встрѣчавшіяся въ человѣческой жизни, значительно разнились въ Аѳинахъ и Спартѣ, или въ Римѣ и Аѳинахъ, а между тѣмъ спартанцы, аѳиняне и римляне были весьма несходны между собою. Писатели прежняго времени придерживались довольно естественной идеи, что прямое вліяніе климата или, вѣрнѣе, суши, моря и воздуха, и вообще совокупности физическихъ условій производили отличіе одного человѣка отъ другаго и вызывали измѣненія въ расахъ. Но опытъ опровергаетъ это предположеніе. Англійскіе эмигранты живутъ въ томъ же климатѣ, какъ и австралійцы или тасманійцы, однако, они не сдѣлались сходными съ этими послѣдними, и можно сказать съ увѣренностью, что этого сходства не послѣдуетъ и черезъ тысячу лѣтъ. Папуасы и малайцы, по мнѣнію м-ра Уоллеса, живутъ и жили съ незапамятныхъ временъ рядомъ, въ тѣхъ же тропическихъ областяхъ, но тѣмъ не менѣе значительно отличаются другъ отъ друга. Даже и по отношенію къ животнымъ, изслѣдованія его наглядно показываютъ, что прямому вліянію физическихъ условій до сихъ поръ придавалось слишкомъ преувеличенное значеніе. „Борнео, говоритъ онъ, близко подходитъ къ Новой Гвинеѣ не только по своей величинѣ и отсутствію волкановъ, но также и по разнообразію геологическаго строенія, сходству кли-

мата и общему виду лѣсной растительности, одѣвающей поверхность этого острова. Въ то же время Молукскіе острова составляютъ совершенную противоположность Филиппинскимъ по своему волканическому строенію, по своей необыкновенной плодородности, роскошной лѣсной растительности и частымъ землетрясеніямъ; съ другой стороны, Бали и восточная оконечность Явы имѣютъ столь же сухой климатъ, какъ и Тиморъ. Однако между этими группами острововъ, построенныхъ какъ бы по одному и тому же образцу, подверженныхъ вліянію одного и того же климата и омываемыхъ водами одного и того же океана, существуетъ возможно значительное различіе въ произведеніяхъ животнаго царства. Ученіе прежняго времени—будто различія или сходства разнообразныхъ жизненныхъ формъ, обитающихъ въ разныхъ странахъ, исходятъ отъ соотвѣтственныхъ физическихъ сходствъ или различій самихъ странъ—нигдѣ не встрѣчаетъ такого прямаго и осязательнаго опроверженія, какъ здѣсь. Борнео и Новая Гвинея, будучи въ физическомъ отношеніи столь сходны между собою, насколько это возможно для двухъ достаточно отдаленныхъ одна отъ другой странъ, въ зоологическомъ отношеніи діаметрально противоположны другъ другу; между тѣмъ Австралія, съ ея сухими вѣтрами, открытыми равнинами, каменистыми пустынями и умѣреннымъ климатомъ, производитъ птицъ и звѣрей, несомнѣнно родственныхъ съ

тѣми, которыя обитаютъ въ жаркихъ, влажныхъ, роскошныхъ лѣсахъ, покрывающихъ повсюду равнины и горы Новой Гвинеи". Другими словами, мы видимъ одинаковыя органическія формы при самыхъ различныхъ условіяхъ, и различные организмы при самыхъ сходныхъ условіяхъ. И хотя нѣкоторыя изъ этнологическихъ соображеній м-ра Уоллеса могутъ казаться сомнительными, никто не будетъ сомнѣватся, что въ томъ архипелагѣ, который онъ такъ прекрасно изучилъ, могутъ быть находимы сходныя группы людей въ несходныхъ между собою мѣстностяхъ, и весьма различныя группы въ мѣстностяхъ почти одинаковыхъ. Очевидно, климатъ не есть та сила, которая создаетъ національности, потому что часто онъ не образуетъ ихъ, и часто онѣ являются безъ его посредства.

Вопросъ объ образованіи національностей, т. е. объясненіе происхожденія націй въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ находимъ теперь и въ какомъ онѣ являлись въ историческія времена, для своего разрѣшенія, какъ мнѣ кажется, требуетъ раздѣленія на два отдѣла; въ одномъ изъ нихъ слѣдуетъ разсмотрѣть образованіе рѣзко различающихся между собою расъ, каковы негритянская, краснокожая и европейская раса, а въ другомъ—образованіе меньшихъ различій, каковы различія между спартанцами и аѳинянами или между шотландцами и англичанами. Націи, какъ мы ихъ видимъ теперь, пред-

ставляютъ, по моему мнѣнію, продуктъ двухъ великихъ силъ: одна изъ нихъ, образующая расы, дѣйствовала по преимуществу въ древнее время, теперь же дѣйствіе ея почти прекратилось; другая, образующая націи въ собственномъ смыслѣ этого слова, дѣйствуетъ и теперь въ такой же степени, какъ она дѣйствовала прежде, и создаетъ то же, что создавала въ древнія времена.

Мелкія причины, содѣйствующія измѣненію націй, могутъ освѣтить намъ тѣ великія причины, которыя создали націи и продолжаютъ создавать ихъ. Путь, которымъ націи измѣняются втеченіе ряда поколѣній, крайне загадоченъ, и иногда измѣненіе наступаетъ въ такихъ случаяхъ, когда его бываетъ чрезвычайно трудно объяснить. Что-то новое вдругъ появляется въ обществѣ, какъ мы можемъ видѣть это, напр., во времена регентства при сравненіи его съ эпохою нынѣ царствующей королевы. Читая о жизни въ Виндзорѣ (въ томъ котеджѣ, который уже болѣе не существуетъ) или въ Бондстритѣ, какъ это было при Лоунджерахъ (вымершій родъ) или Сент-Джемсъ-стритѣ, какою она была, когда Фоксъ и его партія старались составить „политическій капиталъ“, пользуясь расточительностью законнаго наслѣдника,—мы можемъ подумать, что рѣчь идетъ не о тѣхъ мѣстахъ, которыя мы всѣ такъ хорошо знаемъ, но о какихъ-то отдаленныхъ и неизвѣстныхъ мѣстностяхъ. Точно также, какъ незначительно внѣшнее из-

мѣненіе въ Англіи между вѣкомъ Елизаветы и вѣкомъ королевы Анны въ сравненіи съ измѣненіемъ самой націи! Измѣненія въ физическихъ условіяхъ были такъ ничтожны, научныя изобрѣтенія, имѣвшія значеніе для практической жизни, которыя были отличительны для этого періода, были такъ немногочисленны, причины, вызвавшія такую перемѣну въ народѣ, были такъ неуловимы, а между тѣмъ эта перемѣна, по крайней мѣрѣ съ перваго взгляда, кажется намъ разительною. Переходя отъ Бэкона къ Аддисону, отъ Шекспира къ Попе, мы какъ будто переходимъ въ новый міръ.

Въ первомъ изъ этихъ очерковъ я говорилъ о томъ способѣ, которымъ совершается измѣненіе въ литературѣ, и опять возвращаюсь къ нему, потому что всѣ перемѣны, происходящія въ области литературы, болѣе узкой и опредѣленной, нежели жизнь, представляютъ въ меньшемъ размѣрѣ перемѣны, имѣющія мѣсто на обширномъ жизненномъ поприщѣ. Какъ мы уже говорили, какой либо писатель, даже не изъ тѣхъ, которые стоятъ выше другихъ или оставляютъ по себѣ долгую память, начиналъ писать въ такомъ духѣ, который болѣе всего соотвѣтствовалъ потребностямъ публики. Затѣмъ онъ продолжалъ свою дѣятельность, другіе подражали ему, и читатели въ такой степени привыкали къ установившемуся такимъ образомъ стилю, что не могли выносить иного. Тѣ читатели, которымъ

онъ не нравился, вынуждены были обращаться къ произведеніямъ другихъ вѣковъ и другихъ странъ; имъ оставалось только отнестись съ презрѣніемъ къ „злобѣ дня“, какъ они могли бы назвать это. Во времена королевы Анны общимъ расположеніемъ пользовались Стиль (Steele), положившій начало той литературной формѣ, которую мы называемъ essay, и Аддисонъ, усовершенствовавшій ее; тогда не имѣли никакого успѣха всѣ произведенія, написанныя въ противоположномъ духѣ. Разсказываютъ, что у основателя Times'а спросили однажды, какимъ образомъ происходитъ то, что всѣ статьи его газеты имѣютъ такой видъ, какъ будто онѣ написаны однимъ человѣкомъ, и будто бы онъ отвѣчалъ на это: „у насъ всегда бываетъ одинъ выдающійся сотрудникъ, а другіе только подражаютъ ему“. И въ этомъ, безъ сомнѣнія, заключается настоящее объясненіе того процесса, которымъ извѣстное клеймо, замѣчательное и трудно опредѣляемое единство налагается на каждую газету. Вѣроятно, было бы возможно назвать еще теперь имена тѣхъ лицъ, которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ создали стиль „Saturday Review“, которому подражаетъ теперь другое болѣе юное поколѣніе. Но какъ скоро стиль періодическаго изданія установился, онъ поддерживается болѣе могущественнымъ импульсомъ, нежели стремленіе къ подражанію, именно собственною выгодою издателя, который стано-

вится защитникомъ интересовъ своихъ подписчиковъ. Для постоянныхъ читателей ежедневной газеты является потребность всегда находить въ ней то, къ чему они уже привыкли, ту же категорію идей и ту же категорію словъ. Издатель опредѣляетъ что́ именно нравится имъ, и подбираетъ статьи, сообразующіяся съ этимъ типомъ, отбрасывая все неподходящее къ нему. То, что издатель дѣлаетъ по отношенію къ своей газетѣ, читатели дѣлаютъ по отношенію ко всей литературѣ: одно пользуется ихъ покровительствомъ, а другое отвергается ими.

Безъ сомнѣнія, всегда существовала какая либо причина (лишь бы мы могли найти ее), которая въ каждую эпоху давала преобладаніе нѣкоторой выдающейся части литературы, также какъ всегда существуетъ причина для преобладанія извѣстной моды въ дамскомъ костюмѣ. Но какъ относительно моды въ одеждѣ, мы знаемъ, что она часто опредѣляется случаемъ, такъ и въ литературной модѣ случай играетъ значительную роль. Я, по крайней мѣрѣ, полагаю, что тѣ моды, которыя парижскія модистки или парижскій demi-monde предписываютъ англійскимъ леди, въ значительной степени зависятъ отъ случая; но какъ скоро такая мода установилась, ей одинаково слѣдуютъ тѣ, кому она къ лицу, и тѣ, кому она вовсе не идетъ. Склонность къ подражанію способствуетъ быстрому появленію однообразныхъ формъ,

и „ужасныя вещи, которыя мы носили въ прошломъ году“, какъ обыкновенно говорится, исчезаютъ разомъ. Такимъ же путемъ распространяется литературная мода, хотя я и не позволю себѣ утверждать, чтобы дѣло происходило здѣсь также неразумно, какъ въ модахъ на женскіе наряды; извѣстный литературный вкусъ всегда появляется по какой нибудь разумной причинѣ, но, развившись однажды, онъ уже распространяется такимъ же способомъ, какъ и моды въ костюмахъ. Даже тѣ, кому это не нравится, принуждены читать эти модныя произведенія, уже потому, что имъ трудно найти произведенія иного рода

Я полагаю, что такое же благопріятное отношеніе къ любимымъ формамъ, и неблагопріятное къ формамъ, не пользующимся общимъ расположеніемъ, составляютъ главныя причины, которыя вызываютъ измѣненія въ національномъ характерѣ. Какой либо типъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе всей націи или какой либо части ея, и она подражаетъ ему, подобно тому какъ прислуга усвоиваетъ манеры своихъ господъ, или какъ впечатлительныя дѣвочки, вернувшись домой, повторяютъ нѣкоторыя слова и воспроизводятъ жесты различныхъ лицъ тѣхъ семействъ, которыя онѣ посѣтили въ этотъ день. Я не знаю, многимъ ли изъ моихъ читателей удалось прочесть знаменитую проповѣдь о. Ньюмена „О личномъ вліяніи, какъ средствѣ распространенія истины“; тѣмъ, кто не имѣлъ случая ознако-

миться съ этимъ произведеніемъ я бы непремѣнно совѣтовалъ сдѣлать это. Тамъ высказывается великій практическій умъ, умѣвшій руководить людьми и приводить ихъ туда, куда они и не полагали придти; тамъ можно найдти указаніе того, какимъ образомъ слѣдуетъ управлять мнѣніемъ людей. Изъ этой сжатой и простой рѣчи, изъ этихъ мягкихъ выраженій ясно видно, что руководителемъ людей бываетъ извѣстный *типъ*, а не аргументъ, что имъ всегда нужно видѣть передъ собой какой либо привлекательный образецъ,—иначе проповѣдь не будетъ имѣть успѣха, и ученіе не будетъ имѣть распространенія. Мнѣ не зачѣмъ подтверждать это мнѣніе фактами изъ исторіи религій; это заставило бы меня далеко выйти изъ моей программы и привело бы только къ повторенію избитой истины, что не столько ученіе религіозныхъ учителей, сколько ихъ жизнь вербуетъ послѣдователей. Далѣе, переходя къ вопросамъ политической жизни, мы легко можемъ видѣть, съ какою быстротою передовой государственный дѣятель можетъ измѣнить весь тонъ общества. Какъ серьёзно мы всѣ смотримъ подъ управленіемъ Гладстона, и какъ гораздо менѣе серьезны мы были при лордѣ Пальмерстонѣ. Эта перемѣна чувствуется каждымъ, хотя никто не можетъ опредѣлить ее. Каждый выдающійся умъ затрогиваетъ извѣстнаго рода чувства своихъ соотечественниковъ. Эти чувства болѣе или менѣе пробуждаются въ каж-

домъ и выражаются имъ соотвѣтственно силѣ своего проявленія. Нераздѣляющіе ихъ вынуждены молчать или не находятъ себѣ слушателей.

Отъ такихъ важныхъ и серьезныхъ предметовъ, какъ религія и политика, мы перейдемъ теперь, въ виду разъясненія нашего предмета, къ жизни маленькихъ мальчиковъ; нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей это можетъ показаться весьма легкомысленнымъ, но въ сущности оно нисколько не менѣе серьезно. Оставаясь въ области однихъ лишь высокихъ и торжественныхъ предметовъ, философы этимъ вредятъ себѣ; они не замѣчаютъ, что мелкіе предметы обыденной жизни представляютъ собой миніатюры великихъ предметовъ, и имъ кажется потерей философскаго достоинства освѣженіе своего ума наглядными уроками, которые имъ даетъ жизнь. Но въ каждой школѣ мы можемъ наблюдать такія же перемѣны, какія мы видимъ въ жизни націй. Многіе изъ насъ еще помнятъ, безъ сомнѣнія, какъ они, будучи школьниками, жаловались, что такое-то полугодіе вовсе не похоже на предшествующее, что теперь имъ приходится играть въ мячикъ, тогда какъ прежде они играли въ городки. Таковы были горести этого беззаботнаго возраста. На самомъ дѣлѣ два или три лица, игравшія роль руководителей, нѣсколько выдающихся воспитанниковъ, оставили школу, явились два или три новыхъ товарища, и все измѣнилось. Пе-

*

ремѣнились образцы, измѣнились и копіи; другое уже вошло въ славу, а прежнее отодвинулось на задній планъ. Мнѣ пришлось узнать недавно весьма любопытный примѣръ стремленія того же рода. Одинъ изъ моихъ друзей, либеральный консерваторъ, говорилъ рѣчь на митингѣ рабочихъ въ Лидсѣ и былъ весьма доволенъ, видя, что нѣкоторыя характерныя и, быть можетъ, искусныя мѣста его рѣчи получили полное одобреніе слушателей. „Но затѣмъ, разсказывалъ онъ, поднялся какой то горластый радикалъ, который говорилъ совершенно противоположное, и его рѣчь почти столько же понравилась рабочимъ". Онъ никакъ не могъ объяснить себѣ такую быструю перемѣну. На самомъ дѣлѣ бо̀льшая часть собравшихся на митингѣ были, вѣроятно, люди безразличныхъ мнѣній, готовые относиться одобрительно ко всѣмъ удачнымъ выраженіямъ, не задумываясь надъ ними. Радикальный портной вызывалъ въ толпѣ радикальное настроеніе, а болѣе умѣренный сапожникъ вызывалъ настроеніе болѣе умѣренное, и масса одинаково подчинялась и тому, и другому. Только немногіе молчали, и одни и тѣ же элементы втеченіе десяти минутъ представляли совершенно противоположные результаты.

Человѣкъ вообще наклоненъ подражать тому, что видитъ передъ собою, и эта наклонность составляетъ одну изъ выдающихся сторонъ его природы. Одинъ изъ

признаковъ этого свойства мы можемъ видѣть въ томъ болѣзненномъ чувствѣ, которое мы испытываемъ въ случаѣ неудачи нашего подражанія. По нѣкоторому, нѣсколько циническому воззрѣнію, человѣкъ охотнѣе соглашается быть обвиненнымъ въ какомъ либо дурномъ поступкѣ, нежели въ неловкости. Это значитъ, другими словами, что неудачное подражаніе господствующимъ образцамъ признается болѣе заслуживающимъ презрѣнія, нежели это слѣдовало бы съ точки зрѣнія здраваго смысла, такъ какъ неловкость, за исключеніемъ нѣкоторыхъ крайнихъ случаевъ, является не оскорбленіемъ религіи или нравственности, а лишь неудачею въ подражаніи.

Мы не должны считать такого подражанія добровольнымъ и даже сознательнымъ. Напротивъ того, сѣдалищемъ его слѣдуетъ признать самыя темныя для насъ части умственной области, проявленія которыхъ не только не воспроизводятся сознательно, но даже почти не чувствуются нами; мы ихъ не только не можемъ предвидѣть, но даже не въ силахъ ощущать въ самый моментъ ихъ дѣйствія. Главнымъ вмѣстилищемъ нашей подражательной способности служитъ вѣра, и причины, предрасполагающія вѣрить одному и не вѣрить другому, относятся къ самымъ загадочнымъ явленіямъ человѣческой природы. Но не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что главнѣйшею характеристическою

чертой довѣрчивости является подражательность. Въ „Eothen“ находится чрезвычайно вѣрное описаніе того, какимъ образомъ всякій европеецъ, живущій на Востокѣ, какой бы дѣловою проницательностью или коммерческими талантами онъ ни обладалъ, въ скоромъ времени начинаетъ вѣрить въ колдовство и признаваться по секрету, „что въ этомъ дѣйствительно есть что-то“. Ему самому ничего не приходилось видѣть въ этомъ родѣ, но онъ знаетъ лицъ, знакомые знакомыхъ которыхъ имѣли основаніе въ этомъ убѣдиться. Дѣло въ томъ, что онъ постоянно находился въ атмосферѣ ложныхъ вѣрованій и пропитался этой атмосферою. Вообще можно найдти только весьма немногихъ людей, которые могутъ сопротивляться предразсудкамъ, распространеннымъ среди того общества или той партіи, къ которой они принадлежатъ. Втеченіе нѣкотораго времени, по большей части весьма короткаго, это сопротивленіе возможно; возможно разсуждать и бороться, но затѣмъ, день за днемъ, ядъ дѣйствуетъ все сильнѣе и сильнѣе, и разумъ долженъ уступить ему. Слышимое отъ близкихъ людей, прочитываемое въ органахъ своей партіи приноситъ свои плоды. Простыя и ясныя идеи, которымъ всѣ окружающіи такъ непоколебимо вѣрятъ, начинаютъ пріобрѣтать незамѣтное, съ каждымъ днемъ возрастающее вліяніе; всѣ эти заключенія начинаютъ казаться столь твердыми и безошибочными, а собственные аргументы

того, кто думалъ было противиться имъ, кажутся ему уже чѣмъ то далекимъ отъ него, какимъ то давно видѣннымъ сномъ. Въ скоромъ времени мудрецъ начинаетъ раздѣлять безуміе тѣхъ людей, съ кѣмъ ему приходится жить и дѣйствовать, той секты, религія которой составляетъ его религію.

Противоположно обще-распространенному мнѣнію, я полагаю, что и въ области философіи для того, чтобы; не вѣрить, нужно гораздо болѣе основаній и усилій, нежели для того, чтобы вѣрить. Безъ сомнѣнія, если бы человѣкъ могъ вполнѣ слѣдовать предписаніямъ логики, онъ долженъ бы былъ говорить: „Если мнѣ представятъ основательные доводы, я повѣрю, въ противномъ случаѣ, я вѣрить не стану". Но на самомъ дѣлѣ, всякая идея, сильно дѣйствующая на насъ, вскорѣ начинаетъ намъ казаться вполнѣ истинной; мы можем-защититься отъ убѣжденія въ истинности ея, только обращая особенное вниманіе на аргументы, опровергающіе ее, и намѣренно направляя нашу мысль на соображенія объ ея ложности. „Всѣ ясныя идеи истинны" эта философская формула была признаваема втеченіе цѣлыхъ вѣковъ, и хотя врядъ ли какое либо правило можетъ быть болѣе невѣрнымъ, но трудно найти другое правило, болѣе соотвѣтствующее обычной человѣческой природѣ. Ребенокъ рѣшительно принимаетъ за истину всякую идею, которая приходитъ ему въ голову; онъ

еще не имѣетъ опредѣленнаго понятія о такихъ идеяхъ, которыя могутъ быть сильны, ясны, устойчивы, и вмѣстѣ съ тѣмъ ложны. Достаточно, чтобы намъ ясно представилась какая либо идея, и мы начинаемъ вѣрить въ нее, если только не отнесемся къ ней съ особеннымъ вниманіемъ или не встрѣтимъ какого нибудь препятствія для принятія ея; это и составляетъ причину того, почему вѣрованія другихъ такъ быстро присоединяются къ нашимъ собственнымъ вѣрованіямъ, такъ какъ особенно ясными намъ всегда кажутся тѣ идеи, которыя признаются всѣми вокругъ насъ.

Серьезная часть человѣчества почти столько же наклонна къ этимъ подражательнымъ вѣрованіямъ, какъ и болѣе легкомысленная часть его. Все, чему вѣритъ денежный рынокъ, который состоитъ преимущественно изъ самыхъ серьезныхъ людей, имѣетъ такой же подражательный характеръ, какъ и всякія другія вѣрованія. Сегодня вы находите тамъ каждаго въ самомъ энергичномъ настроеніи, готовымъ на всякія предпріятія, на всякаго рода покупки и заказы; черезъ недѣлю вы видите все общество въ тревогѣ, въ угнетенномъ настроеніи духа и готовымъ на всякія уступки при продажѣ. Если вы начнете отыскивать причины этой дѣятельности или этой недѣятельности, вы едвали будете въ состояніи ихъ опредѣлить, и если вамъ удастся прослѣдить ихъ, вы замѣтите, что онѣ крайне незна-

чительны. На самомъ дѣлѣ, эти мнѣнія образовались не въ силу какой нибудь разумной причины, но чисто въ силу подражанія. Однажды, какое нибудь обстоятельство произвело на всѣхъ хорошее впечатлѣніе; вслѣдствіе того нѣкоторые изъ болѣе энергичныхъ людей оживились, стали говорить громче и рѣшительнѣе, и это настроеніе сообщилось массѣ. Нѣсколько спустя, когда большинство устало говорить въ этомъ тонѣ, или явилось что нибудь дѣйствующее инымъ образомъ, менѣе энергичная, болѣе тревожная часть биржи начала говорить иначе, и остальные послѣдовали за нею. Въ обоихъ случаяхъ тотъ, кто позволялъ себѣ прямо не соглашаться съ большинствомъ, считался всѣми за „страннаго человѣка". „Если вы хотите, сказалъ Свифтъ, пріобрѣсти репутацію умнаго человѣка, вы должны быть того же мнѣнія, какъ и то лицо, съ которымъ вы говорите". Между самыми разсудительными людьми существуетъ извѣстнаго рода преслѣдованіе тѣхъ мнѣній, которыя противорѣчатъ ихъ взглядамъ; осторожный человѣкъ всегда колеблется, прежде чѣмъ выскажетъ какое нибудь новое мнѣніе, потому что при этомъ ему легко заслужить названіе легкомысленнаго человѣка, и въ тѣхъ случаяхъ, когда должно быть принято какое нибудь быстрое рѣшеніе, онъ рискуетъ не найдти себѣ послѣдователей.

Такимъ образомъ болѣзнь подражательности пора-

жаетъ человѣка даже въ самой сокровенной части его умственнаго міра—въ его вѣрованіяхъ. Но она дѣйствуетъ также и на болѣе физическую часть его ума, если можно такъ выразиться, на ту связь, которая существуетъ между тѣломъ и духомъ, именно на внѣшнее проявленіе его внутренняго міра, на его жизненные пріемы. Это не нуждается въ объясненіи; мы всѣ знаемъ, что какое-то неуловимое вліяніе заставляетъ насъ подражать способу дѣйствій окружающихъ насъ людей. Сообразоваться съ образомъ мыслей и дѣйствій, господствующимъ въ Римѣ, каковъ бы онъ ни былъ и въ какое бы время это ни происходило, составляетъ очевидную потребность весьма многихъ людей. Но менѣе очевидно, хотя не менѣе справедливо, то обстоятельство, что вліяніе подражанія должно быть признано не только широко, но и глубоко распространяющимся. По выраженію Уордсворта, „сила стиля въ значительной степени зависитъ отъ способа выраженія“. Если вы хотите сдѣлать попытку написать подражаніе мыслямъ Свифта въ стилѣ Аддисона, въ этомъ случаѣ вы найдете стиль Аддисона не только весьма труднымъ, вслѣдствіе свойственнаго ему изящества, но замѣтите также, что чѣмъ болѣе вы приближаетесь къ этому стилю, тѣмъ болѣе вы отдаляетесь отъ образа мыслей Свифта. Энергичное содержаніе не ладитъ съ мягкою формою выраженія. Такъ,

вамъ трудно будетъ выразить безъискуственную мысль англичанина на велерѣчивомъ языкѣ испанца. Незамѣтно, какъ бы волшебной силой, родъ выраженія, усвоиваемый человѣкомъ, овладѣваетъ имъ, и даже будучи напускнымъ вначалѣ, впослѣдствіи становится вполнѣ свойственнымъ ему.

Въ этомъ состоитъ главнымъ образомъ та сила, которою величайшіе умы извѣстнаго вѣка оказываютъ свое дѣйствіе. Они устанавливаютъ тонъ, который принимаютъ другіе, и тѣ формы, которымъ остальные подражаютъ. Слѣдуетъ считать нелѣпой часто повторяемую идею, будто научная точка зрѣнія въ исторіи ведетъ къ тому, чтобы признать вліяніе личностей на историческія событія мало значительнымъ. Разсуждать такимъ образомъ было бы тоже, еслибы кто-нибудь сказалъ, что научный взглядъ на природу стремится придать менѣе значенія вліянію солнца. Съ научной точки зрѣнія, великій человѣкъ есть вновь появляющаяся крупная сила,—простая или сложная, мы этого здѣсь разсматривать не будемъ,—но во всякомъ случаѣ новая, и по своимъ дѣйствіямъ, и по своимъ результатамъ. Нельзя оспаривать того, что великіе образцы хорошаго и дурнаго отъ времени до времени являются между людьми, и люди слѣдуютъ за ними и стремятся такимъ образомъ къ прогрессу или къ деградаціи.

Быть можетъ, всѣ эти разсужденія кажутся длинными и утомительными для читателя, но мнѣ хочется съ полною ясностью показать другимъ то, въ чемъ, при каждомъ наблюденіи надъ обществомъ, я самъ убѣждаюсь все болѣе и болѣе, именно, что безсознательное подражаніе какимъ-либо обще-одобряемымъ типамъ и, въ тоже время, безсознательное отстраненіе отъ противоположныхъ имъ началъ составляютъ главную силу, которая соединяетъ людей въ общество, придавая ему ту форму, въ какой мы видимъ его въ настоящее время. Ниже я постараюсь показать, что другія очевидныя причины, какъ, напр., перемѣна климата, измѣненіе политическихъ учрежденій, научный прогрессъ дѣйствуютъ главнымъ образомъ также чрезъ посредство вышеуказанной причины; онѣ измѣняютъ объекты подражанія и объекты отвращенія, и такимъ путемъ совершается ихъ дѣйствіе. Но прежде этого мнѣ предстоитъ коснуться происхожденія націй или, говоря точнѣе, образованія національностей — настоящаго предмета этой главы.

Процессъ образованія національностей мы можемъ видѣть на многихъ примѣрахъ уже въ самыя отдаленныя времена, и онъ продолжается еще и передъ нашими глазами. Простѣйшимъ примѣромъ его можетъ служить основаніе перваго штата Америки, Новой Англіи, въ которомъ въ такой яркой и сильной степени про-

явился національный характеръ. Нѣкоторое число лицъ, сходныхъ по общему характеру, по религіознымъ мнѣніямъ, по политическимъ взглядамъ, образуютъ особое поселеніе; они доводятъ до крайней степени свои наклонности, распространяютъ свое религіозное ученіе, устанавливаютъ предпочитаемую ими форму правленія; они не даютъ ходу инымъ наклонностямъ, преслѣдуютъ другія вѣрованія, не допускаютъ другихъ формъ или пріемовъ управленія. Безъ сомнѣнія, образовавшаяся такимъ образомъ нація будетъ имѣть особый отпечатокъ. Первые поселенцы установили извѣстный типъ и затѣмъ тщательно слѣдовали ему; хотя впослѣдствіи другія причины мѣшали развитію этого типа, но неизбѣжное дѣйствіе началъ наслѣдственности повело къ передачѣ многихъ оригинальныхъ чертъ въ неизмѣненномъ видѣ и породило характеръ, исключительно свойственный Новой Англіи, въ которомъ ясно отражается вліяніе первоначально установившагося характера.

Этотъ случай извѣстенъ всѣмъ, но менѣе извѣстно, что тотъ же процессъ въ болѣе слабой формѣ происходитъ въ Америкѣ и въ настоящее время. Однородность направленія есть одно изъ условій подбора и составляетъ на „Западѣ" связующее начало даже и теперь. Компетентные наблюдатели разсказываютъ, что тамъ города образуются такимъ образомъ, что въ извѣст-

номъ мѣстѣ устанавливается своя религія, свое направленіе и свои жизненные пріемы. Тѣ лица, нравственность и религіозныя убѣжденія которыхъ подходятъ къ этимъ установившимся типамъ, отправляются въ эти города и остаются тамъ; а тѣ, которые по своимъ нравственнымъ и религіознымъ убѣжденіямъ не сходятся съ этими типами, очень скоро удаляются оттуда. Время колонизаціи путемъ быстраго скопленія людей одинаковыхъ религіозныхъ воззрѣній почти прошло, но менѣе замѣтный процессъ привлеченія лицъ, склонныхъ къ одному и тому же роду религіозныхъ мнѣній, все еще продолжается и, вѣроятно, будетъ продолжаться.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда это начало не оказываетъ своего дѣйствія, всѣ новыя поселенія, образовавшіяся изъ эмигрантовъ, непремѣнно представляютъ собою соединенія такихъ лицъ, которыя вѣрнѣе всего могутъ быть названы безпокойными людьми. Тамъ не встрѣчается людей особенно усидчивыхъ и дорожащихъ своимъ мѣстопребываніемъ, а эти послѣдніе составляютъ именно полезную и бодрую часть населенія. Новое поселеніе, составившееся добровольно (я не говорю о тѣхъ временахъ, когда выселеніе было насильственнымъ, вслѣдствіе какихъ-нибудь потрясающихъ общественныхъ явленій), можетъ ожидать съ увѣренностью, что въ средѣ его большинство будетъ состоять изъ дѣятельныхъ

людей и только меньшинство — изъ людей противоположнаго характера; это, хотя и не вполнѣ, служитъ объясненіемъ того различія, которое существуетъ между англичанами въ Англіи и англичанами въ Австраліи.

Причины, въ силу которыхъ въ новѣйшее время сформировалась Новая Англія, не могли оказывать значительнаго дѣйствія на человѣчество въ его младенческомъ періодѣ. Тогда общество образовывалось не по какой-нибудь добровольно принятой системѣ, но совершенно непроизвольно. Въ первобытныя времена человѣкъ отъ самаго рожденія уже долженъ былъ привыкать къ повиновенію и не могъ отрѣшиться отъ переходившей по наслѣдству формы правленія. Общество составлялось тогда не изъ отдѣльныхъ лицъ, а изъ семействъ, въ которыхъ религіозныя вѣрованія передавались по наслѣдству. Лордъ Мельбурнъ навлекъ на себя насмѣшки философовъ, сказавши, что онъ долженъ принадлежать къ англійской церкви *потому, что* это была религія его предковъ. Безъ сомнѣнія, философы утверждали, что вѣрованія предковъ во что либо не могутъ заставить насъ вѣрить тому, если мы не убѣждены въ истинности его. Но выраженіе лорда Мельбурна, будучи нѣсколько отсталымъ для нашего времени, представляетъ собою одно изъ самыхъ установившихся и общепринятыхъ правилъ прошлыхъ временъ. Такъ, напр., переступать въ религіоз-

ныхъ вопросахъ за извѣстные предѣлы казалось для отдѣльныхъ лицъ невозможнымъ въ древнемъ Римѣ. Во времена еще болѣе грубыя, религія дикарей слишкомъ слаба сама по себѣ, чтобы образовать расколъ или составить особую религіозную общину. Говоря объ идеяхъ, оказывавшихъ сильное вліяніе, мы всегда имѣемъ въ виду уже историческіе народы, а не доисторическихъ людей каменнаго вѣка или современныхъ дикарей. Но, хотя подъ весьма различными формами, тѣже существенныя причины подражанія наиболѣе любимымъ типамъ и отклоненія отъ противоположныхъ типовъ дѣйствовали въ самыя древнія времена, и среди грубыхъ расъ продолжаютъ дѣйствовать и до сихъ поръ. Какъ ни сильна наклонность къ подражанію между цивилизованными людьми, мы должны видѣть въ ней такой импульсъ, который имѣетъ для нихъ уже гораздо менѣе значенія. Подобно дальнозоркости зрѣнія, чуткости слуха и необыкновенному чутью дикарей, эта способность уже на половину утрачена. Она была сильнѣе въ древнія времена и даже теперь сильнѣе въ нецивилизованныхъ областяхъ міра.

Эта крайняя наклонность къ подражанію есть одна изъ главныхъ причинъ поразительнаго сходства, которое всѣ наблюдатели замѣчали у дикихъ народовъ. Если вы видѣлп одного жителя Огненной Земли, вы видѣли ихъ всѣхъ, если вы видѣли одного тасманійца,

вы видѣли всѣхъ тасманійцевъ. Высшіе дикари, каковы, напр., новозеландцы, представляютъ менѣе однообразія; у нихъ замѣчается уже то различіе строенія, которое свойственно цивилизованнымъ народамъ, такъ какъ во многихъ отношеніяхъ они гораздо цивилизованнѣе грубыхъ дикарей. Они обладаютъ болѣе обширными умственными способностями, бо́льшимъ внутреннимъ запасомъ мысли. Но это однообразіе свойственно отчасти и имъ. Племя дикарей походитъ на животныхъ, привыкшихъ ходить въ стадѣ; они идутъ туда, куда ихъ поведетъ вождь, они слѣпо подражаютъ его дѣйствіямъ и такимъ образомъ вскорѣ становятся повтореніемъ его самого. На самомъ дѣлѣ нетолько наклонность къ подражанію, но и самая сила подражанія у дикарей гораздо сильнѣе, чѣмъ у людей образованныхъ: дикари подражаютъ быстрѣе и успѣшнѣе. Такимъ же образомъ дѣти имѣютъ врожденную наклонность къ подражательности; они не могутъ не воспроизводить того, что видятъ передъ собою. Въ ихъ умственной сферѣ не заключается ничего, что̀ противилось бы этой подражательной наклонности. Каждый образованный человѣкъ имѣетъ обширный внутренній складъ идей, къ которымъ онъ можетъ прибѣгать и куда онъ можетъ спасаться отъ всѣхъ внѣшнихъ впечатлѣній, которыя не нравятся ему. Но у дикаря или у ребенка нѣтъ такихъ рессурсовъ. Его внѣшнія проявленія составля-

ютъ для него самую жизнь; онъ живетъ только тѣмъ, что видитъ и слышитъ. Необразованная часть цивилизованныхъ націй представляетъ слѣды того же умственнаго состоянія. Если вы отправите простую служанку и философа въ чужую страну, языкъ которой имъ обоимъ одинаково неизвѣстенъ, всѣ вѣроятія говорятъ за то, что служанка овладѣетъ имъ скорѣе, чѣмъ философъ. У него много другаго дѣла; онъ можетъ жить въ области своихъ собственныхъ мыслей. Но если у нея нѣтъ никакихъ предметовъ для подражанія и возможности выраженія своихъ мыслей, она погибла; для нея нѣтъ жизни, если она не можетъ участвовать въ болтовнѣ, происходящей на кухнѣ. Наклонность къ переимчивости и способность къ этому въ особенности сильна у тѣхъ лицъ, умъ которыхъ отличается наименѣе абстрактнымъ характеромъ. Къ числу замѣчательныхъ примѣровъ подражанія принадлежатъ тѣ случаи, когда дикари перенимаютъ отъ образованныхъ людей искусство владѣть огнестрѣльнымъ оружіемъ. Они выучиваются этому съ поразительною быстротой. Сѣвероамериканскій индѣецъ, даже австраліецъ, можетъ стрѣлять также хорошо, какъ и европеецъ. Побуждающее начало доходитъ въ этомъ случаѣ до своей высшей степени, также какъ и врожденная способность. Каждый дикарь заботится объ умѣньи убивать болѣе, нежели о чемъ либо другомъ.

Стремленіе къ преслѣдованію у всѣхъ дикарей и даже у всѣхъ невѣжественныхъ людей еще сильнѣе, чѣмъ способность къ подражанію. Варваръ не можетъ перенести, когда кто либо изъ среды его племени отклоняется отъ древнихъ нравовъ и обычаевъ. Такія племена опасаются кары боговъ, если въ ихъ средѣ нарушается что-либо освященное временемъ или совершится что-нибудь новое. Въ новѣйшія времена и въ образованныхъ странахъ мы считаемъ каждаго отвѣтственнымъ только за его собственныя поступки, и не можемъ предполагать, чтобы преступный образъ дѣйствія составлялъ вину иныхъ лицъ, кромѣ самихъ преступниковъ. Для насъ преступленіе налагаетъ извѣстную печать лишь на того, кто его совершаетъ. Но въ первобытныя времена дѣйствіе кого либо изъ членовъ племени распространяетъ на всѣхъ вину нечестія, оскорбленія боговъ, и подвергаетъ цѣлое племя небесной карѣ. Въ политическихъ мнѣніяхъ этого періода нѣтъ мѣста понятію объ „ограниченной виновности“. Первобытное племя или народъ есть религіозная община, въ которой неблагоразумный членъ какимъ-нибудь нечестивымъ поступкомъ можетъ навлечь гибель на всѣхъ. При такомъ воззрѣніи, въ обществѣ терпимость становится вреднымъ дѣломъ. Дозволить уклоненіе отъ завѣщанныхъ отцами повелѣній божества было бы настоящимъ безуміемъ. Это значило бы жертвовать

*

благосостояніемъ цѣлой массы, призывать на всѣхъ страшныя и неотразимыя бѣдствія, ради минутнаго желанія или нелѣпаго каприза одного лица. Не имѣя въ виду этой идеи, свойственной древнему міру, мы никогда не поймемъ исторію Аѳинъ, хотя Аѳины, по сравненію съ другими городами, были мѣстомъ, подготовленнымъ къ принятію новыхъ воззрѣній и свободнымъ отъ старыхъ предразсудковъ. Когда выставленныя на улицахъ статуи Гермеса были обезображены, всѣ жители Аѳинъ были испуганы и раздражены; они думали, что имъ всѣмъ придется пострадать за то, что одинъ изъ нихъ поднялъ руку на изображеніе бога и этимъ оскорбилъ его. Почти всѣ детали жизни классическихъ временъ, тѣхъ временъ, когда начинается настоящая исторія, имѣли религіозную санкцію; священный ритуалъ регулировалъ человѣческія дѣйствія; назывался ли онъ „закономъ" или нѣтъ, во многомъ онъ былъ старѣе, чѣмъ самое слово „законъ"; онъ былъ частью древняго обычая, который считался исходящимъ отъ сверхчеловѣческой власти и отъ котораго нельзя было отступать, не рискуя быть наказаннымъ силой высшею, чѣмъ сила обыкновенныхъ смертныхъ. Между гражданами того времени существовала такая солидарность, что каждый готовъ былъ преслѣдовать другого, чтобы избавить себя отъ бѣды.

Можетъ показаться, что эти двѣ наклонности пер-

вобытнаго міра, наклонность къ преслѣдованію и къ подражанію, должны были часто сталкиваться между собой, что подражательный импульсъ заставлялъ людей воспроизводить новое, а преслѣдованіе въ силу традиціоннаго обычая уничтожало возможность этого воспроизведенія. Но на самомъ дѣлѣ обѣ эти наклонности дѣйствовали за одно. Именно тогда существовала усиленная наклонность къ подражанію самымъ обыкновеннымъ вещамъ, и этой обыкновенной вещью часто былъ древній обычай. Ежедневно совершающееся подражаніе бываетъ преимущественно консервативной силою, такъ какъ чаще всего образцами служатъ предметы, дошедшіе до насъ отъ болѣе древняго времени. Безъ сомнѣнія, нѣкоторая новизна необходима для каждаго человѣка и для каждаго народа. Мы, пожалуй, можемъ желать, чтобы завтрашній день былъ вполнѣ похожъ на сегодняшній, но этого никакъ быть не можетъ. На насъ будутъ дѣйствовать новыя силы, — новый вѣтеръ, новый дождь и новый солнечный свѣтъ, и мы сами должны нѣсколько измѣниться, чтобы воспринять все это. Однако, привычки преслѣдованія и подражанія соединяются, чтобы обезпечить появленіе новаго въ старой формѣ; измѣненіе должно быть, но оно должно представлять какъ можно менѣе отличій отъ прежняго. Подражательный импульсъ стремится къ этому результату, такъ какъ люди особенно охотно подражаютъ тому, къ чему

ихъ мысль уже подготовлена, тому, что похоже на старое, хотя и съ прибавленіемъ нѣкотораго неизбѣжнаго минимума измѣненій, тому, что наименѣе сбиваетъ ихъ съ прежняго пути и наименѣе поражаетъ ихъ. Ученіе о постепенномъ развитіи показываетъ намъ, что при неизбѣжныхъ перемѣнахъ люди отдаютъ предпочтеніе тѣмъ новымъ теоріямъ, которыя болѣе всего представляютъ собою консервативнаго прибавленія къ ихъ старымъ доктринамъ. Наклонности къ подражанію и преслѣдованію обращаютъ всякое измѣненіе у первобытныхъ народовъ въ нѣкоторый избирательный консерватизмъ, такъ какъ большая часть держится стараго, прибавляя только нѣчто новое, не слишкомъ разногласящее съ обычаемъ.

Этотъ процессъ соединенія предметовъ, сообразующихся съ обычаемъ, и устраненія предметовъ, несогласующихся съ нимъ, былъ причиною появленія тѣхъ странныхъ обычаевъ, которые во всѣхъ странахъ міра поражаютъ цивилизованнаго человѣка, видящаго ихъ въ первый разъ. Подобно стариннымъ головнымъ уборамъ нашихъ горныхъ поселянъ, эти обычаи заставляютъ путешественника не столько думать о томъ, хороши ли они или дурны, сколько удивляться тому, какимъ образомъ они могли быть придуманы,—заставляютъ видѣть въ нихъ уродливости, къ которымъ могъ придти лишь дикій и ненормальный умъ. Дѣйствительно, этотъ

умъ былъ бы дикимъ и ненормальнымъ, еслибы онъ оказался одинокимъ. Но на самомъ дѣлѣ такіе обычаи составляютъ такой же продуктъ вѣковъ, какъ римское право или британская конституція. Никакой отдѣльный человѣкъ, никакое отдѣльное поколѣніе не могли выдумать ихъ; только рядъ поколѣній, воспитанныхъ въ привычкахъ прошлаго и нуждавшихся въ чемъ либо родственномъ этимъ привычкамъ, могъ ихъ придумать. Дикари относятся снисходительно къ своимъ любимымъ привычкамъ и берегутъ ихъ также, какъ берегутъ своихъ любимыхъ животныхъ. Для образованія національнаго характера нужны вѣка, и въ концѣ ихъ онъ устанавливается вслѣдствіе совпаденія одинаково направленныхъ вкусовъ по отношенію къ предметамъ, которые кажутся привлекательными или отталкивающими.

Здѣсь дѣйствуетъ также и другая причина. Въ первобытныхъ стадіяхъ цивилизаціи обыкновенно бываетъ большая смертность въ дѣтскіе годы жизни, что̀ составляетъ само по себѣ нѣкоторый родъ подбора: ребенокъ выйдетъ настоящимъ спартанцемъ, если онъ переживетъ спартанское дѣтство. Обычаи племени обязательны для ребенка. Если онъ можетъ усвоить ихъ и подражать имъ, онъ будетъ жить; въ противномъ случаѣ онъ погибнетъ. Подражаніе, которое порождаетъ такое сходство между первобытными народами, продолжается втеченіе цѣлой жизни, но оно начинается въ

опредѣленныхъ формахъ и совершается по извѣстнымъ образцамъ. Я предполагаю даже, что въ средѣ самихъ родителей существуетъ нѣкоторый родъ частнаго подбора, дѣйствующій такимъ же образомъ и придающій особенную силу нѣкорымъ индивидуумамъ. Тѣ дѣти, которыя преимущественно доставляютъ удовольствіе родителямъ, могутъ надѣяться на лучшее обращеніе съ ними и будутъ имѣть больше шансовъ остаться въ живыхъ; эти фавориты будутъ казаться вообще дѣтьми наиболѣе „обѣщающими", т. е. общество можетъ болѣе надѣяться на нихъ относительно послѣдованія руководящимъ обычаямъ и господствующимъ вкусамъ племени. Дитя, которое наиболѣе нравится своимъ родителямъ, будетъ пользоваться лучшимъ расположеніемъ и будетъ ближе подходить къ установившемуся уровню.

Вѣроятно, многіе найдутъ странною мою попытку отнести столь опредѣленное, почти физическое явленіе, какъ національный характеръ, къ такимъ неуловимымъ причинамъ, какъ подражаніе общеодобряемому обычаю и преслѣдованіе всѣми порицаемаго обычая. Но какъ бы то ни было, національный характеръ есть только обозначеніе цѣлой суммы обычаевъ, болѣе или менѣе общихъ. Это подражаніе и это преслѣдованіе втеченіе длиннаго ряда поколѣній оказываетъ замѣтныя физическія дѣйствія. Духъ родителей, какъ мы обыкновенно это называемъ, отчасти переходитъ и къ ребенку. На это унаслѣ-

дованное „нѣчто“ обычаи дѣйствуютъ болѣе, чѣмъ что либо другое. Съ теченіемъ времени долженъ неизбѣжно установиться извѣстный типъ, и перейти къ слѣдующему поколѣнію, если только причины, которыя я указывалъ, будутъ дѣйствовать вполнѣ и безпрепятственно.

Какъ я уже говорилъ, я имѣю въ виду выяснить здѣсь не происхожденіе расъ, а происхожденіе націй или, лучше сказать, племенъ. Я вполнѣ допускаю, что подражаніе какимъ либо господствующимъ обычаямъ или отвращеніе отъ непріятныхъ обычаевъ само по себѣ не можетъ объяснить обширныя противоположенія, которыя мы встрѣчаемъ въ человѣчествѣ. Такія средства не сдѣлаютъ негра изъ брамина или краснокожаго изъ англичанина—также, какъ намъ не удастся отмыть пятна у леопарда или черный цвѣтъ у жителя Ѳіопіи. Здѣсь должны были дѣйствовать еще другія могущественныя причины: иначе эти громадныя различія не существовали бы. Тѣ менѣе важныя причины, которыхъ я касался, вели къ тому, что одинъ грекъ отличался отъ другаго, но они не могли бы создать греческую расу. Мы не можемъ здѣсь точно обозначить грань этихъ различій, но эта грань несомнѣнно существуетъ.

Если мы взглянемъ на первобытные памятники человѣческой расы, мы увидимъ эти расовые характеры съ такой же опредѣленностью, съ какой они существуютъ въ настоящее время. Древнѣйшіе рисунки или

изваянія, гдѣ бы мы ихъ ни находили, представляютъ контрасты различныхъ типовъ съ такою же силой, какъ это является и предъ современнымъ наблюдателемъ. На памяти исторіи не возникало такихъ различій, какія существуютъ между неграми и греками, между папуасами и краснокожими, между эскимосами и готами. Мы находимъ уже готовыми діаметральныя противоположности, и можемъ подмѣтить и прослѣдить измѣненія лишь гораздо меньшей важности. При этомъ весьма трудно видѣть, какимъ образомъ подобныя измѣненія, въ какомъ бы то ни было количествѣ, могутъ заставить человѣка принять иной расовый типъ. Для даннаго случая представляютъ обыкновенно два объясненія: одно изъ нихъ состоитъ въ томъ, что эти великіе типы были первоначально отдѣльными твореніями, какъ мы ихъ видимъ теперь, т. е. негръ уже былъ созданъ негромъ, а грекъ — грекомъ. Но эта легкая гипотеза такъ часто предлагалась и такъ часто оказывалась неудачной, что, вѣроятно, не многіе изъ тщательныхъ изслѣдователей могутъ искренно довѣрять ей. Они могутъ принимать ее покуда, какъ наиболѣе удобную гипотезу настоящаго времени, но они не могутъ отрѣшиться по отношенію къ ней отъ того чувства, съ которымъ обыкновенно смотрятъ на войско, постоянно терпѣвшее пораженія; какъ бы сильно оно ни казалось, всегда остается мѣсто опасенію, что оно можетъ быть разбито еще разъ.

Въ чемъ состоитъ другое объясненіе—въ точности обозначить трудно. Быть можетъ, мы не обладаемъ еще достаточными данными для предположенія вполнѣ достовѣрнаго. Но изъ всѣхъ этихъ гипотезъ наиболѣе вѣроятнымъ представляется предположеніе мистера Уоллеса, что расовые признаки составляютъ живое воспоминаніе того времени, когда разумъ человѣка не имѣлъ такой способности, какъ въ настоящее время, примѣнять свое существованіе и привычки къ измѣненіямъ обстановки,— что сообразно съ этимъ первоначальная смертность у первыхъ бродячихъ племенъ была необыкновенно велика, и что только тѣ счастливые индивидуумы могли преуспѣвать, которые приносили съ собою на свѣтъ такую организацію, которая могла примѣняться къ климату и странѣ, могла пользоваться своими преимуществами и противустоять болѣзнямъ. Согласно мистеру Уоллесу, негры представляютъ собою разновидность человѣка, которая обладала достаточною примѣнимостью къ средѣ, чтобы жить во внутренней Африкѣ. Новые поселенцы этой страны вымирали до тѣхъ поръ, пока не производили такую же или подобную ей разновидность, и тоже можно сказать объ эскимосахъ и жителяхъ Америки.

Каждая полезная привычка въ то время имѣла гораздо болѣе значенія, нежели въ послѣдующее. Племя, имѣвшее способность жить обществомъ, предводитель котораго обладалъ искусствомъ приспособленія въ борьбѣ

за жизнь, и которое подражало своему вождю, получало громадное преимущество въ борьбѣ за существованіе. Оно получало вѣрные шансы побѣдить и остаться въ живыхъ, такъ какъ въ немъ развивалась общественность и способность къ приспособленію, и это давало ему перевѣсъ надъ другими племенами, лишенными этихъ способностей. Я предполагаю, что въ первобытныя времена, когда у этихъ группъ не было еще воспоминаній и слѣдовъ длиннаго ряда предшествовавшихъ поколѣній, каждая новая привычка легче запечатлѣвалась у наслѣдованиомъ элементѣ и передавалась скорѣе и вѣрнѣе. Въ это время человѣкъ былъ болѣе мягокъ и гибокъ, и болѣе глубокіе расовые признаки успѣшнѣе закрѣплялись и распространялись на слѣдующія поколѣнія.

Но я не имѣю притязанія подробно касаться такихъ предметовъ; эта глава, какъ я уже нѣсколько разъ объяснялъ, имѣетъ своей задачею вопросъ происхожденія націй, а не происхожденіе расъ. Я имѣю въ виду только область замѣтныхъ разновидностей человѣка и хочу показать, какимъ образомъ по всѣмъ вѣроятіямъ, должны были произойти въ нихъ менѣе замѣтные контрасты. Имѣя передъ собою обширныя, однообразныя народности, каковы, напр., негры, монголы или арійцы, я пытался показать, какимъ образомъ между ними должны были возникнуть небольшія разнообразныя группы, изъ кото-

рыхъ однимъ предстояло уцѣлѣть, а другимъ погибнуть. Въ каждомъ расовомъ потокѣ существуютъ водороты, измѣняющіе его поверхность, которые будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока новая сила не измѣнитъ теченія. Эти меньшія разновидности составляютъ безконечное множество сочетаній не только съ разновидностями той же расы, но и съ разновидностями другихъ расъ. Съ первыхъ временъ существованія человѣка эти потоки часто вливались другъ въ друга, и водовороты и обратныя теченія принимали новыя формы, новыя окраски, испытывая дѣйствіе предъидущихъ теченій, но никогда вполнѣ не уподобляясь имъ. Затѣмъ на свѣжую массу вновь начинаютъ дѣйствовать старыя силы сочетанія и устраненія, и создаютъ новый міръ на новомъ пространствѣ. Разнообразно было теченіе міра, когда Геродотъ впервые взглянулъ на него и описалъ его намъ, и такимъ путемъ, какъ мнѣ кажется, произошли его разнообразныя окрашиванія.

Если мнѣ удалось достаточно указать важное значеніе силъ подражанія и устраненія для образованія національнаго характера, тогда, я надѣюсь, легче будетъ понять вліяніе обыкновенныхъ дѣятелей на этотъ характеръ, чѣмъ это можно видѣть изъ ходячихъ воззрѣній и учебниковъ. Мы знаемъ, что измѣненіе образа правленія, измѣненіе климата одинаково дѣйствуютъ на народную массу, и становимся въ затрудненіе какимъ

образомъ объяснить это дѣйствіе. Но такія измѣненія вначалѣ дѣйствовали неодинаково на всѣ части населенія. Втеченіе долгаго времени, на многихъ они вовсе не оказывали вліянія. Они вызывали новыя качества и благопріятствовали дѣйствію новыхъ привычекъ. Измѣненіе климата, напр., переходъ отъ угнетающаго климата къ оживляющему, дѣйствуетъ именно такимъ образомъ. Каждый чувствуетъ это на себѣ, хотя бы въ самой незначительной мѣрѣ, а наиболѣе дѣятельные испытываютъ это въ крайней степени: они работаютъ и преуспѣваютъ, и ихъ успѣхъ вызываетъ подражаніе. Тоже производитъ и обратная перемѣна — переходъ отъ оживляющей къ ослабляющей обстановкѣ; при этомъ лѣнивые чувствуютъ себя совершенно счастливыми, что могутъ ничего не дѣлать, и оказываютъ этимъ развращающее вліяніе на людей дѣятельныхъ по своей природѣ. Дѣйствіе каждой значительной перемѣны является въ жизни націй нѣкотораго рода собирательнымъ дѣйствіемъ. Въ своемъ наибольшемъ проявленіи оно касается преимущественно подготовленныхъ и сродныхъ этому движенію лицъ; въ нихъ оно производитъ результаты, кажущіеся привлекательными, и привычки, создающія эти результаты, становятся предметомъ обширнаго подражанія. Какъ мнѣ кажется, въ этомъ состоитъ простая, хотя и не вполнѣ очевидная причина, которая управляетъ движеніемъ прогресса и деградаціи.

ОБРАЗОВАНІЕ НАЦІОНАЛЬНОСТЕЙ.

IV.

ОБРАЗОВАНІЕ НАЦІОНАЛЬНОСТЕЙ.

Всѣ теоріи, касающіяся первобытнаго человѣка, въ настоящее время могутъ быть только весьма гадательны. Придерживаясь ученія о постепенномъ развитіи, мы должны будемъ признать, что человѣкъ имѣетъ прародителей общихъ съ приматами, но при этомъ мы все таки не получаемъ никакого понятія о томъ, каковъ былъ этотъ общій прародитель. Если мы когда нибудь и узнаемъ о немъ что-либо болѣе опредѣленное, это будетъ не раньше, какъ послѣ долголѣтнихъ изслѣдованій и тщательнаго накопленія матеріала, что̀ въ настоящее время существуетъ лишь въ зачаткѣ. Впрочемъ, мы не можемъ не признать, что наука уже кое что сдѣлала въ этомъ направленіи. Она не въ силахъ сообщить намъ каковъ былъ нашъ первый прародитель, но она многое говоритъ намъ о томъ прародителѣ, который занималъ уже довольно высо-

кое мѣсто въ нашей генеалогіи. Мы не въ состояніи составить себѣ ни малѣйшаго представленія о первомъ человѣкѣ, даже вполнѣ признавая теорію постепеннаго развитія; но мы можемъ получить довольно вѣрное понятіе о человѣкѣ доисторическомъ, который жилъ въ сравнительно недавнее время, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы теперь понимаемъ это слово, напр., за десять тысячъ лѣтъ до начала исторіи. Изслѣдователи, между которыми сэръ Джонъ Лёббокъ и Тэйлоръ занимаютъ первое мѣсто, обладающіе замѣчательною проницательностью и трудолюбіемъ, успѣли собрать и объяснить такъ много изъ занимающаго насъ предмета, что труды ихъ дали намъ весьма живой и краснорѣчивый результатъ.

Этотъ результатъ, если мнѣ позволено будетъ выразить его по своему, какъ мнѣ кажется, можетъ быть сведенъ къ тому соображенію, что новѣйшіе доисторическіе люди должны быть названы дикарями, лишенными ихъ окрѣпшихъ обычаевъ. Они, подобно дикарямъ, обладали усиленной страстностью и слабой разумностью, предпочитали короткія мгновенія судорожнаго наслажденія мягкому и спокойному пользованію жизнью, неспособны были имѣть въ виду будущее и сообразно съ нимъ располагать свое настоящее, и у нихъ, также какъ у дикарей, свойственное имъ чувство нравственности было элементарно и недостаточно. Мы говоримъ здѣсь о тѣхъ доисторическихъ людяхъ, послѣ

которыхъ мы собрали такъ много остатковъ и которымъ историческіе народы обязаны нѣкоторыми изъ своихъ обветшалыхъ, странныхъ обычаевъ, которые совершенно правильно можно было бы назвать ископаемыми обычаями, потому что они иногда неожиданно обнаруживаются среди настоящей цивилизаціи, но имѣютъ съ нею столько же дѣйствительной связи, сколько имѣютъ ископаемыя съ окружающими ихъ слоями. Но наши доисторическіе предки были непохожи на современныхъ намъ дикарей въ томъ отношеніи, что у нихъ не было сложныхъ и странныхъ обычаевъ послѣднихъ, ихъ оригинальныхъ и, повидимому, необъяснимыхъ жизненныхъ правилъ. Такія заключенія относительно этой расы, которая жила настолько давно, что не оставила намъ никакой исторіи, и въ тоже время достаточно недавно, чтобы отъ нея могли сохраниться нѣкоторые памятники, мы устанавливаемъ на слѣдующихъ основаніяхъ. Во-первыхъ, мы не можемъ представить себѣ значительно развитаго разума безъ познаній, а очевидно, у доисторическаго человѣка познаній быть не могло: онъ бы не утратилъ ихъ, еслибы обладалъ ими. Совершенно невѣроятно, чтобы въ самыхъ различныхъ между собою частяхъ міра цѣлыя расы, вполнѣ способныя къ счету, такъ какъ онѣ вообще быстро научаются ему, могли утратить это искусство послѣ того, какъ оно уже было знакомо имъ. Едвали можно допустить также, чтобы цѣлыя расы могли утра-

тить зачатки здравой логики, элементарное познаніе матеріальныхъ и идеальныхъ предметовъ, какъ ихъ понималъ Бенжаменъ Франклинъ, если только это однажды было имъ извѣстно. Мыслительныя способности человѣка не могутъ дѣйствовать безъ нѣкоторыхъ данныхъ; чтобы человѣческій умъ могъ работать, говоритъ лордъ Бэконъ, ему необходимъ «матеріалъ». А вслѣдствіе отсутствія общихъ знаній, которыя развиваютъ элементы нашего разума, сообразно съ степенью нашего воспитанія, у нихъ не было такого «матеріала». Въ силу этого, еслибы даже страстность этихъ людей не была безусловно сильнѣе нашей, относительно, она являлась бы болѣе сильною, такъ какъ ихъ разумность была слабѣе. Во-вторыхъ, несомнѣнно, что расы людей, способныхъ въ своемъ настоящемъ сообразоваться съ будущимъ (даже еслибы и можно было допустить существованіе такихъ расъ безъ развитаго путемъ воспитанія разума) имѣли бы такое громадное преимущество въ борьбѣ націй, что никакія другія націи не могли бы одолѣть ихъ. Любое австралійское племя, способное усвоить подобную привычку и примѣнить ее на дѣлѣ, завоевало бы всю Австралію точно такъ, какъ ее завоевали англичане. Еслибы, напр., длинноголовые представители шотландской расы, столь же невѣжественные, какъ и австралійцы, прошли отъ Торресова до Басова пролива, то какъ бы сильно ни было сопротивленіе австра-

лійцевъ, вся территорія досталась бы имъ, и имъ однимъ. Мы не можемъ себѣ представить, чтобы безчисленныя расы могли утратить нѣкогда принадлежавшее имъ наиболѣе полезное свойство человѣческаго ума, обезпечивавшее имъ побѣду въ непрерывной борьбѣ, которую человѣкъ, съ перваго появленія своего на землѣ, не переставалъ вести съ себѣ подобными и съ природой,— то свойство, которое въ историческія времена доставляло успѣшнѣе всякаго другого побѣду въ этой борьбѣ. Въ-третьихъ, мы можемъ быть увѣрены, что нравственность доисторическаго человѣка была также несовершенна и мало развита, какъ и его разумъ. Тѣ же аргументы могутъ быть повторены по отношенію къ самообладанію, свойственному высшему типу нравственности, также, какъ и относительно той жизненной системы, основанной на извѣстныхъ доводахъ разума, когда будущее непремѣнно принимается въ разсчетъ. Обѣ эти способности, и въ особенности высшая нравственность, облекаются обыкновенно въ такія трудныя и отвлеченныя идеи, что почти невозможно представить себѣ существованіе ихъ среди такихъ людей, которые не могутъ сосчитать далѣе пяти, обладаютъ лишь самыми простыми и грубыми формами языка, совершенно незнакомы съ искусствомъ чтенія и письма, лишены даже первыхъ жизненныхъ удобствъ, и хотя умѣютъ добыть огонь, но едвали идутъ далѣе этого, и ни въ чемъ другомъ не подчи-

нили себѣ природу. Здравый взглядъ на нравственныя человѣческія отношенія составляетъ, какъ и всякаго рода проницательность, слишкомъ полезную способность для человѣческой расы, чтобы ее можно было утратить послѣ того, какъ она была однажды усвоена. Мы видимъ, что значительному большинству дикарей вполнѣ чужды тѣ нравственныя правила, которыя болѣе всѣхъ другихъ ведутъ къ благосостоянію племени. Многіе дикари, повидимому, нисколько не цѣнятъ человѣческую жизнь, почти незнакомы съ семейными чувствами и спокойно убиваютъ стариковъ (включая сюда и собственныхъ родителей), какъ скоро эти послѣдніе состарятся и станутъ для нихъ бременемъ. Этимъ людямъ чувство правды почти совершенно чуждо; вѣроятно, въ силу наслѣдственнаго чувства страха, они стремятся скрывать все, что могутъ и, какъ замѣчаютъ наблюдатели, вообще охотнѣе лгутъ, чѣмъ говорятъ правду. У нихъ понятія о бракѣ такъ смутны и неопредѣленны, что для обозначенія ихъ брачныхъ отношеній, въ которыхъ всѣ женщины извѣстнаго племени одинаково принадлежатъ всѣмъ мужчинамъ того же племени, былъ придуманъ терминъ: «общинный бракъ». Имѣя въ виду насколько правдивость, любовь къ родителямъ и прочность брачныхъ узъ скрѣпляютъ человѣческое общество и придаютъ ему силы, и насколько племя, обладающее такими качествами, должно обезпе-

чивать себѣ быструю и полную побѣду надъ племенами, лишенными этихъ качествъ, намъ легко понять насколько невѣроятно предположеніе, будто племена, разсѣянныя по всему міру, могли утратить всѣ эти нравственныя опоры, столь важныя для успѣшной борьбы. Говоря о доисторическомъ человѣкѣ, мы будемъ совершенно справедливы, если отмѣтимъ у него недостаточность нравственнаго чувства; всѣ выводы новѣйшихъ изслѣдованій ведутъ къ этому заключенію и подтверждаютъ его.

Впрочемъ, относительно этого обстоятельства дѣло не ограничивается одними лишь современными изслѣдованіями. М-ръ Джоуитъ давно еще высказалъ, что классическія религіи вмѣщали въ себѣ остатки «вѣковъ, предшествовавшихъ нравственности». И это лишь одно изъ многихъ удачныхъ выраженій его, изъ которыхъ можно видѣть, что этотъ великій мыслитель уже тогда понималъ вполнѣ всю сущность различныхъ мнѣній по этому предмету, которыя должны были появиться потомъ, и заключеніе, къ которому должны были привести эти споры, болѣе или менѣе предугадалъ задолго до того времени, когда разультаты ихъ стали общимъ достояніемъ. Другого объясненія для подобныхъ религій мы отыскать не можемъ. Намъ стоитъ только раскрыть «Гомера» м-ра Гладстона, чтобы убѣдиться въ томъ съ какою сильною антипатіей истинно нрав-

ственный вѣкъ долженъ относиться къ богамъ и богинямъ Гомера; насколько невѣроятно, чтобы они могли быть придуманы и затѣмъ могли явиться предметами поклоненія въ эпоху высокой нравственности; насколько очевидно, послѣ упомянутаго объясненія, что все это остатки древности подобные англійскому придворному костюму или каменному жертвенному ножу, которые никто не станетъ употреблять въ качествѣ обрядовыхъ орудій иначе, какъ унаслѣдовавши ихъ отъ прошедшаго времени, когда не существовало ничего лучшаго.

Такого рода мнѣніе о нашихъ предкахъ вовсе не является несовмѣстнымъ съ какими бы то ни было нравственными теоріями настоящаго времени. Интуитивная теорія нравственности, которая скорѣе всѣхъ другихъ могла бы отнестись враждебно къ этому воззрѣнію, въ недавнее время приняла совершенно иное направленіе. Теперь уже никто не будетъ утверждать, что у всѣхъ людей совѣсть развита въ одинаковой степени. На самомъ дѣлѣ только какой нибудь весьма ограниченный участникъ этого спора, неуяснившій себѣ самыхъ простыхъ фактовъ человѣческой природы, могъ серьезно утверждать это; если люди отличаются другъ отъ друга въ какомъ либо отношеніи, такъ именно въ отношеніи тонкости и деликатности ихъ нравственныхъ стимуловъ, какими бы путями, по нашему мнѣнію, не были пріобрѣтены эти чувства. Что-

бы убѣдиться въ этомъ, намъ нѣтъ надобности обращаться къ дикимъ народамъ; для насъ достаточно будетъ поговорить съ англійскимъ бѣднякомъ или кѣмъ нибудь изъ нашей прислуги, и это обстоятельство станетъ для насъ вполнѣ очевидно. Низшіе классы цивилизованнаго общества, подобно всѣмъ классамъ общества нецивилизованнаго, видимо страдаютъ отсутствіемъ наиболѣе утонченной стороны тѣхъ чувствъ, которыя, въ ихъ совокупности, мы называемъ нравственнымъ чувствомъ. Въ настоящее время это уже не отрицается всѣми понимающими дѣло интуціонистами; тѣмъ не менѣе они могутъ прибавить къ этому, что хотя степень развитія нравственнаго чувства должна быть, и дѣйствительно бываетъ, различна у различныхъ лицъ, но въ извѣстныхъ предѣлахъ оно одинаково у всѣхъ. Они могутъ приравнивать это къ представленію о числѣ, которое у многихъ дикарей такъ недостаточно, что они безъ особаго труда не могутъ сосчитать далѣе трехъ. Тѣмъ не менѣе въ этихъ предѣлахъ умственная дѣятельность и дикарей совершенно такова же, какъ и у цивилизованныхъ народовъ. Безспорно, если вообще слѣдуетъ признать интуитивныя начала въ нашей духовной жизни, первичныя числовыя понятія должны быть у всѣхъ одинаковы. Они необходимы сами по себѣ не менѣе, чѣмъ что либо другое, и утверждать, что какое либо изъ нравственныхъ положеній

болѣе несомнѣнно, чѣмъ дважды пять десять, было бы крайнимъ педантизмомъ. Ариѳметическія истины, будемъ ли мы признавать ихъ интуитивными или нѣтъ, безъ сомнѣнія, не могутъ быть пріобрѣтены независимо отъ опыта, точно также какъ и нравственныя истины. Нельзя отрицать того, что онѣ были порождены жизнью и опытомъ, хотя затѣмъ все таки можетъ быть повторено давнее и трудно устранимое возраженіе, по которому все, исключительно свойственное этимъ истинамъ и не встрѣчающееся въ другихъ жизненныхъ явленіяхъ, можетъ быть признаваемо независимымъ отъ опыта и порожденнымъ силою самого ума. Вслѣдствіе того, никакой интуціонистъ не побоится назвать совѣсть своего доисторическаго предка несовершенной, зачаточной или даже почти недоступной для наблюденія, такъ какъ онъ долженъ все это допустить въ значительной степени для того, чтобы примѣнить свою теорію къ очевиднымъ фактамъ новѣйшаго времени и придать ей нѣкоторую современную форму, согласующуюся съ этими фактами. Безъ сомнѣнія, если приверженецъ интуитивной школы можетъ принять это заключеніе относительно доисторическаго человѣка, то это тѣмъ болѣе можетъ сдѣлать и Спенсеръ, который сводитъ всѣ наши нравственныя идеи къ унаслѣдованному признанію полезности ихъ, и Дарвинъ, который приписываетъ ихъ унаслѣдованной симпатіи, и Милль, который съ замѣчательнымъ муже-

ствомъ стремится построить всю нравственную природу человѣка безъ всякой помощи этической интуиціи или физіологическаго инстинкта. Какъ я уже говорилъ выше, настоящее сочиненіе вовсе не имѣетъ притязанія касаться такихъ вѣчныхъ вопросовъ, какъ вопросъ о свободной волѣ или о сущности нашей совѣсти. Эти вопросы занимали человѣческій умъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ критически мыслить; мнѣнія относительно ихъ всегда были раздѣлены, и многіе до сихъ поръ еще испытываютъ затрудненіе для принятія той или другой теоріи и продолжаютъ сомнѣваться въ томъ, чтобы въ какой либо изъ этихъ теорій было высказано послѣднее слово по данному вопросу или полное рѣшеніе его. Въ интересѣ истинной науки необходимо по возможности ограничить ту область, въ которой происходитъ это состязаніе, и рѣшить какіе признанные факты могутъ быть совмѣстны со всѣми теоріями и какіе изъ нихъ могутъ находиться съ ними in condominium, какъ выражаются юристы.

Хотя мы имѣемъ достаточное основаніе предположить, что доисторическій человѣкъ—по крайней мѣрѣ, тотъ доисторическій человѣкъ, котораго я имѣю здѣсь въ виду, который существовалъ лишь за нѣсколько тысячелѣтій до начала нашей исторіи, а не тотъ, котораго можно назвать первобытнымъ человѣкомъ—относительно упомянутыхъ характеристическихъ признаковъ имѣлъ полное сходство съ новѣйшимъ дикаремъ, но мы имѣемъ та-

кое же основаніе предполагать, что во многихъ другихъ отношеніяхъ онъ вовсе не былъ сходенъ съ послѣднимъ. Современный дикарь менѣе всего похожъ на то простодушное существо, которое представляли себѣ въ немъ философы XVIII вѣка; напротивъ того, жизнь его опутана безчисленнымъ множествомъ нелѣпыхъ обычаевъ, разумъ его затемненъ множествомъ странныхъ предразсудковъ, и чувства его находятся подъ вѣчнымъ гнетомъ множества ужасныхъ суевѣрій. Все духовное существо новѣйшаго дикаря, если можно такъ выразиться, *испещрено* чудовищными образами, между которыми нельзя найти ни одного нетронутаго мѣста. Но нѣтъ причины предполагать, чтобы умы доисторическихъ людей были покрыты такими же рубцами и знаками; напротивъ того, для появленія этихъ привычекъ, суевѣрій и предразсудковъ требовались цѣлые вѣка По своей природѣ, доисторическій человѣкъ былъ вполнѣ подобенъ современному дикарю; онъ отличался отъ него только тѣмъ, что этотъ послѣдній пріобрѣлъ въ своемъ дальнѣйшемъ существованіи.

На это можно возразить, что еслибы человѣкъ развился изъ какой либо породы животныхъ, — какъ это говоритъ теорія постепеннаго развитія, которая, не будучи еще окончательно доказанною, имѣетъ за собою значительное вѣроятіе и основательныя научныя аналогіи,—онъ въ первое время непремѣнно обладалъ бы

животными инстинктами; эти послѣдніе утрачивались бы только постепенно и въ это время служили бы ему защитою и помощью. Вслѣдствіе того доисторическій человѣкъ долженъ былъ обладать такими чувствами, какихъ не существуетъ у современныхъ дикарей. Весьма вѣроятно, что это было вполнѣ справедливо относительно первыхъ людей, т. е. тѣхъ существъ, которыя впервые были достойны этого имени; они имѣли или могли имѣть нѣкоторые остатки инстинктовъ, помогавшихъ имъ въ борьбѣ за существованіе и утрачивавшихся постепенно по мѣрѣ развитія разума. Нѣкоторые инстинкты несомнѣнно ослабѣваютъ, какъ скоро разумъ бываетъ примѣненъ къ объекту ихъ дѣятельности. Замѣчательныя дѣти, умѣющія производить крайне сложныя умственныя вычисленія и дѣйствующія въ этомъ случаѣ съ помощью особой врожденной способности, иногда отчасти, а иногда и вполнѣ, утрачиваютъ эту способность, когда выучиваются пользоваться тѣми же математическими пріемами, какіе свойственны всему остальному человѣчеству. Точно также мнѣ приходилось слышать утвержденіе, что человѣкъ могъ бы сознательно свободиться отъ инстинкта стыдливости, еслибы только приложилъ къ этому дѣлу достаточно труда и усилій. И другіе первобытные инстинкты могли исчезнуть такимъ же путемъ. Но все это не имѣетъ отношенія къ мо-

имъ заключеніямъ. Я говорю только, что эти инстинкты, если они когда либо существовали, уже исчезли, и что нѣкогда былъ періодъ,—вѣроятно, весьма продолжительный, сообразно нашему обычному историческому счету, — когда доисторическіе люди жили сходно съ нынѣшними дикарями, безъ какихъ либо твердыхъ опоръ.

Доказательства этого можно найти въ замѣчательныхъ произведеніяхъ сэра Джона Лёббока и м-ра Тэйлора, о которыхъ я упоминалъ выше. Я ограничусь здѣсь двумя изъ этихъ доказательствъ. Во-первыхъ, вполнѣ очевидно, что первые доисторическіе люди пользовались такими же кремневыми орудіями, какія мы видимъ у современныхъ намъ низшихъ дикарей; при этомъ мы можемъ наблюдать правильное развитіе въ отдѣлкѣ и приспособленіи къ цѣли этихъ простыхъ орудій, сообразно съ тѣмъ, что̀ мы видимъ въ настоящее время при постепенномъ переходѣ отъ низшаго дикаго состоянія къ высшему. Едва ли можно допустить, чтобы группа существъ, инстинкты которыхъ были достаточны для поддержанія ихъ существованія и удовлетворенія ихъ потребностей, имѣла нужду въ этихъ простыхъ орудіяхъ. Послѣднія именно таковы какія могутъ быть пригодны лишь для самыхъ бѣдныхъ людей, лишенныхъ всякихъ инстинктовъ, и, находя ихъ у дикарей, мы дѣйствительно убѣждаемся въ этомъ, такъ какъ никто не можетъ быть бѣднѣе дикаря. Было

бы весьма страннымъ, еслибы такія орудія были въ употребленіи у такихъ существъ, которыя, благодаря своимъ болѣе развитымъ инстинктамъ, находились бы на болѣе высокой степени благосостоянія. Такія существа съумѣли бы обойтись безъ этихъ предметовъ или, еслибы они понадобились имъ, съумѣли бы сдѣлать ихъ лучше.

Во-вторыхъ, относительно нравственной стороны доисторической эпохи, мы знаемъ, что она отличалась значительной распущенностью, доказательствомъ чего служитъ то, что въ это время родство признавалось только съ материнской стороны, какъ мы видимъ теперь у низшихъ дикарей. «Родство по матери, сказалъ кто-то, есть фактъ, а родство по отцу есть дѣло убѣжденія», и это не слишкомъ деликатное выраженіе въ точности представляетъ состояніе родства въ низшихъ человѣческихъ обществахъ. Во всѣхъ рабовладѣльческихъ общинахъ, какъ, напр., въ древнемъ Римѣ или новѣйшей Виргиніи, это положеніе было признаваемо закономъ; ребенокъ сохранялъ званіе матери, каково бы оно ни было, никто не освѣдомлялся объ отцѣ, и законъ однажды навсегда устанавливалъ, что родство по отцу не можетъ быть опредѣлено въ точности. Безъ сомнѣнія, не существуетъ такихъ памятниковъ, которые указывали бы на существованіе въ нравственности доисторическаго человѣка подобныхъ или какихъ либо другихъ началъ; о нравственномъ со-

стояніи могутъ свидѣтельствовать только тѣ памятники, которые относятся уже къ историческому времени, но одна изъ аксіомъ доисторическаго изслѣдованія заставляетъ насъ признать сказанное выше о нравственности доисторическихъ расъ, если мы примемъ эту аксіому. Вполнѣ очевидно, что повсемѣстное отсутствіе какого либо характеристическаго признака, значительно помогающаго обладателямъ его въ столкновеніяхъ между расами, по всѣмъ вѣроятіямъ, указываетъ, что первичная раса не обладала этимъ качествомъ. Еслибы, на пр., повсюду, во всѣхъ странахъ земли, существовали однорукіе люди, еслибы были находимы люди съ переходными стадіями развитія руки,—причемъ у однихъ являлись бы только зачатки второй руки, у другихъ эта рука была бы развита на половину, а у третьихъ почти вполнѣ,—тогда мы могли бы заключить, что «первая раса не могла имѣть двухъ рукъ. На самомъ дѣлѣ люди всегда находились въ борьбѣ между собою, и такъ какъ обладаніе двумя руками доставляетъ значительное преимущество въ борьбѣ, то однорукіе люди и люди съ неразвитыми руками непремѣнно были бы уничтожены, и численность ихъ никогда не могла бы дойти до высокой цифры. Общераспространенный недостатокъ какой либо воинственной способности служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что доисторическіе люди не обладали этой способностью». Если мы допустимъ эту

аксіому, ее можно съ успѣхомъ примѣнить и къ брачному союзу первобытныхъ расъ. Сплоченная семья составляетъ наилучшій зачатокъ воинственной націи. Въ римской семьѣ мальчики отъ самаго рожденія воспитывались въ духѣ домашняго деспотизма, который вполнѣ подготовлялъ ихъ къ подчиненію въ послѣдующей жизни военной дисциплинѣ, военной выучкѣ и военному деспотизму. Они охотно повиновались своимъ начальникамъ потому, что привыкли повиноваться своимъ отцамъ; они завоевали міръ въ зрѣломъ возрастѣ потому, что, будучи дѣтьми, воспитывались въ семьяхъ, гдѣ традиція энергіи и мужества подкрѣплялась привычкой къ строжайшему порядку. Что либо подобное немыслимо въ группахъ распущенныхъ семействъ, если ихъ еще можно такъ назвать, гдѣ отецъ болѣе или менѣе неизвѣстенъ, гдѣ родъ ведется не отъ него, гдѣ имущество не наслѣдуется родными дѣтьми, а переходить къ *безспорнымъ* родственникамъ—дѣтямъ сестры. Плохо организованная нація, непризнающая законнымъ родства по отцу, будетъ непремѣнно завоевана, какъ всякая безпорядочная толпа, той націей, у которой будутъ существовать слѣды или зачатки *patria potestas* (отеческой власти). Поэтому, еслибы первобытные люди обладали строгой семейной нравственностью, они точно также не допустили бы образоваться полунравственнымъ націямъ, какъ римляне не позволили бы имъ возник-

нуть въ Италіи. Они стали бы подчинять ихъ себѣ, уничтожать и грабить прежде, чѣмъ эти націи могли бы назваться этимъ именемъ; между тѣмъ полунравственные народы существуютъ на всемъ протяженіи міра.

Можно сказать, что этотъ аргументъ доказываетъ гораздо болѣе того, что намъ нужно въ настоящее время. Именно, онъ доказываетъ, что нетолько вообще доисторическіе люди, но и безусловно первые люди не могли имѣть устойчивыхъ семейныхъ инстинктовъ; между тѣмъ, если они были сходны съ большинствомъ, если не со всѣми изъ животныхъ, ближе всего стоящихъ къ человѣку, они должны были обладать такими инстинктами. Вѣроятно, многимъ приходилось слышать разсказъ объ одномъ африканскомъ вождѣ, который выказывалъ отвращеніе къ моногаміи на томъ основаніи, что довольствоваться одною женой значить походить на обезьяну. Полуживотные прародители человѣка, если только они существовали, по всей вѣроятности, обладали инстинктомъ постоянства, который былъ утраченъ африканскимъ вождемъ и ему подобными. Но какже они могли утратить этотъ инстинктъ, если онъ оказывался столь благодѣтельнымъ? На это весьма легко отвѣтить: они могли утратить его, если онъ существовалъ у нихъ какъ безсознательная наклонность и привычка, а не какъ нравственное и разумное чувство. Когда разумъ вступилъ въ свои права, онъ долженъ былъ ослабить и эту, такъ

же какъ и всякую другую, неразумную привычку. Разумъ является такой безконечно могучей силой, такимъ необыкновенно плодоноснымъ дѣятелемъ, что постоянное ослабленіе даже весьма важныхъ инстинктовъ не будетъ имѣть значенія, если въ тоже время онъ продолжаетъ быстро возрастать. Сильнѣйшій соперникъ будетъ имѣть преобладаніе въ обоихъ воображаемыхъ нами случаяхъ. Въ первомъ случаѣ раса, надѣленная развитымъ разумомъ, но лишенная слѣпыхъ инстинктовъ, возьметъ верхъ надъ расой, обладающей этими инстинктами, но лишенной развитаго разума; во второмъ случаѣ раса съ развитымъ разумомъ или высшимъ нравственнымъ чувствомъ одолѣетъ ту расу, которая владѣетъ такимъ же разумомъ, но лишена этого высшаго нравственнаго чувства. Оба эти случая вполнѣ ясны для насъ.

Поэтому существуетъ полное основаніе предполагать, что у доисторическаго человѣка нравственныя отношенія между полами въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ теперь эти отношенія, были крайне неразвиты. Касательно частностей первобытнаго брака или отсутствія брака, такъ какъ въ сущности это одно и тоже, остается полный просторъ для всякаго рода мнѣній. И Мак-Леннанъ и сэръ Джонъ Лёббокъ—весьма серьезные мыслители и строгіе изслѣдователи; поэтому они едвали могутъ требовать, чтобы такіе сложные и утонченные выводы, каковы тѣ, къ ко-

*

торымъ они приходятъ, были приняты во всемъ своемъ цѣломъ, не говоря уже о томъ, что эти авторы расходятся между собою въ нѣкоторыхъ характеристическихъ сторонахъ своего предмета. Но общій выводъ не находится въ зависимости отъ большаго или меньшаго достоинства аргументовъ. Мы имѣемъ многія основанія предположить, что въ доисторическія времена люди вели борьбу между собою за обладаніе и сохраненіе своихъ женъ; что болѣе сильные люди отнимали лучшихъ женъ у болѣе слабыхъ, и что въ томъ случаѣ, когда жена сопротивлялась этому, не соглашаясь на такую перемѣну, ея новый супругъ билъ ее; что красивой женщинѣ, какъ это до сихъ поръ случается въ Австраліи, непремѣнно приходилось подвергаться многимъ подобнымъ перемѣнамъ судьбы, и спинѣ ея часто случалось носить на себѣ слѣды подобныхъ внушеній. Говоря вообще, мы можемъ предположить, что въ этой сферѣ человѣческихъ поступковъ, которая наиболѣе осязательна и легче поддается наблюденіямъ, являясь поэтому наиболѣе яснымъ образчикомъ остальныхъ, доисторическіе люди оказывались не столько безнравственными, сколько ненравственными; они не нарушали указаній совѣсти, но они были слишкомъ неразвиты, чтобы слышать въ такихъ случаяхъ какой либо голосъ совѣсти или получать отъ нея какія либо указанія.

Тоже разсужденіе можетъ быть примѣнено и къ ре-

лигіи. Правда, многія стороны и въ религіяхъ современныхъ дикарей, и въ скудныхъ остаткахъ доисторической религіи, для насъ еще весьма темны. Но одну изъ этихъ сторонъ можно считать вполнѣ ясною. Всѣ религіи дикарей исполнены суевѣрій, основанныхъ на вѣрѣ въ счастье. Дикари вѣрятъ, что случайныя предзнаменованія служатъ указаніемъ грядущихъ событій, что нѣкоторыя деревья, животныя и мѣста приносятъ счастье, что нѣкоторыя безразличныя дѣйствія, безразличныя, повидимому, и въ дѣйствительности, бываютъ счастливыми, а другія, дѣйствія и предметы той же категоріи должны быть признаны несчастными. Дикарь никогда ясно не различаетъ между счастливымъ или несчастнымъ предзнаменованіемъ, какъ мы говоримъ, и божествомъ, посылающимъ ему хорошее или дурное; указывающее начало и управляющее имъ существо часто являются въ представленіи дикаря однимъ и тѣмъ же; для того, чтобы различать между ними, требуется такая сила мысли, какой не бываетъ у дикаря. Такого рода воззрѣніе вполнѣ естественно для него; его жизнь есть игра, игра въ жизнь, если можно такъ выразиться, правила которой для него неизвѣстны. У него нѣтъ никакихъ представленій о законахъ природы; когда ему приходится лечить больнаго, онъ не составляетъ себѣ ни малѣйшей идеи о раціональномъ дѣйствіи лекарствъ. Всѣ его попытки

такого рода управляются простымъ случаемъ. Нерѣдко этимъ простымъ эмпирическимъ путемъ онъ приходитъ къ самымъ полезнымъ лекарствамъ новѣйшей медицины. Что, казалось бы, болѣе невѣроятно,—по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія дикаря, — нежели свойство нѣкоторыхъ минеральныхъ источниковъ ослаблять ревматическія страданія или исцѣлять раны? А между тѣмъ случайное познаніе чудесныхъ дѣйствій нѣкоторыхъ источниковъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, принадлежитъ столь же древнему времени, какъ и многія другія раціональныя медицинскія свѣдѣнія. Безъ сомнѣнія, только простая случайность заставила испытать силу этихъ источниковъ и найти ихъ пригодными для врачебныхъ цѣлей. Кто нибудь случайно испробовалъ его и случайно тотчасъ же получилъ облегченіе. Но случай, удачно направившій человѣка на этотъ разъ, часто заставлялъ его идти по ложному пути. Какое нибудь военное предпріятіе удавалось, когда рѣшеніе относительно его было принято подъ какимъ либо старымъ деревомъ, и вслѣдствіе того это дерево становилось счастливымъ и священнымъ. Другое предпріятіе не имѣло успѣха въ то время, когда на пути сорока перешла черезъ дорогу, и поэтому сорока стала несчастнымъ предзнаменованіемъ. Змѣя переползла черезъ дорогу во время похода, и результатомъ его была необычайная побѣда; соотвѣтственно тому, змѣя стала знакомъ вели-

чайшей удачи, а вмѣстѣ съ этимъ, что для дикаря почти одно и тоже, могучимъ божествомъ, посылающимъ счастье. Древняя медицина въ такой же степени нераціональна; не далѣе какъ въ средніе вѣка, она была переполнена суевѣріями, основанными на чистой удачѣ. Собраніе предписаній и рецептовъ, изданныхъ подъ руководствомъ нашего Начальника Архива, въ изобиліи представляетъ такія фантазіи, какъ мы ихъ называемъ теперь. По одному изъ нихъ, если я не ошибаюсь, какая то болѣзнь, кажется, лихорадка, должна излечиваться, если паціента положить между двумя половинками зайца и только что убитымъ голубемъ[1]). Для насъ должно быть вполнѣ ясно, что для такого рода средствъ не существовало никакихъ разумныхъ основаній, и что самая идея о нихъ являлась вслѣдствіе какой либо случайности, которой приписывали успѣхъ и которой придерживались впослѣдствіи. Но на самомъ дѣлѣ въ этомъ нѣтъ ничего противнаго здравому смыслу, какъ это можетъ

---

[1]) Читавшіе біографію Скотта должны припомнить, что одинъ изъ его почитателей предлагалъ вылечить его отъ воспаленія кишокъ, если онъ согласится проспать цѣлую ночь на 12 гладкихъ камняхъ, тщательно собранныхъ самимъ почитателемъ изъ 12 ручьевъ; это средство, повидимому, издавна считалось вполнѣ радикальнымъ. Скоттъ серьезно замѣтилъ своему поклоннику, что онъ нѣсколько ошибается; что эти камни тогда только получаютъ силу, когда ихъ обернуть въ платье вдовы, не желающей выйти замужъ во второй разъ, а такъ какъ подобной вдовы не имѣлось въ виду, то онъ и отказался отъ этого леченія.

показаться съ перваго раза. Лежанье между двумя половинками зайца и голубемъ было апріорнымъ методомъ, и для ума, непривыкшаго къ опыту, казалось столь же действительнымъ, какъ и излеченіе болѣзней посредствомъ нѣсколькихъ выпитыхъ стакановъ непріятной на вкусъ минеральной воды. Такимъ или инымъ путемъ, то и другое было испытано; то и другое дало благопріятные результаты, т. е. за употребленіемъ даннаго средства въ первый разъ, или при какихъ нибудь памятныхъ обстоятельствахъ, послѣдовало весьма быстрое выздоровленіе. Единственнымъ различіемъ между этими методами леченія было то обстоятельство, что цѣлебная сила минеральной воды дѣйствовала непрерывно и съ неизмѣннымъ успѣхомъ, а приближеніе къ больному зайца или голубя оказывалось не всегда производящимъ благопріятный результатъ, и въ общемъ выводѣ выздоровленіе происходило такъ же въ случаяхъ примѣненія этого средства, какъ и безъ него. При наблюденіи событій, причина которыхъ не можетъ быть уяснена, человѣческій умъ склоненъ приписывать особое загадочное значеніе обстоятельствамъ, сопровождающимъ непонятное для него явленіе, или усматривать въ ряду совершающихся предъ нимъ явленій нѣкоторое сверхестественное предвѣщаніе счастья или несчастья; вслѣдствіе того, онъ не перестаетъ чувствовать страхъ передъ этими сопровождающими обстоятельствами, если они, по его мнѣнію, приносятъ не-

счастье, и относиться къ нимъ съ величайшимъ расположеніемъ, если они обѣщаютъ ему удачу. Всѣ дикари находятся въ такомъ умственномъ состояніи, и обаятельное дѣйствіе нѣкоторыхъ выдающихся явленій, сопровождающихъ случаи особенно счастливой удачи или крайне бѣдственной неудачи, составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ, изъ которыхъ исходитъ религія дикарей.

Игроки, по отношенію къ той роли, которую случай играетъ въ ихъ дѣлѣ, и въ настоящее время находятся въ томъ же положеніи, въ какомъ находятся дикари по отношенію ко всѣмъ главнѣйшимъ событіямъ своей жизни. Намъ всѣмъ хорошо извѣстно до какой степени игроки суевѣрны. Даже и теперь еще можно видѣть весьма неглупыхъ и не лишенныхъ развитія людей, которые при игрѣ въ вистъ не чужды вѣры, — являющейся у нихъ не какъ опредѣленное убѣжденіе, но какъ нѣкоторое смутное ощущеніе, — будто двойка пикъ приноситъ счастье, и которые, наоборотъ, не преминутъ прошептать какое-нибудь не совсѣмъ вѣжливое замѣчаніе, если откроютъ козыремъ четверку трефъ, потому что она приноситъ несчастье и называется у нихъ «чортовымъ изголовьемъ». Безъ сомнѣнія, взрослые люди, занимающіеся игрой, обладаютъ слишкомъ большимъ запасомъ точныхъ знаній, слишкомъ развитымъ здравымъ смысломъ, чтобы серьезно придерживаться такихъ идей и относиться къ нимъ съ уваже-

ніемъ. Они сами стыдятся, что подобныя идеи могутъ быть свойственны имъ, хотя все таки не могутъ вполнѣ отдѣлаться отъ нихъ. Но игроки-дѣти — напр., партія мальчиковъ, усѣвшихся играть въ мушку—находятся совершенно въ такомъ же положеніи, какъ и дикари: фантазія ихъ также впечатлительна, и они не вполнѣ прониклись еще умудряющимъ опытомъ, доставляемымъ изученіемъ реальнаго міра. Дѣти-игроки суевѣрны, какъ идолопоклонники; по крайней мѣрѣ, я самъ наблюдалъ, какъ, много лѣтъ тому назадъ, общество мальчиковъ, игравшихъ въ мушку, въ числѣ которыхъ находился и я, питало сильную вѣру въ одну «хорошенькую фишку», которая была больше и красивѣе, чѣмъ другія фишки, имѣвшіяся у насъ. Мы представляли самыя убѣдительныя доказательства нашей вѣры въ ея способность «приносить счастье», — мы дрались изъ - за нея, если старшіе не присутствовали при игрѣ; мы предлагали счастливому обладателю этой фишки вымѣнять ее на нѣсколько другихъ, и мнѣ, навѣрно, случалось проливать горькія слезы, если случайность игры лишала меня этой фишки. Люди, ратующіе за достоинство философіи, если такіе еще существуютъ, скажутъ, что мнѣ не слѣдовало бы упоминать объ этомъ обстоятельствѣ, какъ о слишкомъ ничтожномъ; но болѣе скромное направленіе современнаго мышленія научаетъ насъ, что подобные случайные, мелкіе факты

имѣютъ иногда существенную важность. Я не опасаюсь высказать прямо, что многія ученыя и остроумныя объясненія тотема — божества «клана», птицы или звѣря, оказывающаго нѣкоторымъ необъяснимымъ образомъ расположеніе къ клану и покровительствующаго ему,— кажутся мнѣ далеко не столь близкими къ дѣйствительности, въ томъ видѣ, въ какомъ эта послѣдняя является среди низшихъ расъ, какъ «хорошенькая фишка» моего перваго дѣтства. И это весьма естественно, потому что серьезнаго философа отъ первобытнаго состоянія мышленія отдѣляетъ все протяженіе человѣческой культуры; а впечатлительный ребенокъ близокъ къ ней, и его мышленіе настолько сходно съ мышленіемъ той эпохи, насколько это возможно для настоящаго времени.

Самая вредная сторона этихъ суевѣрій состоитъ въ томъ, что они образуются весьма легко, но уничтожаются съ большимъ трудомъ. Многіе талисманы и кумиры обязаны своей силой простой счастливой случайности. Даже можно сомнѣваться въ томъ, чтобы здѣсь была необходима и эта счастливая случайность. Я увѣренъ, что еслибы одинъ изъ мальчиковъ постарше сказалъ, что хорошенькая фишка приноситъ счастіе, — какъ это, вѣроятно, и было, — всѣ другіе поменьше повѣрили бы, и черезъ недѣлю фишка очутилась бы въ положеніи уважаемаго идола. Я подозрѣваю, что и какой

нибудь Несторъ дикаго племени — престарѣлый хранитель руководящаго опыта — могъ обладать такой же силой создавать суевѣрія. Но суевѣріе, однажды установленное, искореняется уже съ великимъ трудомъ. Еслибы кто нибудь сказалъ, что амулетъ владѣетъ извѣстной опредѣленной силой, что онъ всегда приноситъ счастіе, когда къ нему прибѣгаютъ, — это было бы, конечно, легко опровергнуть; но вѣдь никто и не говорилъ, что «хорошенькая фишка» всегда приноситъ счастье; говорилось только, что она приноситъ счастье въ общей сложности, что если вы обладаете ею, то на вашей сторонѣ больше шансовъ выиграть, чѣмъ тогда, когда ее у васъ нѣтъ. Между тѣмъ потребна длинная таблица статистическихъ цифръ о результатахъ игры, чтобы вполнѣ опровергнуть это, а къ тому времени, какъ люди научаются составлять такія таблицы, они уже становятся выше подобныхъ вѣрованій и не нуждаются уже въ доказательствахъ, опровергающихъ ихъ. Кромѣ того, во многихъ случаяхъ, когда употребляются подобные талисманы или амулеты, составленіе статистическихъ таблицъ было бы весьма затруднительно, за неимѣніемъ необходимыхъ для того данныхъ, а необдуманная попытка разрушить суевѣріе можетъ легко повести къ тому, чтобы только закрѣпить его. Фрэнсисъ Ньюмэнъ, въ замѣчательномъ разсказѣ о всемъ, испытанномъ имъ въ бытность его миссіонеромъ въ

Азіи, приводитъ любопытный примѣръ подобнаго обстоятельства. Однажды, когда онъ готовился отправиться въ далекое и нѣсколько опасное путешествіе, его туземная прислуга привязала къ шеѣ его мула мѣшечекъ, которому присвоивалась таинственная и благодѣтельная сила. Площадь была полна народомъ, и всѣ жители города смотрѣли на его сборы; это дало м-ру Ньюмэну мысль воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы показать несостоятельность этого суевѣрія. Онъ произнесъ длинную объяснительную рѣчь на арабскомъ языкѣ и отрѣзалъ мѣшечекъ, къ великому ужасу всѣхъ присутствующихъ. Но на бѣду, мулъ его не успѣлъ пройти тридцати ярдовъ по улицѣ, какъ попалъ копытомъ въ яму и сломалъ ногу. Вслѣдствіе этого, всѣ мѣстные жители еще сильнѣе укрѣпились въ своемъ первоначальномъ убѣжденіи относительно чудесной силы мѣшечка и сказали ему: «Вы видите теперь, что̀ бываетъ съ невѣрующими».

Дальнѣйшій вредъ этихъ суевѣрій заключается въ томъ, что они ведутъ къ ослабленію военной энергіи. Нація, которая руководилась бы суевѣрнымъ страхомъ относительно счастья и несчастья, находилась бы въ зависимости у другой націи, которой чуждо это суевѣріе, хотя бы во всѣхъ другихъ отношеніяхъ послѣдняя ничѣмъ не превосходила первую. Въ историческія времена, какъ намъ извѣстно, паническій

страхъ передъ затмѣніями губилъ арміи, которыми онъ овладѣвалъ, заставляя ихъ откладывать такія мѣры, которыя были необходимы, или же предпринимать дѣйствія прямо вредныя. Необходимость сообразоваться съ предвѣщаніями, пока это было совершенно искренно, и прежде, чѣмъ это сдѣлалось простымъ шарлатанствомъ, представляла собою въ классической исторіи весьма опасный элементъ. Это еще болѣе опасно для дикарей, вся жизнь которыхъ слагается изъ предзнаменованій, которымъ приходится всегда совѣтываться съ своими колдунами. Они могутъ быть увлечены въ ту или другую сторону первой случайностью, и, если даже по своему развитію, они и способны составить разумный военный планъ, — а нѣкоторые дикари понимаютъ военное дѣло лучше, чѣмъ что либо другое, — то они склонны смутиться, отказаться отъ его выполненія, потому что какое нибудь явленіе, въ дѣйствительности безразличное, но, по ихъ понятіямъ, знаменательное, остановитъ или напугаетъ ихъ. Религія, исполненная предзнаменованій, будетъ бѣдственной съ военной точки зрѣнія и доведетъ націю до гибели, если этой послѣдней придется бороться съ другой націей, во всѣхъ отношеніяхъ равной ей, но религіи которой чужда вѣра въ предзнаменованія. Такимъ образомъ очевидно, что еслибы всѣ первобытные люди, или даже большинство ихъ, единогласно держались религіи безъ вѣры въ предзнаменованія, то

въ цѣломъ мірѣ не могла бы уцѣлѣть никакая другая религія, исполненная такой вѣры; тогда громадное большинство обладало бы высшимъ военнымъ преимуществомъ, и нѣкоторое незначительное меньшинство, лишенное его, было бы раздавлено и уничтожено. Но вмѣсто того, во всемъ мірѣ существовали нѣкогда религіи, основанныя на вѣрѣ въ предзнаменованія, и многія изъ нихъ продолжаютъ существовать и до сихъ поръ; онѣ свойственны всѣмъ дикарямъ, и мы можемъ найти ясные слѣды ихъ въ самыхъ древнихъ цивилизаціяхъ. Такимъ образомъ безспорно, что доисторическая религія была весьма сходной съ религіей дикарей, т. е. въ томъ отношеніи, что она главнымъ образомъ состояла въ наблюденіи за предзнаменованіями и въ поклоненіи счастливымъ животнымъ и предметамъ, которые являются нѣкотораго рода олицетворенными и постоянными предзнаменованіями.

Правда, на это можно было бы возразить,—подобно тому возраженію, которое было сдѣлано относительно несомнѣнныхъ нравственныхъ недостатковъ доисторическаго человѣка,—что еслибы религія предзнаменованій была дѣйствительно такъ вредна и приводила людей къ гибели, тогда никакая раса не усвоивала бы ее себѣ. Но она могла бы погубить только такую расу, которая боролась съ другой расой, равной ей во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Воображаемое открытіе значенія этихъ предзна-

менованій,—которыя вовсе не нелѣпы для первобытной эпохи, чтó я уже пытался показать и чтó видно изъ отыска-нія цѣлебныхъ травъ или источниковъ, также найденныхъ доисторическими людьми,—это воображаемое открытіе было дѣломъ разума, насколько онъ былъ тогда развитъ. А если раса, вѣрящая въ предзнаменованія и отыскивающая ихъ, въ умственномъ отношеніи была выше тѣхъ расъ, съ которыми она вступала въ борьбу, она должна была выйти изъ этой борьбы побѣдительницей; отсюда мы можемъ вывести заключеніе, что расы, вѣрившія въ предзнаменованія, были выше по разуму, такъ какъ онѣ взяли верхъ и распространились по всей землѣ.

Поэтому мы можемъ слѣдовать нашей формулѣ во всѣхъ частностяхъ и можемъ сказать, что доисторическій человѣкъ былъ въ сущности подобенъ нынѣ существующимъ дикарямъ въ нравственныхъ и умственныхъ способностяхъ и въ религіозномъ отношеніи, но онъ отличался отъ нихъ тѣмъ, что дурныя привычки не могли привиться къ нему такъ сильно, а вредныя вѣрованія не могли запечатлѣться такъ неизгладимо, какъ мы это видимъ у дикарей. У послѣднихъ были цѣлые вѣка для того, чтобы эти впечатлѣнія могли закрѣпиться въ нихъ, а первобытный человѣкъ былъ моложе по возрасту и нерасполагалъ такимъ продолжительнымъ временемъ.

Мои доказательства, приводящія къ этому заключе-

нію, могутъ показаться скучными и безполезными, но я позволилъ себѣ распространиться такимъ образомъ именно въ виду важности этого заключенія. Если мы примемъ его и убѣдимся въ его истинности—мы этимъ пріобрѣтемъ возможность придти ко многимъ другимъ выводамъ величайшей важности. Нѣкоторые изъ нихъ были уже указаны мною въ предыдущихъ главахъ, но здѣсь я опять повторю ихъ.

Во-первыхъ, это должно объяснить намъ до нѣкоторой степени, чѣмъ былъ міръ до начала исторіи. Въ ту эпоху создавалась, такъ сказать, интеллектуальная *устойчивость*: осмысленныя и правильныя привычки, предпочтеніе равномѣрнаго довольства бурнымъ наслажденіямъ, полезная способность, въ нѣкоторыхъ необходимыхъ случаяхъ, заботиться о будущемъ предпочтительно предъ настоящимъ,—однимъ словомъ, тотъ умственный запасъ или капиталъ, безъ котораго цивилизація не могла бы получить начала, и безъ котораго она вскорѣ погибла бы, еслибы даже и началась. Первобытный человѣкъ, подобно современному дикарю, не имѣлъ этого капитала. Но отличаясь этимъ отъ дикаря онъ былъ способенъ пріобрѣсти такой запасъ и воспитаться въ тѣхъ привычкахъ, которыя необходимы для его пріобрѣтенія, такъ какъ природа его была еще мягка и впечатлительна. Кромѣ того, возможно также, какъ бы это ни казалось страннымъ, что внѣшнія условія, въ ко-

торыя онъ былъ поставленъ, болѣе благопріятствовали развитію цивилизаціи, нежели тѣ, въ какихъ находятся современные намъ дикари. Во всякомъ случаѣ, дѣломъ доисторическихъ временъ было такое подготовленіе человѣка, что онъ потомъ сталъ уже способенъ написать свою исторію и могъ найти такія событія, которыя стоило занести въ нее,—и для насъ вполнѣ очевидно, какимъ образомъ все это совершилось.

Правда, мы встрѣчаемъ здѣсь два предшествующіе процесса, которые не поддаются изслѣдованію. Именно, тогда происходилъ нѣкоторый странный подготовительный процессъ, путемъ котораго образовались главнѣйшія человѣческія расы; онѣ появились на землѣ весьма рано, и съ тѣхъ поръ, помимо ихъ скрещиванія между собою, новыя расы уже не образовывались болѣе. Этотъ процессъ былъ необыкновенно дѣятельнымъ въ первые вѣка и чрезвычайно медленнымъ въ послѣдующіе. Такія различія, какія существуютъ между арійцемъ, туранцемъ, негромъ, краснокожимъ, и австралійцемъ, такъ велики, что никакія изъ нынѣ дѣйствующихъ условій не способны создать что-либо подобное у современнаго намъ человѣка, по крайней мѣрѣ, такимъ путемъ, который былъ бы для насъ понятенъ. Поэтому является полное основаніе для предположенія, поддерживаемаго величайшими авторитетами нашего времени, что эти различія произошли раньше, чѣмъ сформировался чело-

вѣкъ, какимъ мы его знаемъ теперь, и въ особенности его разумъ и способность къ приспособленію въ ихъ настоящемъ видѣ. Для начала цивилизаціи было необходимо еще и другое условіе, которое, какъ мнѣ кажется, также должно быть признано унаслѣдованнымъ отъ какого либо первобытнаго состоянія, если только можно основываться на ученіи о постепенномъ развитіи. Я, по крайней мѣрѣ, затрудняюсь представить себѣ людей, во всемъ похожихъ на нынѣ живущихъ, иначе какъ соединенными въ семьи, — т. е. въ группы, связанныя родствомъ съ материнской стороны и даже обнаруживающія нѣкоторые признаки связи съ отцемъ, — иначе какъ находящимися, подобно стаднымъ животнымъ, подъ руководствомъ болѣе или менѣе постоянныхъ вождей. Точно также почти невозможно придумать какимъ процессомъ человѣкъ, въ томъ видѣ, какъ мы его знаемъ, могъ сдѣлать этотъ шагъ въ цивилизаціи. Одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ теоріи постепеннаго развитія состоитъ въ томъ, что она позволяетъ намъ отнести это затрудненіе въ нѣкоторый отдаленный періодъ исторіи міра, предшествовавшій настоящему періоду, гдѣ могли играть роль иные инстинкты и иныя силы, чѣмъ нынѣ существующіе, и куда наше воображеніе отказывается слѣдовать. Во всякомъ случаѣ, для настоящаго я могу признать эти двѣ стадіи человѣческаго прогресса вполнѣ совершившимися, и эти два условія осуществленными.

*

Если мы допустимъ эти условія, остальной путь цивилизаціи будетъ гораздо яснѣе для насъ. Прежде всего необходимо учрежденіе власти, создающей обычаи, если можно такъ выразиться, т. е. авторитета, который можетъ заставить силою подчиняться опредѣленному жизненному порядку, который, помощью этого опредѣленнаго порядка, можетъ заставить до нѣкоторой степени имѣть въ виду будущее, и можетъ убѣдить въ разумности принесенія въ жертву настоящаго бурнаго, но минутнаго наслажденія будущему продолжительному счастью. Именно, лишь такой авторитетъ даетъ обезпеченіе того, что если жертва будетъ принесена, то ожидаемая награда будетъ получена. Безъ сомнѣнія, я не буду утверждать, чтобы мы въ первобытномъ обществѣ могли найти какую либо власть, которая бы руководилась подобными мотивами. Мы должны пройти длинный рядъ вѣковъ.(если только всѣ наши доказательства справедливы), начиная отъ первобытнаго человѣка, прежде чѣмъ встрѣтимъ пониманіе подобныхъ мотивовъ. Я хочу сказать только, что первымъ шагомъ древнѣйшаго общества должно было быть установленіе власти, дѣятельность которой приводилабы къ такому результату, хотя бы послѣдняя почти вовсе не знала, что́ она дѣлаетъ, и вовсе не заботилась объ этомъ дѣлѣ, еслибы даже и понимала его.

Первобытнымъ обществамъ никакъ нельзя припи-

сывать сознательнаго стремленія къ огражденію жизни и собственности такъ, какъ это предполагалось теоріями восемнадцатаго вѣка. Даже и въ раннія историческія эпохи жизни человѣчества, не въ дѣтствѣ, а въ юности его, первобытныя государства не выказывали такого стремленія. Сэръ Генри Мэнъ показалъ намъ, что первоначальнымъ объектомъ права бываетъ не отдѣльная собственность лица, но общая собственность семейной группы. То, чтó мы называемъ частной собственностью, врядъ ли существовало тогда, а если и существовало, то въ такомъ незначительномъ развитіи, что не имѣло почти никакого значенія; въ такомъ видѣ право владѣнія походило на право собственности нашихъ маленькихъ дѣтей, которымъ позволяютъ *называть* своими такія вещи, съ которыми имъ было бы тяжело разстаться, но владѣть которыми они не имѣютъ никакого дѣйствительнаго права. Таковъ нашъ древнѣйшій законъ о собственности; первоначальный же законъ относительно человѣческой жизни состоялъ въ томъ, что жизнь всѣхъ членовъ семейной группы находилась во власти главы этой группы. Что касается личности, то ни ея собственность, ни ея жизнь не пользовались никакимъ обезпеченіемъ. Это показываетъ намъ, что въ первобытныхъ обществахъ существовали и другія недостатки кромѣ тѣхъ, какія мы обыкновенно предполагаемъ.

Я не думаю, чтобы меня можно было упрекнуть

въ преувеличеніи, если я скажу, что весьма важнымъ, если не важнѣйшимъ, предметомъ первобытнаго законодательства было насильственное введеніе обрядовъ, которымъ приписывалась способность приносить счастье. Я не хочу употреблять слова «религіозные обряды,» потому что это вовлекло бы меня въ длинныя пренія относительно вліянія или даже самаго существованія первобытныхъ религій. Мы не знаемъ такого дикаго племени, у котораго не было бы понятія о счастьи или удачѣ, и, вѣроятно, не найдемъ ни одного, у котораго понятіе о счастьи не распространялось бы на цѣлое племя,—среди котораго каждый не питалъ бы убѣжденія, что его поступки или поступки другихъ, могущіе повлечь за собою несчастье, или «накликать бѣду», могутъ принести вредъ не только ему самому, но и всему племени. Я столько уже говорилъ о «счастьи» и объ естественномъ происхожденіи этого понятія, что мнѣ не зачѣмъ болѣе распространяться объ этомъ; но я долженъ указать на замѣчательно заразительное свойство этой идеи. Она не ограничивается, подобно понятію о личныхъ качествахъ вообще, однимъ лишь лицомъ. Нѣкоторые и въ настоящее время не позволяютъ, чтобы у нихъ въ домѣ сидѣло за обѣдомъ тринадцать человѣкъ. Они не ожидаютъ, чтобы какое-нибудь зло постигло именно ихъ за то, что они допустили это, или приняли въ томъ участіе, но они не могутъ выкинуть изъ головы мысль, что въ

томъ случаѣ, если это будетъ допущено, съ однимъ изъ присутствующихъ, или съ нѣсколькими, непремѣнно случится что-нибудь недоброе. Мы видимъ здѣсь то, что́ Тэйлоръ называетъ переживаніемъ въ культурѣ; вѣра въ коллективную отвѣтственность этихъ тринадцати человѣкъ есть слабый отголосокъ, послѣдній исчезающій слѣдъ того великаго принципа коллективной отвѣтственности передъ добромъ и зломъ, который занималъ такое важное мѣсто въ исторіи міра.

Слѣды, оставленные этимъ принципомъ, неисчислимы. Стоитъ открыть любое описаніе путешествій по дикимъ странамъ, чтобы тотчасъ же встрѣтить такія слова: «я желалъ сдѣлать то-то и то-то, но мнѣ этого не дозволили, потому что туземцы боялись, что это можетъ навлечь несчастье на отрядъ или, быть можетъ, на цѣлое племя». М-ръ Гальтонъ, напримѣръ, съ трудомъ могъ прокармливать своихъ людей. «Дамары, говоритъ онъ, придерживаются безчисленныхъ суевѣрій относительно ѣды, и эти суевѣрія весьма затруднительны и несносны. Во первыхъ, каждому племени, или скорѣе каждой семьѣ, воспрещается ѣсть мясо рогатаго скота извѣстной масти; дикари, «происходящіе отъ солнца», избѣгаютъ мяса овецъ, шерсть которыхъ испещрена извѣстнымъ образомъ, и противъ которыхъ ничего не имѣютъ дикари, «происходящіе отъ дождя.» «Такъ какъ, говоритъ онъ далѣе, у этихъ дикарей существуетъ пять или шесть генеало-

гій и со мнойбыли представители почти каждой изъ нихъ, то я могъ съ трудомъ найти овцу, которую могли бы употреблять въ пищу всѣ безъ исключенія». Онъ не могъ также дѣлать запасовъ мясной провизіи, потому что одинъ изъ суевѣрныхъ мѣстныхъ обычаевъ обязывалъ раздавать все остававшееся; онъ не могъ также покупать молока, составляющаго главный предметъ потребленія въ этихъ мѣстностяхъ, потому что это воспрещалось другимъ обычаемъ. И такъ далѣе, до безконечности. Сдѣлать что-либо могущее принести несчастье — для дикарей тоже, что для насъ надѣть на себя что-нибудь притягивающее электричество. Мы не можемъ быть увѣрены что оно не окажется вреднымъ и тому, кто сдѣлалъ это, и тѣмъ, кто окружаетъ его. Точно также и дикарь не можетъ сказать каковы будутъ послѣдствія его поступка, на кого они обрушатся, или какимъ образомъ ихъ можно предупредить.

Едва ли нужно говорить, что для современнаго ученаго самой любопытной чертой первобытныхъ историческихъ націй является коллективная отвѣтственность государствъ. Правда, вѣрованіе это идетъ гораздо далѣе понятія о простомъ «счастьи», потому что здѣсь ясно видна вѣра въ боговъ, или въ бога, котораго оскорбляетъ извѣстный поступокъ. Но наказанія продолжаютъ имѣть коллективный характеръ; не только то лицо, которое обезобразило статую Гермеса, но и всѣ аѳиняне, не

только нарушитель обрядовъ *Bona dea*, но и всѣ римляне, подвергаются бѣдствію, навлекаемому этими поступками; и это понятіе проходитъ черезъ всю древнюю исторію. При этомъ, какъ извѣстно, являлась общая для всѣхъ забота, несравненно сильнѣйшая всякой заботы о личной собственности, и это было вполнѣ естеестественно и даже разумно. Страхъ передъ силами природы или передъ существами, которыя управляютъ этими силами, по весьма разумной причинѣ, долженъ быть настолько сильнѣе всякаго другаго страха, насколько могущество силъ природы превосходитъ могущество всякихъ другихъ силъ. Если какое-либо племя или какая-либо нація, въ силу раздѣляемаго всѣми вѣрованія, приходитъ къ убѣжденію, что какое либо предпріятіе при извѣстномъ числѣ участниковъ должно быть «неудачнымъ», то есть, должно подвергнуть строгой и усиленной отвѣтственности всѣхъ ихъ, тогда это племя или эта нація, конечно, пожелаетъ съ особеннымъ рвеніемъ предупредить совершеніе этого дѣла. Они поступятъ съ любимѣйшимъ вождемъ, который случайно нарушитъ это правило, также, какъ матросы поступили въ подобномъ случаѣ съ Іоной.

Я, разумѣется, не имѣю въ виду утверждать, что это странное, на нашъ взглядъ, направленіе ума было единственнымъ источникомъ первобытныхъ обычаевъ. Напротивъ того, человѣкъ можетъ быть названъ живот-

нымъ, создающимъ обычаи, и такая характеристика будетъ справедливѣе многихъ другихъ краткихъ опредѣленій. Если человѣкъ какимъ бы то ни было образомъ однажды что-либо сдѣлалъ, у него является стремленіе опять сдѣлать тоже самое; послѣ нѣсколькихъ повтореній, это стремленіе возрастаетъ, и, кромѣ того, у него является наклонность заставлять и другихъ дѣлать тоже. Пріобрѣтенныя привычки онъ передаетъ своимъ дѣтямъ, путемъ примѣра и наставленія. Это свойственно человѣческому характеру и въ настоящее время и, безъ сомнѣнія, всегда останется свойственнымъ ему. Но особенность первобытныхъ обществъ заключается въ томъ, что всѣ эти привычки, рано или поздно, получаютъ нѣкоторую сверхъ-естественную санкцію. Все общество проникается идеей, что если первоначальные обычаи племени будутъ нарушены, невыразимое бѣдствіе постигнетъ его нѣкоторыми неизвѣстными путями и изъ неизвѣстныхъ источниковъ. Какъ въ наши дни люди вѣрятъ, что убійство рано или поздно обнаруживается, и что тяжкія преступленія навлекаютъ кару еще на землѣ, такъ и въ первобытныя времена они вѣрили тому, что всякое нарушеніе священныхъ обычаевъ должно повлечь за собою неминуемое наказаніе. До настоящаго времени многія полу-образованныя расы съ трудомъ воспринимаютъ понятіе объ обязательности и ненарушимости какой-либо мѣры, если только они не усма-

тривають въ ней унаслѣдованнаго обычая. Весьма любопытный примѣръ того приводитъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи сэръ Генри Мэнъ. Англійское правительство въ Индіи во многихъ случаяхъ предпринимало новыя и большія работы по ирригаціи, о которыхъ никогда и не помышляло древнее индійское правительство. Оно при этомъ обыкновенно предоставляло туземнымъ сельскимъ общинамъ рѣшить какая доля воды должна приходиться на каждаго человѣка въ селеніи. Вслѣдствіе того, сельскія власти выработали цѣлый обширный кодексъ правилъ касающихся этого предмета. Но особенность въ этомъ случаѣ заключается въ томъ, что эти правила «никакъ не должны считаться исходящими изъ личной власти ихъ творца или творцовъ, и опирающимися на доводы разума, а не на доводы святости и непогрѣшимости. Точно также никто не предполагаетъ, чтобы они были внушены чувствомъ справедливости; какъ мнѣ говорили, здѣсь всегда прибѣгаютъ къ вымыслу, въ силу котораго эти обычаи, касательно распредѣленія воды, предполагаются происходящими изъ глубокой древности, хотя на самомъ дѣлѣ въ тѣ времена и не помышляли даже о подобномъ искусственномъ доставленіи воды». Такъ этой древней расѣ, которая въ этомъ отношеніи похожа на всѣ прочія, трудно представить себѣ, чтобы какое либо установленіе могло быть обязательнымъ, не будучи традиціоннымъ.

Образованію группъ, создающихъ обычаи, должно было въ особенности способствовать легкое дробленіе первобытнаго общества. Бо́льшая часть земнаго шара,— вся Европа, напр., была покрыта тогда дѣвственными лѣсами; люди отвоевали себѣ, да и могли отвоевать, лишь небольшіе уголки и участки. Эти небольшія пространства вскорѣ истощались, и если народонаселеніе росло, часть его должна была переселяться въ другія мѣста. Вслѣдствіе этого, переселенія были постоянными и необходимыми. Эти переселенія не походили на переселенія новѣйшаго времени. Тогда не имѣли мѣста такія чувства, какія связываютъ съ «прежней родиной» даже американцевъ, которые ненавидятъ или, по крайней мѣрѣ, увѣряютъ, что ненавидятъ, современную политическую Англію. Тогда не существовало организованныхъ средствъ общенія, практической возможности сношенія между разлученными членами одной и той же группы; удалявшіеся изъ родственнаго общества удалялись навѣки; они не оставляли за собой прочныхъ воспоминаній и не уносили съ собою прочныхъ сожалѣній. Даже самый языкъ кореннаго племени и племени происшедшаго отъ него долженъ былъ разниться черезъ одно или два поколѣнія. Ни письменной литературы, ни изустнаго обмѣна мыслей не существовало тогда, и рѣчь обоихъ племенъ должна была измѣняться (она вообще измѣнчива въ подобныхъ обществахъ) и измѣ-

нялась въ различныхъ направленіяхъ. Одинъ строй причинъ, явленій и отношеній вліялъ на одно племя, а другой строй—на другое; вскорѣ возникали племенныя различія, а для цѣлей словеснаго общенія то, что филологи называютъ діалектическимъ отличіемъ, часто сводится къ настоящему и коренному различію: связный обмѣнъ мыслей становится невозможнымъ. Отдѣльныя группы вскорѣ водворяются на новомъ мѣстѣ; такія общества кладутъ основаніе новому строю обычаевъ, пріобрѣтаютъ и хранятъ новое и своеобразное понятіе о «счастіи».

Еслибы образованіе новыхъ группъ не совершалось такъ легко, какой-либо хорошій или дурной обычай вскорѣ «заразилъ» бы весь міръ; но даже и этого было бы еще недостаточно, еслибы небыло тѣхъ безпрерывныхъ войнъ, о которыхъ я такъ подробно говорилъ въ очеркѣ о «Полезности войны», что нѣтъ нужды возвращаться къ нимъ опять. Эти послѣднія, путемъ непрестаннаго разрушенія старыхъ представленій и путемъ постояннаго притока новыхъ элементовъ, были настоящими обновителями общества. И какъ бы ни была основательна или неосновательна общая антипатія къ смѣшаннымъ расамъ, но, по всей вѣроятности, подобное недовѣріе было бы неумѣстнымъ относительно первоначальныхъ смѣшеній въ первобытномъ обществѣ. Предположимъ, какъ это, повидимому, и было, что каждая обширная коренная раса

имѣла свою собственную область распространенія, соотвѣтствовавшую тѣмъ особымъ областямъ, какія мы видимъ у растеній и животныхъ; въ такомъ случаѣ огромное большинство смѣшеній должно было происходить между людьми различныхъ племенъ, но ведущихъ начало отъ одного и того же корня, а это едва ли возможно порицать.

Имѣя въ виду военное достоинство, къ которому сводится большая часть качествъ первобытнаго общества, можно сказать вообще, что побѣдители должны были быть лучше побѣжденныхъ; но они были лишь не многимъ лучше, такъ какъ низшія ступени на лѣстницѣ цивилизаціи весьма круты, и перешагнуть черезъ нихъ можно не иначе, какъ медленно и съ усиліемъ. Наиболѣе полезнымъ дѣломъ ихъ являлась быстрая и полная цивилизація покоренныхъ народовъ. Опытъ англичанъ въ Индіи доказываетъ, что и высоко-цивилизованная нація можетъ потерпѣть неудачу, усиливаясь произвести быстрое и полезное вліяніе на менѣе цивилизованную расу, потому именно, что первая стоитъ слишкомъ высоко и слишкомъ отличается отъ послѣдней. Между ними не существуетъ никакой связи: достоинства одной неимѣютъ никакой цѣны въ глазахъ другой; способъ выраженія одной для другой непонятенъ. Выше стоящіе типы не представляются, и не могутъ представляться, образцами для низшихъ; послѣднія не могутъ отлиться въ

форму первыхъ, да и не захотѣли бы этого, еслибы и могли. Вслѣдствіе этого обѣ расы долго прожили вмѣстѣ, находясь близко и въ тоже время далеко другъ отъ друга, ежедневно встрѣчаясь, ежедневно обмѣниваясь обыденными мыслями, но въ сущности оставаясь раздѣленными цѣлой эрой цивилизаціи, и въ силу этого весьма слабо вліяя другъ на друга, сравнительно съ тѣмъ, чего можно было бы ожидать. Но въ первобытныхъ обществахъ не существовало такихъ значительныхъ различій, и нѣсколько болѣе сильный завоеватель могъ легко оказывать улучшающее вліяніе на болѣе слабаго побѣжденнаго.

Среди такихъ группъ образуются характеристическіе національные признаки. Я посвятилъ предыдущую главу описанію того, какимъ образомъ это происходитъ, и не считаю нужнымъ повторять моего описанія. Преслѣдованія, направленныя втеченіе цѣлыхъ поколѣній противъ членовъ общества, которые не подчинялись принятымъ обычаямъ, и поощренія, выпадавшія на долю тѣхъ, которые имъ подчинялись, естественно должны были вытѣснить первыхъ и умножить число послѣднихъ. Люди по большей части подражаютъ тому, чтó видятъ, и слѣдуютъ общему тону окружающаго; такимъ путемъ образуются нѣкоторые прочно установленные типы, постоянные признаки. Процессъ этотъ происходитъ не только въ умственной сферѣ. Я не могу допустить,

расходясь въ этомъ случаѣ съ весьма крупными авторитетами, чтобы въ образованіи человѣческихъ расъ не участвовалъ нѣкотораго рода «безсознательный подборъ». Если этотъ подборъ и тотъ, который можно назвать сознательнымъ, не дѣйствовали въ этомъ процессѣ, тогда какимъ же образомъ могли образоваться породы людей, какъ можно назвать въ большинствѣ случаевъ то, что мы привыкли называть націями? Въ обществахъ, гдѣ обычаи имѣютъ тиранническую силу, несродные съ ними умы должны испытывать много страха, горя, болѣзненныхъ потрясеній и, наконецъ, погибать. Шеллей врядъ ли могъ бы существовать въ Новой Англіи, а цѣлая раса такихъ людей была бы немыслима. М-ръ Гальтонъ желаетъ, чтобы породы людей были создаваемы путемъ соединенія мужчинъ, съ опредѣленными характеристическими признаками, съ женщинами, отличающимися такими же признаками. Но природа именно такъ и поступала съ незапамятныхъ временъ, въ особенности среди грубыхъ племенъ и въ самые суровые вѣка. Природа въ каждомъ поколѣніи дѣйствовала ослабляющимъ образомъ на всѣхъ плохо приспособленныхъ членовъ каждой группы съ установленными обычаями, и отнимала у нихъ энергію и даже жизнь, если они были слишкомъ слабы. Спартанскій характеръ образовался вслѣдствіе того, что никакой другой народъ, кромѣ народа съ спартанскимъ складомъ ума, не могъ

вынести ихъ образа жизни. Первоначальный римскій характеръ сложился такимъ же точно путемъ. Вѣроятно, начало всѣхъ національныхъ характеровъ, отличающихся рѣзкими особенностями, можетъ быть отыскано въ какомъ-либо отдаленномъ времени строгой и усиленной дисциплины. Въ новѣйшія времена, когда общество стало терпимѣе, новые національные признаки не отличаются уже такой силою, опредѣленностью и однообразіемъ.

Такова была дѣятельность общества до-историческихъ временъ, и это вполнѣ согласно съ нашимъ главнымъ положеніемъ относительно дикарей, по которому общество должно было втеченіе цѣлыхъ вѣковъ работать именно въ этомъ направленіи. Это заключеніе могло бы показаться страннымъ и невѣроятнымъ, еслибы опытъ не научилъ насъ вѣрить многимъ страннымъ вещамъ.

Далѣе, это положеніе и этотъ взглядъ на доисторическія времена объясняютъ намъ значеніе и происхожденіе самыхъ древнихъ и странныхъ соціальныхъ аномалій, существованіе *кастовыхъ* націй, о которыхъ исторія говоритъ намъ на своихъ начальныхъ страницахъ. Чрезвычайно странное впечатлѣніе производятъ съ перваго взгляда эти общества, гдѣ какъ будто соединены вмѣстѣ нѣсколько націй, изъ которыхъ каждая управляется своимъ кодексомъ, игнорируя кодексъ другихъ. Но если наши положенія справедливы, именно такія націи имѣли наиболѣе шансовъ на существованіе, обладая

особыми преимуществами для того времени, и, по всей вѣроятности, онѣ имѣли возможность не только отстоять себя, но могли также покорять и уничтожать другія націи. Какъ мы видѣли, характеристической потребностью первобытнаго общества было послѣдованіе строгому и объединяющему обычаю. Но очевиднымъ результатомъ и неизбѣжнымъ зломъ такого порядка вещей является однообразіе въ обществѣ: никто не имѣетъ возможности слишкомъ отличаться отъ подобныхъ себѣ и развивать свои особенности.

Такія общества необходимо бываютъ слабыми отъ недостатка разнообразія въ ихъ элементахъ. Но *кастовая* нація обладаетъ разнообразіемъ и сложностью; она можетъ пользоваться, путемъ наиболѣе подходящимъ для первобытнаго общества, постояннымъ содѣйствіемъ разнородныхъ элементовъ населенія, а это условіе въ позднѣйшія времена становится однимъ изъ величайшихъ двигателей цивилизаціи. Отдѣленіе военной касты отъ жреческой было особенно выгодно въ первобытную эпоху. Хотя въ наше время жреческія іерархіи не пользуются популярностью, но зачатки науки, вѣроятно, зародились въ ихъ средѣ и передавались въ ней изъ поколѣнія въ поколѣніе. Существованіе интеллектуальнаго класса въ ту эпоху обезпечивалось лишь убѣжденіемъ, что всякій, наносящій ему вредъ, долженъ подвергнуться карѣ боговъ. Въ этомъ классѣ различныя разрозненныя от-

крытія совершались медленно, и медленно выработывались зачатки умственной дисциплины. Но такой общинѣ необходимо чужда всякая воинственность: суевѣріе, которое охраняетъ жрецовъ отъ насилій со стороны туземнаго населенія, не можетъ оказать имъ защиты въ борьбѣ съ иноземнымъ врагомъ. Едвали какія-нибудь націи останавливались передъ убійствомъ жрецовъ враждебнаго имъ народа, и многія жреческія цивилизаціи погибли, не оставивши по себѣ никакихъ воспоминаній, прежде, чѣмъ успѣли прочно установиться. Но онѣ не погибали въ тѣхъ случаяхъ, когда къ нимъ присоединялась военная *каста*, обязанная защищать ихъ. Напротивъ того, такія цивилизаціи получали чрезвычайную живучесть: мудрецъ и воинъ должны были идти въ нихъ рука объ руку.

Очевидно, основаніе націи, раздѣленной на *касты*, должно быть очень труднымъ дѣломъ. По всей вѣроятности, оно могло получить начало лишь въ такой странѣ, которая была завоевана нѣсколько разъ, и гдѣ границы, отдѣляющія одну касту отъ другой, прямо совпадали съ границами, существовавшими между различными классами побѣдителей и побѣжденныхъ. Но основанная однажды, такая нація имѣетъ большія вѣроятія окрѣпнуть и уцѣлѣть. Разнообразная община, составленная изъ многихъ племенъ съ различными обычаями, имѣетъ болѣе шансовъ для своего развитія и самодѣятельности, нежели нація однороднаго происхож-

*

денія и подчиненная однообразному законодательству. Но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ сложной исторіи прогресса, тѣ учрежденія, которыя болѣе всего облегчаютъ первый шагъ, могутъ оказаться именно такими, которыя болѣе всего затрудняютъ слѣдующій. Въ своемъ общемъ составѣ, некастовыя націи превосходятъ по разнообразію націи, не имѣющія кастъ, взятыя въ цѣломъ, но каждая каста сама по себѣ представляетъ болѣе однообразія, нежели какая-либо часть некастовой націи. Мало по малу извѣстный способъ дѣйствій и извѣстный складъ ума становится свойственнымъ каждой кастѣ, и является мало вѣроятія для того, чтобы онъ могъ утратиться, такъ какъ всѣ появляющіяся въ ней члены образуются тѣмъ же путемъ и приготовляются къ тому же назначенію. Многія некастовыя націи до сихъ поръ еще продолжаютъ развиваться. Но всѣ кастовыя націи рано остановились на пути своего развитія, хотя нѣкоторыя изъ нихъ существовали долгое время. Всякая краска въ составѣ этихъ мозаичныхъ обществъ отличается неизгладимымъ и неизмѣннымъ оттѣнкомъ.

Мы можемъ видѣть теперь, почему столь немногія націи быстро двигались впередъ, и отчего столь многія остановились и не пошли далѣе. Самый процессъ, дѣйствіемъ котораго онѣ становились націями и стремленіе къ этой цѣли заставляли ихъ подчиняться вліяніямъ,

задерживавшимъ ихъ на пути развитія. Онѣ не могли образовать изъ себя націю, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, не связавши себя опредѣленными законами и обычаями, а неизмѣнность этихъ законовъ и обычаевъ являлась причиною, задерживавшею ихъ на этой точкѣ развитія. Этотъ предметъ послужилъ уже темою для одной изъ предыдущихъ главъ, и потому мнѣ незачѣмъ останавливаться на немъ; я возвращаюсь къ нему только потому, что онъ составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ результатовъ изложеннаго мною взгляда на общество, если только не самый важный.

Кромѣ того, мы можемъ объяснить этимъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ фактовъ, наблюдаемыхъ въ современномъ мірѣ. «Манеры, говоритъ одинъ зоркій наблюдатель, хорошо знакомый съ современной жизнью, постепенно ухудшаются, по мѣрѣ того, какъ вы подвигаетесь съ Востока на Западъ; онѣ лучше всего въ Азіи, менѣе хороши въ Европѣ и вполнѣ дурны въ западныхъ штатахъ Америки». Причина этого заключается въ томъ, что умѣнье величественно держать себя исходитъ изъ послѣдованія всѣми уважаемому обычаю, при чемъ достигается сохраненіе этого обычая и другихъ сродныхъ съ нимъ. Результатомъ этого является у человѣка привычка къ повиновенію. Одинъ изъ остроумнѣйшихъ беллетристовъ нашего времени задается курьезною цѣлью объяснить, почему въ охотничьихъ компаніяхъ и другихъ

сборищахъ можно видѣть людей, которые «держатъ себя очень грубо, и другихъ, которые сносятъ эти грубости», и почему общество признаетъ въ такихъ случаяхъ притязанія первыхъ и подчиняется имъ, какъ будто это такъ и должно быть. Вовсе не какія либо исключительныя дарованія, поясняетъ далѣе м-ръ Троллопъ, даютъ это преобладаніе; весьма нерѣдко человѣкъ, подвергающійся дурному обращенію, нисколько не глупѣе того, который обращается съ нимъ такимъ образомъ. Богатство также не имѣетъ здѣсь безусловнаго значенія; хотя большое состояніе всегда служитъ обезпеченіемъ отъ оскорбительнаго отношенія въ обществѣ и всегда вызываетъ къ себѣ пассивное уваженіе, но въ разнообразно составленной группѣ людей само по себѣ оно не даетъ дѣйствительнаго права грубо обращаться съ другими. У школьниковъ, прибавляетъ тотъ же авторъ, такимъ же образомъ однѝ бываютъ властелинами, а другіе рабами. По его мнѣнію, которое нельзя не признать вполнѣ справедливымъ, въ каждомъ подобномъ случаѣ это зависитъ въ значительной степени отъ «чего-то особеннаго въ манерахъ и движеніяхъ» того мальчика или мужчины, которому принадлежитъ эта первенствующая роль. На этомъ основаніи, въ первобытномъ обществѣ умѣнье величественно держать себя должно было имѣть существенное значеніе; тогда это было не только вспомогательнымъ, но и главнѣйшимъ средствомъ заслужить

уваженіе. Другаго рода средства для пріобрѣтенія уваженія окружающихъ, получившія впослѣдствіи преобладающее значеніе, тогда еще не существовали. Тогда не было старинныхъ установленій или традиціонныхъ жизненныхъ пріемовъ, и потому обычное уваженіе, которое внушалось умѣньемъ спокойно и съ достоинствомъ держать себя, было однимъ изъ тѣхъ первыхъ способовъ, какими въ древнѣйшее время можно было подчинять себѣ людей и поддерживать между ними порядокъ. До настоящаго времени трудно встрѣтить вождя дикаго племени, который не имѣлъ бы этого качества; по большей части всѣ они обладаютъ имъ въ значительной степени. Не далѣе какъ въ прошедшемъ году одинъ изъ вождей краснокожихъ индѣйцевъ пріѣхалъ изъ прерій, чтобы увидѣться съ президентомъ Грантомъ, и почти всѣ признали, что во всемъ Вашингтонѣ ни у кого не было болѣе изящныхъ манеръ, чѣмъ у него. Секретари и начальники департаментовъ казались вульгарными сравнительно съ нимъ, хотя по своимъ внутреннимъ качествамъ, безъ сомнѣнія, они стояли несравненно выше этого «хищнаго негодяя». Внушительныя манеры составляли традицію въ томъ обществѣ, въ которомъ онъ жилъ: въ такихъ обществахъ онѣ имѣли большое значеніе. Но у сѣверо-американцевъ такой традиціи не было, такъ какъ нигдѣ не думаютъ о нихъ меньше, и нигдѣ онѣ не имѣютъ менѣе приложенія въ жизни, чѣмъ въ грубыхъ англій-

скихъ колоніяхъ; основныя условія тамошней цивилизаціи находятся въ зависимости отъ совершенно иныхъ вліяній.

Какъ скоро умѣнье держать себя извѣстнымъ образомъ получаетъ практическое и серьезное значеніе, тотчасъ же возникаютъ нравы и обычаи, которые способствуютъ развитію такого умѣнья. Азіатское общество изобилуетъ такими явленіями; можно сказать даже, что они составляютъ самую существенную часть его жизни.

«По характеру и способу отношенія посла какого-нибудь государства къ церемоніямъ и общепринятымъ формальностямъ, говоритъ сэръ Джонъ Малькольмъ, персіяне обыкновенно составляютъ свое мнѣніе о характерѣ той страны, которой онъ служитъ представителемъ. Я читалъ во многихъ сочиненіяхъ объ этомъ фактѣ, и все видѣнное мною убѣждало меня въ справедливости этого свидѣтельства. Къ счастью, Эльчи жилъ при нѣкоторыхъ дворахъ Индіи, обычаи которыхъ весьма сходны съ персидскими. Поэтому онъ былъ вполнѣ посвященъ въ ту важную науку, которая называется «Kâida-e-nishest-oo-berkhâst» (искусство садиться и вставать), и которая представляетъ собою познаніе манеръ, принятыхъ въ хорошемъ обществѣ и въ особенности въ средѣ азіатскихъ правителей и ихъ придворныхъ.

«Онъ вполнѣ сознавалъ, при первомъ прибытіи своемъ въ Персію, важность всякаго шага, который онъ дѣлалъ на этомъ скользкомъ пути; поэтому онъ ста-

рался преодолѣть всѣ затрудненія, представляемыя церемоніаломъ, прежде чѣмъ приблизиться къ королевскому трону. Вслѣдствіе этого, намъ пришлось, съ того момента, когда мы высадились въ Абушерѣ, и до тѣхъ поръ, пока мы пріѣхали въ Ширазъ, ежедневно, почти въ теченіе цѣлаго часа, испытывать величайшія мученія, обучаясь искусству вести себя безукоризненно во всѣхъ мѣстахъ и при всѣхъ обстоятельствахъ. Намъ подробно объясняли какое мѣсто мы должны занимать въ процессіи, гдѣ стоять или сидѣть въ комнатѣ, когда вставать съ мѣста, сколько шаговъ дѣлать на встрѣчу посѣтителю, и до какой части палатки или дома слѣдуетъ провожать его, когда онъ соберется уходить, если только онъ занимаетъ настолько высокое положеніе, что стоитъ для него безпокоиться.

«Но правила относительно того, какъ намъ слѣдуетъ вставать и стоять, двигаться или снова усаживаться, имѣли меньшую важность сравнительно съ уставомъ, касавшимся времени и способа куренья кальяна и питья кофе. Трудно себѣ представить какую важную роль кофе и табакъ играютъ въ Персіи. Тамъ можно пріобрѣсти расположеніе или причинить обиду, смотря по тому, какимъ образомъ будетъ предложено это наиболѣе употребительное угощеніе. Вашъ гость считаетъ вашъ пріемъ хорошимъ или дурнымъ, сообразно съ тѣмъ, какимъ тономъ и какимъ способомъ вы при-

казываете подать ему трубку или чашку кофе. Въ вашемъ обращеньи съ нимъ вы можете самымъ тщательнымъ образомъ выказать всѣ оттѣнки вниманія и любезности. Если онъ по своему положенію выше вась, вы сами подносите угощеніе и не принимаете въ немъ участія, пока онъ васъ не пригласитъ; если его общественное значеніе одинаково съ вашимъ, вы обмѣниваетесь трубками и подаете ему чашку кофе, а другую берете себѣ; если онъ нѣсколько ниже васъ, и вы желаете оказать ему любезность, вы предоставляете ему курить изъ собственной трубки, но слуга подаетъ ему, по вашему знаку, первую чашку кофе; если онъ много ниже васъ, вы сохраняете то разстояніе, какое васъ раздѣляетъ, и поддерживаете свое достоинство тѣмъ, что берете первую чашку кофе и затѣмъ указываете слугѣ рукой, чтобы онъ подалъ другую чашку гостю.

«При входѣ гостя, приказаніе подать кофе и трубки принимается за выраженіе желанія видѣть его; вторичное требованіе этихъ предметовъ означаетъ, что гость можетъ удалиться; но эта часть церемоніи имѣетъ различныя значенія, сообразно съ общественнымъ положеніемъ, занимаемымъ гостемъ, и степенью короткости его съ хозяиномъ.

«Все это можетъ показаться очень простымъ и легкимъ тѣмъ, для кого соблюденіе этихъ церемоній является дѣломъ привычки, а не сознательно исполняемаго кодек-

са; но въ этой странѣ подобныя обычаи имѣютъ существенную важность, такъ какъ ими опредѣляется качества человѣка и отношеніе его къ другимъ».

Въ древнихъ обществахъ съ установленными обычаями, манеры, вліяніе которыхъ имѣло значеніе уже съ самыхъ первобытныхъ временъ, были подчинены опредѣленнымъ правиламъ, въ виду того, чтобы онѣ могли поддерживать общепринятые обычаи, а не шли въ разрѣзъ съ ними,—чтобы онѣ, прежде всего, способствовали усиленію *привычки* дѣйствовать согласно обычаю, а не уничтожали и не ослабляли ее. Какъ мы видѣли, всякаго рода помощь была полезна для укрѣпленія силы обычая въ такихъ обществахъ, а впечатлѣніе, производимое внушительными манерами, принадлежало къ числу наиболѣе важныхъ дѣятелей этого рода.

Теперь для насъ можетъ быть понятно, почему порядокъ и цивилизація были такъ неустойчивы даже въ непрогрессивныхъ обществахъ. Въ государствахъ мы нерѣдко наблюдаемъ то, что́ физіологи называютъ «атавизмомъ», возвратъ къ неустановившимуся характеру варварскихъ предковъ. Сцены жестокости и ужаса, подобныя тѣмъ, которыя происходили въ великую французскую революцію и которыя обыкновенно повторяются въ большей или меньшей степени при всякомъ политическомъ переворотѣ, обнаруживаютъ какую-то скрытую, замаскированную до тѣхъ поръ сторону человѣческой

природы. Дѣйствительно, мы не можемъ не видѣть въ нихъ бурныхъ проявленій унаслѣдованныхъ страстей, долго подавлявшихся установленнымъ обычаемъ, но прорывающихся наружу, какъ скоро, путемъ какой-либо катастрофы, это давленіе устраняется, и каждому является неожиданная возможность дѣйствовать по собственному выбору. Раздражительность, свойственная человѣческимъ массамъ, исходитъ лишь отъ ихъ несовершенной, переходной цивилизаціи и дикости, уцѣлѣвшей отъ первобытнаго времени. Въ доисторическомъ состояніи люди были не въ силахъ даже втеченіе часа стремиться настойчиво къ какой-либо опредѣленной цѣли, и даже и теперь, будучи возбуждены или будучи неожиданно и вполнѣ выбиты изъ своей обычной колеи, они врядъ-ли способны къ обдуманности и расчитанности своихъ поступковъ. Даже высшія расы какъ, напр., французы или ирландцы, въ смутныя времена оказываются лишенными всякой устойчивости, и страстями или идеями минуты могутъ быть направлены въ любую сторону. Но чтобы вполнѣ освоиться съ подобными явленіями, мы должны разсмотрѣть тотъ путь, какимъ національные характеры могутъ высвобождаться изъ подъ ига обычая и подготовляться къ примѣненію въ жизни свободы выбора.

ЭПОХА КРИТИКИ.

V.

ЭПОХА КРИТИКИ.

Изъ всѣхъ противуположностей современной намъ жизни самою яркою является противоположность между древними, основывающимися на обычаѣ, цивилизаціями Востока и новыми, измѣнчивыми цивилизаціями Запада. Годъ или два тому назадъ на разрѣшеніе наиболѣе образованныхъ англійскихъ чиновниковъ, служащихъ на Востокѣ, былъ предложенъ вопросъ, насколько, оставляя въ сторонѣ дѣйствительную полезность мѣръ, принимаемыхъ англійскимъ правительствомъ въ Остъ-Индіи, сами индусы признаютъ эти мѣры полезными. Въ большинствѣ случаевъ, должностныя лица, которыя считались наилучшими авторитетами въ этомъ дѣлѣ, отвѣчали слѣдующее: «безъ сомнѣнія, вы оказываете индусамъ большія благодѣянія: вы даете имъ прочный миръ, обезпечиваете свободу торговли, право жить, какъ имъ хочется, подъ властью законовъ; въ этомъ отношеніи, и

во многихъ другихъ, имъ теперь лучше, чѣмъ когда-либо прежде; но все-таки они не могутъ понять васъ. Ихъ особенно поражаетъ ваше постоянное стремленіе къ перемѣнамъ, или, какъ вы называете это, къ улучшеніямъ. Ихъ собственная жизнь регулируется во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ обычаемъ древняго времени; они не могутъ постичь такого образа дѣйствій въ политикѣ, который вѣчно приноситъ имъ что-нибудь новое; они никакъ не могутъ повѣрить, чтобы въ основаніи этого лежало желаніе доставить имъ счастье и комфортъ. Напротивъ того, они думаютъ, что вы стремитесь къ чему-то непонятному для нихъ, что вы намѣреваетесь отнять у нихъ ихъ религію; словомъ, что причина и цѣль этихъ безпрестанныхъ перемѣнъ клонится къ тому, чтобы сдѣлать индусовъ не тѣмъ, чѣмъ они являются теперь, и чѣмъ они хотятъ быть, но чѣмъ-то новымъ и вовсе нежелательнымъ для нихъ». Короче сказать, на Востокѣ мы пытаемся влить новое вино въ старые мѣха, привить, насколько возможно, цивилизацію прогресса къ цивилизаціи застоя. Вопросъ о томъ успѣемъ ли мы въ этомъ, или нѣтъ, составляетъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ политическихъ вопросовъ, которые въ наше время являются въ такомъ безпримѣрномъ изобиліи.

Историческія изслѣдованія показываютъ, что чувство, выражаемое въ этомъ случаѣ индусами, принадлежитъ древнему времени, а стремленіе англичанъ—новѣй-

шей эпохѣ. «Древнее законодательство, какъ доказываетъ Сэръ Генри Мэнъ, основывается не на свободномъ договорѣ, а на однажды установленномъ статутѣ.» Практическая жизнь древней цивилизаціи, насколько мы узнаемъ ее изъ юридическихъ памятниковъ, приводитъ насъ къ тому времени, когда каждая жизненная частность подчинялась обычаю, который, по нашимъ теперешнимъ понятіямъ, былъ въ одно и тоже время и соціальнымъ, и политическимъ, и религіознымъ закономъ. Тѣ, которые повиновались ему, были бы неспособны анализировать его, такъ какъ ни ихъ пониманіе, ни ихъ языкъ не могли отмѣчать подобныхъ различій. По ихъ воззрѣніямъ, обычай имѣлъ непреходящее значеніе и долженъ былъ поддерживаться въ неизмѣняемомъ состояніи. Въ предыдущихъ главахъ я показалъ, или, по крайней мѣрѣ, старался показать, почему эти цивилизаціи, опирающіяся на обычаѣ, были единственно пригодными для первобытнаго общества; почему только онѣ могли существовать вначалѣ; какимъ образомъ онѣ, уже по своей организаціи, получали преобладаніе надъ всѣми другими, которыя съ ними конкурировали. Но затѣмъ намъ предстоитъ рѣшить вопросъ: если неизмѣнность составляетъ необходимый ингредіентъ первобытныхъ цивилизацій, какимъ же образомъ какая-либо цивилизація могла сдѣлаться измѣнчивой? Безъ сомнѣнія, многія цивилизаціи остались въ томъ же состоя-

ніи, въ какомъ онѣ были вначалѣ; безъ сомнѣнія, намъ легко понять теперь, почему неподвижность является общимъ правиломъ въ исторіи міра, а прогрессъ лишь весьма рѣдкимъ исключеніемъ; но мы не узнаемъ изъ всего этого, чтó именно вызвало прогрессъ въ нѣкоторыхъ немногихъ случаяхъ, или чего именно недоставало во всѣхъ другихъ случаяхъ, представляющихъ отсутствіе прогресса.

На этотъ вопросъ исторія даетъ ясный и замѣчательный отвѣтъ. Она говоритъ намъ, что переходъ отъ эпохи незыблемыхъ установленій къ періоду свободнаго выбора прежде всего совершился въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ правительство въ значительной степени, все болѣе и болѣе возраставшей, было доступно критическому отношенію и гдѣ эта критика имѣла своимъ предметомъ отвлеченные принципы или, какъ мы говоримъ, была дѣломъ убѣжденія. Цѣпь обычая была ранѣе всего порвана въ маленькихъ республикахъ Греціи и Италіи. «Свобода изрекла: да будетъ свѣтъ, и, какъ солнце поднимается на морѣ, такъ возникли Аѳины», говоритъ Шеллей, и его историческая философія въ этомъ случаѣ гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ это обыкновенно бываетъ у него. Свободнымъ, т. е. обладающимъ свободой, можетъ назваться такое государство, — какъ бы мы его не называли, республикой или монархіей, — въ которомъ власть раз-

дѣляется между нѣсколькими лицами, причемъ между этими послѣдними существуетъ нѣкотораго рода критическое отношеніе другъ къ другу. Изъ такихъ государствъ греческія республики были первыми въ исторіи, и Аѳины были величайшей изъ этихъ республикъ.

Послѣ завершенія этихъ событій легко усмотрѣть, почему исторія приводитъ насъ именно къ этому поучительному выводу. Легко видѣть, почему простое обсужденіе обыкновенныхъ поступковъ и обыкновенныхъ интересовъ можетъ сдѣлаться основой измѣненія и прогресса. Въ первобытномъ обществѣ оригинальность въ жизни воспрещалась и подавлялась опредѣленными жизненными правилами. Въ древней Греціи это могло являться въ меньшей степени, чѣмъ въ другихъ частяхъ міра; но и тамъ оно было весьма значительно. По удачному выраженію одного изъ новѣйшихъ писателей: «Въ тѣ времена законъ казался людямъ чѣмъ-то почтеннымъ и неизмѣннымъ, столь же древнимъ, какъ и тотъ городъ, въ которомъ они жили; онъ былъ установленъ самимъ основателемъ, когда тотъ заложилъ стѣны города и зажегъ его священный огонь.» Обыкновенному человѣку, который стремился бы проложить въ чемъ-либо новый путь или дать начало какому-нибудь новому и важному жизненному пріему, пришлось бы безусловно отказаться отъ этихъ нововведеній, если онъ не желалъ рисковать жизнью; ему ска-

зали бы, что онъ отступаетъ отъ законовъ, установленныхъ богами для его народа, и тѣмъ болѣе, ради лишь собственнаго каприза, не долженъ дѣлать этого. Съ другой стороны, его дѣйствія имѣли величайшее значеніе для всѣхъ остальныхъ членовъ общества. Вслучаѣ его ослушанія, кара боговъ могла бы обрушиться не на него одного, но и на весь народъ. За каждымъ участникомъ всякаго рода коллективыхъ дѣйствій въ древнее время признавалась возможность, привлекая гнѣвъ божества на самого себя, привлечь его въ тоже время на всѣхъ своихъ товарищей. Боязливые современники въ вѣкъ суевѣрій уничтожили бы одинокаго смѣльчака при первой его попыткѣ къ нововведенію. То, что Маколей считалъ непрерывнымъ источникомъ прогресса, — стремленіе человѣка улучшить свое положеніе — не могло проявляться тогда; отъ каждаго требовалось, чтобы онъ жилъ такъ, какъ жили его предки.

Этому времени были еще болѣе чужды «свобода мысли» и «развивающая наука», о которыхъ мы такъ много слышимъ въ настоящее время. Первымъ и самымъ естественнымъ предметомъ, на которомъ сосредоточивается человѣческая мысль, бываетъ религія; первымъ стремленіемъ полусвободнаго мыслителя является желаніе обратить свой разумъ на рѣшеніе великихъ задачъ человѣческой судьбы, — открыть откуда онъ пришелъ

и куда идетъ, составить для себя возможно разумную идею о Богѣ. Но, какъ удачно выразился Гротъ, «это-го-то именно древнія времена и не позволяли человѣку. Его *gens* или *φρατρία* требовали отъ него, чтобы онъ вѣрилъ такъ, какъ они вѣрятъ.» Вѣротерпимость принадлежитъ къ числу наиболѣе новыхъ идей; соображеніе о томъ, что недостаточная религіозность *A* не можетъ повредить интересамъ *B* ни въ этой жизни, ни въ будущей, какъ это ни странно кажется, выработана только новѣйшимъ временемъ. Пособіе «науки» въ этомъ фазисѣ человѣческой мысли еще болѣе ничтожно. Естественныя науки, какъ мы ихъ понимаемъ, т. е. систематическое изслѣдованіе внѣшней природы во всѣхъ частностяхъ ея, тогда еще не существовали. Немногія отдѣльныя поверхностныя наблюденія, календарь, правильный въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, таинственныя свѣдѣнія, преимущественно найденныя жрецами и находившіяся подъ ихъ охраной,—вотъ все, что тогда было извѣстно. Идея о томъ, что точное изученіе природы должно быть положено въ основаніе для открытія новыхъ орудій и областей мысли, тогда еще не появлялась. Эта идея вполнѣ принадлежитъ новому времени, и даже и въ настоящее время свойственна лишь немногимъ европейскимъ странамъ. Въ самомъ интеллигентномъ городѣ древняго міра, въ самую цвѣтущую эпоху его развитія, Сократъ, самый разумный изъ его обитателей,

не совѣтовалъ заниматься естественными науками, потому что онѣ порождаютъ сомнѣніе и не содѣйствуютъ счастью людей. Тотъ родъ знанія, который тѣснѣе всего связанъ съ человѣческимъ прогрессомъ въ настоящее время, тогда былъ наиболѣе чуждъ ему.

Но правительство, доступное критическому отношенію, если только оно могло появиться, разбиваетъ разомъ оковы незыблемаго обычая. Представляемая имъ идея критическаго отношенія къ жизни несовмѣстима съ идеей неизмѣнности обычая. Уже то обстоятельство, что какой-либо предметъ можетъ быть подверженъ критикѣ, въ виду того, что результатъ этой критики можетъ послужить дальнѣйшимъ руководящимъ началомъ, — само въ себѣ предполагаетъ допущеніе, что, по отношенію къ этому предмету, поддержка установленнаго закона не имѣетъ мѣста, а, напротивъ того, является возможность свободнаго выбора. Въ этомъ заключается также признаніе того, что не должно существовать какого либо священнаго авторитета, какого либо стоящаго выше другихъ и указаннаго божествомъ человѣка, которому общество обязано повиноваться въ этомъ дѣлѣ. А какъ только какой-либо предметъ или группа предметовъ будутъ подвергнуты критикѣ, даже еще до полнаго упроченія привычки къ критикѣ, священное обаяніе обычая исчезаетъ. «Демократія, сказалъ кто-то въ новѣйшее время, подобна могилѣ; она не возвращаетъ

того, что берегъ». То же можно сказать и о критикѣ. Стоитъ только разъ подвергнуть какой-либо предметъ этому испытанію, и его уже невозможно устранить потомъ; облечь его таинственностью или оградить какою-либо санкціею уже не удастся впослѣдствіи. Онъ останется на вѣки доступнымъ свободному выбору и открытымъ для обсужденія профановъ.

Предметами, которые ранѣе всего, до наступленія позднѣйшаго періода цивилизаціи, подвергаются общественной критикѣ, могутъ быть только вопросы, касающіеся видимыхъ и настоятельныхъ интересовъ общества т. е. политическіе вопросы высшей и неотлагательной важности. Если какая-либо нація пріобрѣла въ значительной степени привычку и обнаружила способность свободно относиться къ этимъ вопросамъ и рѣшать ихъ съ осмотрительностью, заниматься политическими дѣлами въ обширномъ размѣрѣ, но безъ всякихъ разрушительныхъ намѣреній, такой націи можно съ увѣренностью предсказать громадный прогрессъ во всѣхъ отрасляхъ цивилизаціи. Причина того можетъ быть прямо выведена изъ тѣхъ началъ, которыя мы признали руководящими для первобытной цивилизаціи. Первые до-историческіе люди были дикари, повиновавшіеся только своимъ страстямъ и пришедшіе къ извѣстному порядку, къ опредѣленной государственной формѣ, только съ величайшимъ трудомъ. Цѣлые вѣка были употреблены на

то, чтобы основать этотъ порядокъ и установить эту государственную форму. Единственнымъ достаточно сильнымъ и дѣйствительнымъ агентомъ въ этомъ дѣлѣ былъ освященный временемъ обычай; но затѣмъ этотъ обычай наложилъ свое иго на все безъ исключенія, остановилъ всякій внѣшній прогрессъ и убилъ въ людяхъ всякую оригинальность. Поэтому если нація способна воспользоваться полезной стороной обычая, избѣгая его вредной стороны, если, по прошествіи вѣковъ повиновенія, она можетъ совмѣстить и порядокъ и свободу выбора, роковыя преграды устраняются сразу, и обычныя пружины прогресса, какія мы наблюдаемъ въ современномъ намъ обществѣ, начинаютъ дѣйствовать съ свойственной имъ упругостью.

Въ то же время критика заключаетъ въ себѣ нѣкоторые, исключительно свойственные ей, стимулы прогресса, поощряя болѣе высокое умственное развитіе. Найти аргументы, которые необходимы, какъ опредѣляющее начало извѣстнаго политическаго дѣйствія, и высказать ихъ съ такой силою и убѣдительностью, чтобы они дѣйствительно имѣли это опредѣляющее значеніе, требуетъ проявленія высокихъ и сильныхъ умственныхъ способностей. Безъ сомнѣнія, всѣ такіе аргументы дѣйствуютъ условно: аргументъ, наилучшій въ отвлеченномъ смыслѣ, не всегда одерживаетъ верхъ. Политическая критики должна быть двигателемъ тѣхъ, кому приходится дѣйство-

вать; она должна, сообразуясь съ предшествующими идеями своей области, укладываться въ форму идей своего времени и говорить его языкомъ. Въ этихъ опредѣленныхъ условіяхъ, чѣмъ критика разумнѣе и рѣшительнѣе, тѣмъ болѣе она имѣетъ значенія для всякаго народа. Даже втеченіе одного дня было бы невозможно перенести правительство, основанное на критическихъ началахъ, которое, въ предѣлахъ своихъ предразсудковъ и своихъ идей, не предпочитало бы здраваго сужденія нездравому, трезвыхъ аргументовъ нетрезвымъ. Въ свободныхъ государствахъ высоко цѣнятся умы, способные къ логическому и критическому мышленію, и ничего, подобнаго тому, нельзя найти въ государствахъ иного характера.

Терпимость пріобрѣтается путемъ критики и, какъ показываетъ исторія, только этимъ путемъ. Во всѣхъ обществахъ, управляемыхъ вѣковымъ обычаемъ, слѣпая приверженность къ вѣрѣ имѣетъ руководящее значеніе. Въ необразованныхъ странахъ даже и теперь смотрятъ съ подозрѣніемъ на всякаго, кто высказываетъ что-либо новое, и такой человѣкъ, если онъ не осуждается закономъ, неизбѣжно обвиняется общественнымъ мнѣніемъ. Усвоеніе новой идеи бываетъ всегда труднымъ и непріятнымъ дѣломъ. Это, какъ выражаются обыкновенно, такъ «безпокойно»; это заставляетъ васъ опасаться, что, быть-можетъ, ваши любимыя понятія не-

вѣрны, ваши самыя твердыя убѣжденія неосновательны. Очевидно, до сихъ поръ въ вашемъ умѣ не было мѣста для этого новаго и безпокойнаго элемента, и теперь, когда онъ проникъ въ него, вы не сразу усматриваете, какія изъ вашихъ идей должны быть вытѣснены, съ какими изъ нихъ этотъ новый элементъ можетъ примириться и съ какими онъ никогда не будетъ ладить. Поэтому, весьма естественно, дюжинные люди ненавидятъ всякую новую идею и относятся враждебно къ человѣку съ оригинальнымъ умомъ, который высказываетъ ее. Нетерпимость нерѣдко замѣчается въ достаточной степени даже и среди тѣхъ націй, которыя уже съ давняго времени усвоили себѣ привычку къ критикѣ. Мы хорошо знаемъ, насколько въ Англіи, гдѣ вообще критикѣ доступно большее число предметовъ, чѣмъ гдѣ-либо и когда-либо въ мірѣ, ханжество до сихъ поръ еще пользуется авторитетомъ. Но для успѣшности критики терпимость необходима. Она не имѣетъ силы тамъ, гдѣ, какъ, напр., во французскомъ политическомъ собраніи, каждый старается заглушить непріятное для него мнѣніе. Всякая нація, способная выдерживать постоянное критическое отношеніе къ себѣ, навѣрно окажетъ единодушное стремленіе къ терпимости и будетъ неуклонно обнаруживать ее во всѣхъ случаяхъ своей жизни.

Правительство, дѣйствія котораго основаны на началахъ критики, можетъ служить орудіемъ возвыше-

нія своего народа, причемъ сила его зависитъ, при равенствѣ всѣхъ другихъ условій, отъ бо́льшаго или меньшаго значенія предметовъ, подвергаемыхъ критикѣ. Бываютъ періоды, когда великія идеи «носятся въ воздухѣ» и когда, по той или другой причинѣ, даже и самые обыкновенные люди проявляютъ чрезвычайную возвышенность мысли. Эпоха царствованія Елисаветы въ Англіи замѣтно отличалась подобнымъ характеромъ. Новая идея о реформаціи въ религіи и расширеніе *moenia mundi* (предѣловъ міра), благодаря открытію новыхъ и удивительныхъ странъ, все это, взятое вмѣстѣ, дало такой толчекъ мысли, подобный которому едвали можно встрѣтить въ другомъ періодѣ исторіи. Критика, не будучи еще безусловно свободной, была вообще уже несравненно свободнѣе, чѣмъ въ какую-либо иную эпоху и въ какой-либо иной странѣ. Соотвѣтственно тому, всякое дѣло развивалось въ то время особенно успѣшно. Поэзія, наука и архитектура, какъ ни велико различіе между ними и какъ ни далеки онѣ на первый взглядъ отъ вліянія такого дѣятеля, какъ критика, разомъ получили необычайное развитіе. Маколей могъ бы сказать, что сила, свойственная критикѣ, ясно видна въ «поэзіи Шекспира, въ прозѣ Бэкона, въ архитектурѣ Лонглита и Бёрлея». На самомъ дѣлѣ мы видимъ здѣсь лишь иное примѣненіе принципа, котораго я имѣлъ уже случай касаться, говоря о характерѣ періодовъ и

странъ. Если какая-либо способность особенно цѣнится въ извѣстномъ періодѣ, всѣ, обладающіе этой способностью, послужатъ образцами для подражанія, а всѣ, лишенные ея, станутъ предметомъ презрѣнія. Вслѣдствіе этого, такая способность должна развиться и обнаружиться съ чрезвычайною, невиданною до тѣхъ поръ силою. Въ извѣстныхъ предѣлахъ энергическая и возвышенная мысль пользовалась уваженіемъ во времена королевы Елисаветы, и потому число энергическихъ и возвышенныхъ мыслителей весьма увеличилось, и результатъ оказался гораздо значительнѣе вызвавшей его причины. Онъ былъ весьма ощутителенъ въ области естествознанія, которое до тѣхъ поръ занимало только весьма немногихъ, и положилъ начало реформѣ въ философіи, которая въ то время имѣла такъ много враговъ. Однимъ словомъ, настроеніе этого вѣка поощряло оригинальность, и вслѣдствіе этого оригинальные люди выдвинулись впередъ, свободно дѣйствовали въ томъ направленіи, какое было имъ по душѣ, достигали цѣлей, о которыхъ никто и не помышлялъ въ томъ вѣкѣ, и такимъ путемъ обезсмертили его.

Такимъ образомъ всѣ великія движенія мысли въ древнія и новыя времена близко совпадали по времени съ установленіемъ правительства, дѣйствія котораго были основаны на критическихъ началахъ. Аѳины, Римъ, итальянскія средневѣковыя республики, общины и ге-

неральные штаты феодальной Европы, всѣ оказывали особое оживляющее вліяніе, которое исходило изъ свойственнаго имъ свободнаго характера и которое всегда было чуждо государствамъ, лишеннымъ этой свободы. Въ эпохи величайшаго развитія мысли—въ Пелопонезскую войну, при паденіи Римской имперіи, во времена реформаціи и французской революціи,—такая свобода рѣчи и мысли производила свое дѣйствіе съ особенной силою.

Этимъ же объясняется то обстоятельство, что критическая способность дикихъ племенъ способствовала такъ мало къ ихъ высвобожденію отъ давленія ихъ деспотическихъ обычаевъ. Ораторское искусство сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, которые, благодаря своимъ особенностямъ, ранѣе всѣхъ другихъ дикарей привлекли къ себѣ общее вниманіе, получило весьма громкую извѣстность, а между тѣмъ сѣверо-американскіе индѣйцы едва ли производили лучшихъ ораторовъ, чѣмъ большинство другихъ дикихъ народовъ. Почти всѣ дикари, которые погибли при столкновеніи съ англичанинами, были еще лучшими ораторами, чѣмъ упомянутые индѣйцы. Но ораторское искусство ихъ ни къ чему не привело и не могло къ чему-либо привести. У нихъ подвергались критикѣ не принципы, а самыя дѣйствія; предметами ея служили вопросы: можетъ ли увѣнчаться успѣхомъ экспедиція *A*, и слѣдуетъ ли ее предпринимать; не окончится ли неудачей экспедиція *B*, и не слѣдуетъ ли прі-

остановиться съ ней; представляется ли селеніе *A* наиболѣе удобнымъ для разграбленія, или не удобнѣе ли ограбить селеніе *B*? Подобныя пренія усиливаютъ энергичность рѣчи, распространяютъ искусство обсужденія общественныхъ вопросовъ, развиваютъ краснорѣчіе и жестикуляцію, которыя оказываютъ такое сильное вліяніе на довѣріе слушателей. Но они не возбуждаютъ умозрительной способности, не склоняютъ людей къ обсужденію доктринъ отвлеченнаго характера, или къ критическому разбору принциповъ, дошедшихъ отъ прежняго времени. Если можно употребить это сравненіе, они, въ нѣкоторомъ матеріальномъ отношеніи, заботятся объ улучшеніи своихъ овецъ, удерживая ихъ въ овчарнѣ, но они не способствуютъ имъ, или не развиваютъ въ нихъ склонности, вырваться изъ овчарни.

Далѣе передъ нами является вопросъ: почему въ иныхъ случаяхъ критика касается весьма производительныхъ идей, а въ другихъ она затрогиваетъ лишь нѣкоторые частные запросы? Исторія даетъ на это ясный и убѣдительный отвѣтъ. Нѣкоторыя человѣческія расы, уже съ самаго ранняго времени ихъ исторіи, о какомъ только мы имѣемъ свѣдѣнія, обладали основами свободнаго общественнаго устройства; у нихъ уже были тогда зачатки сложнаго политическаго строя: государь, сенатъ и общее собраніе гражданъ. Греки были одной изъ этихъ расъ, и у нихъ, какъ это и должно было

быть, съ теченіемъ времени произошла борьба,—самая ранняя, какая только намъ извѣстна,—между аристократической партіей, представляемой сенатомъ, и народной партіей, представляемой «общимъ собраніемъ». Это не болѣе, какъ вопросъ о принципѣ, и такое положеніе вещей повело къ тому, что исторія его могла быть изложена слишкомъ двѣ тѣсячи лѣтъ спустя и весьма замѣчательнымъ образомъ. Лѣтъ семьдесятъ тому назадъ одинъ англійскій провинціяльный джентльменъ, по имени Митфордъ, который, подобно многимъ своимъ соотечественникамъ, сталъ опасаться своихъ аристократическихъ идей, ввиду первой французской революціи, неожиданно замѣтилъ, что исторія Пелопонезской войны представляетъ полное отраженіе его собственной эпохи. Онъ раскрылъ Ѳукидида и увидѣлъ въ немъ, какъ въ зеркалѣ, прогрессъ и борьбу своего вѣка. Чтобы увидѣть это, требовалась нѣкоторая свѣжесть ума; по крайней мѣрѣ, это оставалось незамѣченнымъ втеченіе многихъ столѣтій. Всѣ новѣйшіе историки Греціи до Митфорда имѣли объ этомъ лишь весьма смутное понятіе, и онъ самъ, не будучи человѣкомъ особенно оригинальнымъ, безъ сомнѣнія, не усмотрѣлъ бы этого обстоятельства, еслибы аналогія съ тѣмъ, что онъ видѣлъ, не послужила ему нагляднымъ объясненіемъ того, что онъ читалъ. Во всякой европейской странѣ въ 1793 г. существовало двѣ пар-

тіи: одна партія старинной аристократіи, а другая вновь возникавшей демократіи; совершенно такъ же въ каждомъ городѣ Греціи въ 400 г. до Р. Х. являлись двѣ партіи: партія меньшинства и партія большинства. М-ръ Митфордъ усмотрѣлъ это и, будучи крайнимъ аристократомъ, написалъ «исторію», которая вѣрнѣе всего можетъ быть названа памфлетомъ съ точки зрѣнія извѣстной партіи, и по этой причинѣ можетъ быть прочитана съ интересомъ даже и въ настоящее время. Страстность, проявляющаяся въ ней, придаетъ живость изложенію и приковываетъ къ себѣ вниманіе читателя. Но дѣло не ограничилось этимъ. Гротъ, великій ученый, котораго намъ недавно пришлось оплакивать, признавая также сходство между борьбой Аѳинъ и Спарты и борьбой, происходившей въ новѣйшее время, принялъ сторону, противную той, за которую стоялъ Митфордъ, и, будучи такимъ же крайнимъ демократомъ, на сколько Митфордъ былъ аристократомъ, написалъ возраженіе, по силѣ и учености далеко оставляющее за собой исторію Митфорда. Но сочиненіе Грота въ своихъ главныхъ чертахъ сходно съ первымъ; прежде всего оно проникнуто усиленной политической страстностью и предназначено для лицъ, по преимуществу интересующихся политической жизнью, противоположно большинству исторій древности, которыя обыкновенно заботятся лишь объ ученомъ достоинствѣ и пишутся главнымъ образомъ,

если не исключительно, для ученаго класса. Между тѣмъ дѣйствіе критики, лежавшей въ основѣ политической жизни, было одинаковымъ и въ древнія, и въ новѣйшія времена. Весь обычный строй мысли былъ сразу потрясенъ ею, и потрясенъ не только въ кабинетахъ философовъ, но и въ обыденной умственной сферѣ и ежедневной дѣятельности каждаго. «Освобожденіе человѣчества», какъ Гёте обыкновенно называлъ это, освобожденіе людей отъ ига унаслѣдованнаго обычая и неумолимаго, безусловнаго закона началось въ Греціи, и по преимуществу отразилось на ней во всѣхъ своихъ послѣдствіяхъ, и полезныхъ, и вредныхъ. Именно ввиду аналогіи между столкновеніями идей того времени и нашего вѣка, кто-то сказалъ, что «исторія классическаго періода составляетъ часть новой исторіи; только исторія среднихъ вѣковъ можетъ назваться древней».

Еслибы въ Греціи не существовало критики принциповъ, это, по всей вѣроятности, не препятствовало бы производительности ея въ дѣлѣ искусства. Такъ, напр., у Гомера мы такой критики не встрѣчаемъ. Рѣчи, помѣщенныя въ «Иліадѣ» и признаваемыя м-ромъ Гладстономъ, самымъ компетентнымъ изъ современныхъ знатоковъ этого предмета, прекраснѣйшими изъ всѣхъ, когда либо сочиненныхъ человѣкомъ, вовсе не представляютъ критики принциповъ. Въ нихъ такъ же мало стрем-

ленія къ критическому анализу, какъ и къ политико-экономическимъ началамъ какого-либо рода. Начало критической эпохи мы находимъ въ Геродотѣ. Въ сущности онъ принадлежитъ къ предшествующему, тогда уже заканчивавшемуся вѣку. Онъ съ почтеніемъ относится къ установленнымъ обычаямъ и господствующей религіи; вмѣстѣ съ тѣмъ въ своихъ путешествіяхъ по Греціи, онъ, безъ сомнѣнія, долженъ былъ встрѣчать множество разнообразныхъ политическихъ сужденій, и, сообразно съ этимъ, его книга содержитъ въ себѣ слѣды отвлеченнаго политическаго анализа въ самой зачаточной формѣ его. Разсужденія о демократіи, аристократіи и монархіи, которыя онъ вкладываетъ въ уста персидскихъ заговорщиковъ того времени, когда монархическая власть не имѣла представителя въ Персіи, по справедливости, можно признать нелѣпыми, если смотрѣть на нихъ, какъ на выраженіе образа мыслей подобныхъ людей. Ни одинъ азіятецъ никогда и не помышлялъ о такихъ вещахъ. Еслибы мы вздумали приписать ихъ Давиду или Саулу, мы были бы также близки къ истинѣ, какъ и Геродотъ, заставляющій своихъ персіянъ высказывать ихъ. Все это не что иное, какъ рѣчи настоящаго грека, исполненныя критически-свободнаго духа Греціи и внушенныя практикой критическаго отношенія къ жизни, уже достаточно развившейся тогда. Съ этого времени начинается кри-

тика политическихъ вопросовъ, и дѣйствіе ея отражается даже на Геродотѣ, который менѣе всего обладалъ полемическимъ характеромъ, оставаясь простымъ, добродушнымъ повѣствователемъ. При переходѣ къ Ѳукидиду, результаты этой критики становятся для насъ какъ нельзя болѣе замѣтными; умъ его является уже совершенно свободнымъ отъ цѣпей обычая и вполнѣ очищеннымъ отъ освященной временемъ рутины. Такъ же какъ исторія Грота часто напоминаетъ собою наши парламентскія пренія, и Ѳукидидъ нерѣдко какъ будто передаетъ рѣчи, или данныя для рѣчи, аѳинскаго собранія. О послѣдующемъ времени мы говорить не будемъ. Каждая страница Аристотеля и Платона носитъ на себѣ ясные и неизгладимые слѣды критической эпохи, въ которой они жили; большей свободы мысль едва ли достигала когда нибудь. Освобожденіе мыслительной способности отъ авторитета преданій и обычая было тогда полнымъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что освобожденіе отъ предразсудковъ и подчиненіе разуму, которые я указываю въ древнихъ Аѳинахъ, распространяются лишь на весьма незначительную часть населенія ихъ. Два обширные класса этого населенія, рабы и женщины, были почти вовсе отстранены отъ пользованія этими преимуществами; даже и среди свободныхъ гражданъ, безъ сомнѣнія, было гораздо болѣе крайне невѣжественныхъ и суевѣр-

ныхъ людей, чѣмъ мы это обыкновенно предполагаемъ. Мы привыкли отдавать наше вниманіе лучшимъ образцамъ аѳинской культуры—дошедшимъ до насъ литературнымъ произведеніямъ ея, и часто забываемъ, что въ своихъ коллективныхъ проявленіяхъ аѳинскій народъ въ различные критическіе моменты обнаруживалъ грубѣйшее суевѣріе. Тѣмъ не менѣе, по отношенію къ интеллигентной и образованной части общества, торжество разума было тогда полнымъ; высшіе философскіе умы были тогда также способны подчиняться очевидности и свидѣтельству разума, какъ и въ послѣдующее время; по всей вѣроятности, эта способность была даже болѣе развита у нихъ. Власть обычая, по крайней мѣрѣ, потеряла свою силу надъ ними, и основныя условія умственнаго прогресса были въ этомъ отношеніи вполнѣ соблюдены.

Мнѣ могутъ замѣтить, что я придаю слишкомъ большое значеніе классическому пониманію человѣческаго прогресса; что исторія почти также сохранила воспоминаніе и о прогрессѣ иного рода; что, въ извѣстномъ смыслѣ, и въ Іудеѣ существовалъ такой же прогрессъ, какъ и въ Аѳинахъ. Это положеніе никто оспаривать не будетъ, но слѣдуетъ прибавить, что прогрессивное начало касалось въ Іудеѣ только одной стороны жизни. Если мы оставимъ въ сторонѣ религію, и устранимъ все, чему евреи научились отъ иностранцевъ,

намъ едва ли придется отмѣтить что-либо новое во всемъ промежуткѣ времени между эпохой Самуила и эпохой Малахіи. Прогрессъ обнаруживался въ религіи, но внѣ ея его не существовало. Причина этого обстоятельства лежитъ въ источникахъ религіознаго развитія евреевъ. Во всей исторіи древности, во всемъ восточномъ мірѣ и во всѣхъ странахъ земли, которыя болѣе или менѣе остаются въ своемъ древнѣйшемъ первобытномъ состояніи, имѣются два класса учителей вѣры: первый — священники, которые наслѣдуютъ древнее, всѣми признанное откровеніе; другой — пророки, хранители новаго откровенія. Курціусъ вполнѣ вѣрно указываетъ на это различіе по отношенію къ Греціи, о чемъ исторія прежде всего говоритъ намъ:

«Положеніе пророка есть учрежденіе вовсе не сходное съ званіемъ жреца. Оно основапо на вѣрованіи, что боги находятся въ постоянномъ общеніи съ людьми, и въ своемъ управленіи вселенной, которое обнимаетъ какъ великое, такъ и малое, они не отказываютъ проявлять свою волю. Кромѣ того, всякое нарушеніе порядка въ нравственной системѣ человѣческаго міра, повидимому, должно необходимо обнаруживаться какимъ либо знаменіемъ въ мірѣ природы, если только смертные способны понимать и пользоваться этими божественными указаніями.

«Но для этого нужна особая способность, не при-

надлежащая къ числу тѣхъ, которые можно развить въ себѣ, подобно всякому человѣческому знанію или искусству; это особое благодатное состояніе, проявляющееся у отдѣльныхъ личностей и отдѣльныхъ семействъ, уши и очи которыхъ открыты для божественныхъ сообщеній, и которые причастны божественному духу болѣе, чѣмъ остальная часть человѣчества. Сообразно съ этимъ, ихъ дѣло и призваніе заключается въ томъ, чтобы служить орудіями божественной воли; отсюда исходитъ ихъ право противупоставлять свой авторитетъ всякой другой власти въ этомъ мірѣ. Легко понять, что столкновенія ихъ съ представителями власти иного порядка были неизбѣжны, и долго сохранявшіяся у грековъ воспоминанія о дѣятельности Тирезія и Калхаса доказываютъ, что цари героическаго періода встрѣчали въ прорицателяхъ не только помощь и поддержку, но также и смѣлую оппозицію и энергическій протестъ».

Подобная же оппозиція являлась въ Іудеѣ такъ же, какъ и во всякой другой странѣ. Все новое исходило отъ пророковъ; все старое поддерживалось священнической кастой. Но особенностью Іудеи,—особенностью, на объясненіе которой я не имѣю никакого притязанія,—было то, что пророческія откровенія, въ своемъ цѣломъ, оказывались всегда неоспоримо прогрессивными; въ каждую послѣдовательную эпоху они представляли все бо-

лѣе и болѣе высокія и совершенныя воззрѣнія на религію. Эта особенность не касается меня въ настоящее время. Я хочу показать только, что въ прогрессѣ, происходящемъ такимъ путемъ, не заключается той двигательной силы, какая свойственна прогрессу, вытекающему изъ жизненной критики. Придти къ какому-либо частному заключенію на основаніи *ipse dixit*, на основаніи признаннаго авторитета всѣми почитаемаго наставника, безъ сомнѣнія, не можетъ быть настолько же животворнымъ для испытующаго и вопрошающаго ума, какъ достиженіе того же заключенія путемъ самостоятельной работы. Вслѣдствіе того религіозный прогрессъ, вызванный пророками, былъ не въ силахъ разрушить древній уставъ властительнаго обычая. Вмѣсто того, оба начала соединились между собою. Въ каждомъ поколѣніи консервативная сила «строила гробницы» умершимъ пророкамъ и принимала ихъ ученія, и въ то же время она не переставала губить и преслѣдовать живущихъ пророковъ. Но критическое начало и начало обычая не могутъ входить въ союзы такого рода; ихъ «методы», какъ выразились бы новѣйшіе философы, совершенно противоположны другъ другу. Въ силу этого, прогрессъ классическихъ странъ постепенно привелъ къ полному пробужденію разума, тогда какъ прогрессъ въ Іудеѣ имѣлъ только частное значеніе и ограничился усовершенствованіемъ лишь въ области религіи. Такимъ об-

разомъ въ исторіи умственнаго развитія, прогрессъ классическаго міра занимаетъ высшее мѣсто, а прогрессъ Іудеи только низшее; но въ спеціальной исторіи теологіи взаимное положеніе ихъ является обратнымъ.

Таже область была предметомъ другого опыта. Средніе вѣка, хотя только до нѣкоторой степени, можно назвать періодомъ возвращенія къ авторитету обычая и отклоненія отъ классическаго навыка къ независимому и свободному мышленію. Я вовсе не предполагаю, чтобы эта характеристика среднихъ вѣковъ была вполнѣ точною и дѣйствительно выражала собою главныя выдающіяся черты этой эпохи; я не берусь также рѣшить, каково было въ дѣлѣ прогресса отношеніе ея къ предшествующимъ временамъ: поклонники ея утверждаютъ, что во многихъ частностяхъ она была несравненно выше классическаго періода, противники же ея держатся противуположнаго взгляда. Но и тѣ и другіе должны допустить, что общее очертаніе выдающихся особенностей среднихъ вѣковъ вполнѣ заключается въ приведенномъ выше опредѣленіи. Моя задача состоитъ въ то же время въ указаніи того, что характеристическое для среднихъ вѣковъ возвращеніе къ эпохѣ авторитета обычая, — т. е. къ той эпохѣ, которая предшествовала періоду владычества Аѳинъ, — было разрушено тѣмъ же путемъ, какимъ власть обычая была

уничтожена вліяніемъ Аѳинъ и другихъ подобныхъ дѣятелей, игравшихъ роль въ этомъ случаѣ.

Главнѣйшимъ дѣятелемъ при разрушеніи авторитета крѣпкихъ средневѣковыхъ обычаевъ, авториста, установившагося такъ прочно, что, казалось, онъ вовсе не будетъ имѣть конца, по крайней мѣрѣ, безъ особаго историческаго переворота, былъ народный элементъ древней общественной жизни, который въ средніе вѣка обнаруживался повсюду. Германскія племена принесли съ собою изъ своей древней родины политическую систему, заключавшую въ себѣ, на подобіе порядка классическихъ странъ, тройную власть—короля, совѣта и народнаго собранія; куда бы они ни направлялись, они несли съ собою эти политическія начала, измѣняя ихъ сообразно внѣшнимъ вліяніямъ и требованіямъ обстоятельствъ. Касательно Англіи, это было вполнѣ доказано Фримэномъ и Стёббсомъ и сдѣлалось доступнымъ для пониманія даже тѣхъ лицъ, которыя не могутъ претендовать на глубокія археологическія познанія. Исторія англійской конституціи, на самомъ дѣлѣ, есть сложная исторія народнаго элемента этой древней политической системы, который то ослабѣвалъ, то усиливался, но никогда не уничтожался вполнѣ, обладая всегда значительнымъ, хотя и измѣнчивымъ вліяніемъ, и въ настоящее время достигъ полнаго торжества. Исторія возрастанія его есть исторія англійскаго народа; критиче-

ское отношеніе къ этой государственной системѣ и критическая работа въ средѣ ея, борьба мнѣній относительно ея строенія и практическаго вліянія, были главными дѣятелями въ воспитаніи политическаго духа Англіи, насколько можно признать это воспитаніе. Но въ большей части европейскихъ государствъ, и въ особенности въ Англіи, вліяніе религіи было совершенно инымъ, нежели въ древнее время. Это вліяніе отличалось критическимъ характеромъ. Со времени Лютера вездѣ болѣе или менѣе укоренилось убѣжденіе, что каждый человѣкъ можетъ личнымъ умственнымъ процессомъ выработать для себя религіозныя убѣжденія, и что такая выработка является даже высшею изъ всѣхъ обязанностей. Вліяніе политической критики и вліяніе религіозной критики дѣйствовали въ союзѣ между собой такъ долго и такъ упорно и оказывали такое значительное дѣйствіе другъ на друга, что всѣ понятія о честности, вѣрности и власти и о правахъ власти, въ томъ видѣ, въ какомъ они были извѣстны въ средніе вѣка, въ настоящее время утратили всякое значеніе для мыслящихъ людей.

Правда, вліяніе критики было не единственнымъ, обусловившимъ этотъ результатъ. И въ древнія, и въ новѣйшія времена къ этому вліянію присоединялись и другія силы, дѣйствовавшія въ томъ же направленіи. Такъ, напр., торговля была одною изъ тѣхъ силъ, ко-

торыя видимо способствовали къ тѣсному сближенію людей различныхъ нравовъ и вѣрованій, и такимъ образомъ послужили къ измѣненію этихъ нравовъ и обычаевъ. Другою силою такого рода является колонизація: она переноситъ людей въ среду чуждыхъ имъ расъ и обычаевъ, и обыкновенно заставляетъ переселенцевъ не быть слишкомъ строгими въ выборѣ товарищей; колонистамъ приходится поддерживать полезныя для нихъ связующія начала и сближаться съ полезными для нихъ людьми, хотя бы ихъ традиціонные обычаи и не были сходны, или даже были совершенно противуположны съ обычаями этихъ новыхъ элементовъ, входящихъ въ ихъ среду. Въ новѣйшей Европѣ космополитическая церковь, которая имѣла притязаніе стоять выше расовыхъ отличій и дѣйствительно распространялась на всѣ народы, и разсѣянные остатки римскаго права и римской цивилизаціи содѣйствовали освобождающему вліянію политической критики. Такое же дѣйствіе оказывали и нѣкоторые другіе дѣятели. Но какъ бы то ни было, эти подчиненные дѣятели едва-ли могли бы сами по себѣ создать интеллектуальную свободу; конечно, во всѣхъ наиболѣе выдающихся случаяхъ, вліяніе критики было преобладающимъ въ дѣлѣ созданія этой свободы и было наиболѣе важнымъ и дѣятельнымъ началомъ въ средѣ ея.

Безъ сомнѣнія, для этого случая легко указать мно-

жество исключеній. Такъ, можно было бы замѣтить, что при дворѣ Августа умственная свобода вообще была достаточно развита, и обнаруживалось почти полное отрѣшеніе отъ древнихъ предразсудковъ; однако, свободное критическое отношеніе къ политическимъ вопросамъ тамъ вовсе не имѣло мѣста. Можно сказать даже, что все, чѣмъ славилось это время, вся красивая сторона его исходила изъ другой болѣе свободной эпохи: люди, которыми правила императорская власть, были воспитаны республикой. Тѣсное сближеніе самыхъ разнообразныхъ элементовъ во времена имперіи было, безъ сомнѣнія, уже само по себѣ неблагопріятно для унаслѣдованныхъ предразсудковъ и вполнѣ благопріятно для самостоятельной мысли. Тѣмъ не менѣе, за исключеніемъ области церкви, составляющей нѣчто особое, требующее спеціальнаго разсмотрѣнія, какъ немного имперія прибавила къ тому, что было ей оставлено республикой! За недостаткомъ способности свободнаго обмѣна идей, самыя идеи не могли быть плодотворными. Точно также, конечно, умственная свобода можетъ въ значительной степени распространяться изъ тѣхъ странъ, гдѣ существуетъ свободное критическое отношеніе къ политическимъ дѣламъ, и проникать оттуда въ тѣ страны, гдѣ эта свобода критики болѣе ограничена. Такимъ образомъ Франція XVIII вѣка была въ значительной степени обязана своей ум-

ственной свободой близкому сосѣдству и непрерывному общенію съ Англіей и Голландіей. Вольтеръ долго жилъ среди англичанъ, и каждая страница «Духа законовъ» ясно указываетъ, какъ много узналъ Монтескье отъ того же народа. Но, безъ сомнѣнія, только нѣкоторая сторона французской культуры могла быть порождена такимъ путемъ; въ этомъ случаѣ сѣмя могло появиться извнѣ, но самая почва принадлежала французамъ. Иначе это и не могло быть, такъ какъ было бы нелѣпостью отрицать въ такъ называемомъ «ancien régime» всякое критическое начало; въ немъ вовсе не было недостатка въ критикѣ, но самая форма правленія была неудовлетворительна, и поэтому критика не всегда имѣла возможность оказывать опредѣленное и достаточное вліяніе на политическую дѣятельность. Деспотизмъ, «умѣряемый эпиграммой», былъ такимъ правительствомъ, которое переносило аргументы даже разнузданной свободы въ различныхъ измѣнчивыхъ предѣлахъ, и въ дѣйствительности подчинялось этимъ аргументамъ, хотя и не признавалось въ томъ, уступая имъ порывисто и непослѣдовательно.

Хотя и въ новѣйшее, и въ позднѣйшее время правительство, основанное на критическихъ началахъ, служило самымъ могущественнымъ орудіемъ въ усовершенствованіи человѣчества, но, при самомъ своемъ появленіи, оно было весьма нѣжнымъ растеніемъ. Въ началѣ

многія обстоятельства были крайне неблагопріятны для него. При зарожденіи свободнаго государства, число примыкающихъ къ нему лицъ бываетъ по необходимости крайне ограниченнымъ. Существенный элементъ этой системы требуетъ, чтобы члены ея непосредственно знакомились съ присущимъ ей критическимъ началомъ. Въ древнѣйшую эпоху, когда чтеніе и письмо были затруднительнымъ дѣломъ, и представительство вовсе не было извѣстно, тѣ, которымъ престояло руководоствоваться критическимъ обсужденіемъ общественнагдѣла, должны были слышать сами это обсужденіе, сходиться лицомъ къ лицу съ ораторомъ и испытывать на себѣ личное вліяніе его. Первыя свободныя государства были небольшіе города, меньшія по величинѣ, нежели какія либо изъ извѣстныхъ намъ теперь политическихъ единицъ, за исключеніемъ Андорской республики, представляющей нѣкотораго рода остатокъ этихъ первобытныхъ государствъ. На рынкахъ провинціальныхъ городовъ, по нашему теперешнему выраженію, и по поводу мелкихъ вопросовъ маленькаго торговаго города, началось это критическое обсужденіе, и отсюда можно прослѣдить весь длинный рядъ его послѣдствій. Историческій изслѣдователь, по крайней мѣрѣ, я могу сказать это о себѣ, едвали можетъ видѣть такое мѣсто безъ особаго трогательнаго чувства, какъ бы бѣдно и вульгарно оно ни казалось. Но такіе маленькіе города

весьма слабы сами по себѣ. Численность и въ первобытныхъ, и въ позднѣйшихъ войнахъ составляетъ главный источникъ побѣды. А въ древнѣйшія времена встрѣчались особенно часто и были наиболѣе многолюдны государства только одного рода. Во всѣхъ странахъ міра мы находимъ обширныя населенія, связанныя традиціоннымъ обычаемъ и освященнымъ временемъ чувствомъ, подъ властью воина, нерѣдко чужеземнаго племени, который завладѣлъ ими самъ, или получилъ эту власть отъ своихъ предковъ, и твердо держитъ ее въ рукахъ. Эти обширныя населенія, управляемыя единой волей, должны были, безъ сомнѣнія, подавить и уничтожить безчисленное множество маленькихъ городовъ, свобода которыхъ тогда только что возникала.

Такимъ путемъ греческіе города въ Азіи подпали подъ персидское владычество, и тоже, конечно, предстояло и городамъ самой Греціи. Каждому школьнику вполнѣ очевидно, что только поразительная необдуманность и безпримѣрная неурядица персидскаго войска спасли Грецію отъ завоеванія и при Ксерксѣ, и при Даріѣ. Судьбы цивилизаціи находились тогда въ полной зависимости отъ самой незначительной случайности. Еслибы персидскіе полководцы выказали тогда лишь обычное для нихъ военное искусство и необходимую осторожность, въ чемъ не было ничего невѣроятнаго,

свобода Греціи погибла бы разомъ. Аѳины, подобно многимъ іонійскимъ городамъ на другомъ берегу Эгейскаго моря, были бы поглощены громаднымъ деспотическимъ государствомъ. Все, за что мы вспоминаемъ о нихъ теперь, не могло бы дать намъ этихъ воспоминаній, потому что оно никогда не существовало бы. Аѳинскіе граждане могли оставаться остроумными, искусными въ подражаніи и проницательными, но они не могли бы быть свободными и оригинальными. Римъ былъ избавленъ отъ опасности подпасть подъ владычество какого либо большаго государства, потому что по близости его такихъ государствъ не было. Древнѣйшія войны римлянъ происходили съ такими же городами, какъ и самъ Римъ, почти равными ему по величинѣ, хотя и уступавшими въ мужествѣ. Только послѣ покоренія Италіи, онъ могъ помѣряться съ азіатскими деспотическими государствами. Онъ уже достаточно усилился, чтобы совладать съ ними, прежде чѣмъ онъ развился настолько, чтобы соперничать съ ними на томъ же поприщѣ. Но такія счастливыя обстоятельства являются, и должны являться, только весьма рѣдко. Безчисленное множество маленькихъ городовъ, которые, быть можетъ, могли бы стать на ряду съ Аѳинами или Римомъ, погибло безъ слѣда, прежде чѣмъ появились первыя начала исторіи. Небольшіе размѣры и незначитель-

ная сила древнѣйшихъ свободныхъ государствъ всегда дѣлали ихъ легко доступными для уничтоженія.

Внутренняя ломкость ихъ была еще значительнѣе. При наступленіи эпохи критики, старыя, дикія наклонности человѣка прорываются наружу; даже въ новѣйшихъ обществахъ, гдѣ эти наклонности ослаблены уже цѣлыми вѣками культуры и подавлены цѣлыми вѣками повиновенія, какъ только критика касается какого либо жизненнаго вопроса, тотчасъ же происходитъ взрывъ рѣзкихъ и грубыхъ страстей. Вообще, какъ мы уже сказали, свободныя государства древняго времени легко уступаютъ внѣшнимъ разрушающимъ силамъ, но они еще болѣе наклонны разрушаться дѣйствіемъ внутреннихъ силъ.

Вслѣдствіе этого, подобныя государства встрѣчаются весьма рѣдко въ исторіи. Съ перваго взгляда на относящіеся сюда факты, абстрактное мышленіе легко можетъ придти къ выводу, что свободныя государства были свойственны только одной, особой расѣ. Бо́льшая часть свободныхъ учрежденій вообще, и въ особенности такія учрежденія, которыя и до сихъ поръ имѣютъ живыхъ представителей, являются потомками или первыхъ конституцій классическихъ націй, или первыхъ государственныхъ системъ германскихъ народовъ. Вся свобода современнаго намъ міра, всѣ свободныя идеи, выработанныя, повидимому, послѣдующею исторіей, мо-

гутъ быть сведены къ этому источнику. И классическіе, и германскіе народы принадлежатъ къ той расѣ, которую этнологи называютъ арійскою. Отсюда, повидимому можно заключить, что способность образованія свободныхъ государствъ была особенно развита въ этой группѣ человѣческаго рода и была по преимуществу свойственна ей. Къ сожалѣнію, факты нѣсколько противорѣчатъ этой простой и удобной теоріи. Прежде всего, свобода составляетъ удѣлъ далеко не всѣхъ представителей арійской расы. Восточные арійцы, — тѣ, напр., которые говорятъ нарѣчіями, происшедшими отъ санскрита,—принадлежатъ къ числу наиболѣе рабскихъ отдѣловъ человѣчества. Предложить бенгальцамъ свободное государственное устройство, или ожидать, что они могутъ выработать что либо подобное, было бы верхомъ безумія. Слѣдовательно, для того, чтобы человѣкъ могъ привыкнуть къ критическимъ началамъ въ жизни и могъ воспитаться въ идеяхъ свободы, недостаточно одного только арійскаго происхожденія. Кромѣ того, къ еще большей невыгодѣ опровергаемаго нами аргумента, исторія показываетъ намъ, что такую же способность къ свободѣ обнаруживали и нѣкоторыя не-арійскія расы. Карфагенъ, напр., былъ семитической республикой. Намъ не извѣстны всѣ частности его конституціи, но для нашей настоящей цѣли мы знаемъ о ней достаточно. Мы знаемъ, что тамъ въ правленіи участ-

вовало нѣсколько избранныхъ лицъ, и что въ этомъ правительствѣ вліяніе критическихъ началъ было непрерывнымъ, дѣятельнымъ и рѣшительнымъ. Безъ сомненія, Тиръ, метрополія Карфагена, другія тирскія колоніи, кромѣ Карфагена, и колоніи самаго Карфагена были такъ же свободны, какъ и этотъ послѣдній. Такимъ образомъ мы видимъ цѣлую группу древнихъ республикъ не арійской національности; одна изъ нихъ была древнѣе классическихъ республикъ, слѣдовательно, она ничего не могла заимствовать отъ нихъ. Это позволяетъ намъ ясно видѣть всю несостоятельность теоріи, которая считаетъ правительства, основанныя на критическихъ началахъ, исключительно свойственными лишь одной расѣ человѣческаго рода.

Но я не знаю никакой болѣе удобной теоріи, которую можно было бы противопоставить теоріи только что приведенной нами. Я не возьму на себя представить удовлетворительное объясненіе того обстоятельства, что нѣкоторое незначительное меньшинство человѣчества обладало, съ тѣхъ поръ какъ мы знаемъ о немъ, политическими началами, которыя съ теченіемъ времени привели къ критикѣ принциповъ, между тѣмъ какъ огромное большинство человѣчества не имѣло ничего подобнаго. Задавать такіе вопросы такъ же безполезно, какъ, напр., спрашивать—почему Мильтонъ былъ геніальнымъ поэтомъ, а Бэконъ былъ великимъ философомъ. На са-

*

момъ дѣлѣ, это—однородныя явленія, такъ какъ причины, дающія начало поразительнымъ разновидностямъ индивидуальнаго характера, и съ другой стороны, причины, дающія начало подобнымъ же національнымъ разновидностямъ, въ сущности однѣ и тѣ же. Я старался уже показать, что рѣзко обозначенный типъ индивидуальнаго характера, появившись однажды среди націи и получивши особенное предпочтеніе со стороны ея, имѣетъ всѣ шансы, чтобы укрѣпиться въ ней и сдѣлаться постояннымъ типомъ. Причины такого явленія я уже указывалъ выше. Признавши разъ, что подобный типъ произошелъ, намъ уже нетрудно объяснить его дальнѣйшее усиленіе и развитіе, но мы лишены всякой возможности указать — какимъ именно образомъ появляется первоначальный типъ съ этими любопытными особенностями, и отчего это совершается въ такомъ-то мѣстѣ предпочтительно передъ другими. Климатъ и «физическая» обстановка, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, безспорно, оказываютъ весьма значительное вліяніе; они являются однимъ изъ факторовъ въ этомъ дѣлѣ, но не единственнымъ факторомъ его. Въ дѣйствительности, мы находимъ множество несходныхъ расъ, живущихъ въ томъ же климатѣ и подвергающихся вліянію той же обстановки, и мы имѣемъ полное основаніе предположить, что эти различныя расы жили въ такомъ сосѣдствѣ между собою въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ.

Причиною происхожденія этихъ типовъ должно быть нѣчто, дѣйствующее извнѣ, на другое нѣчто, заключающееся въ самомъ племени и пріобрѣтенное имъ путемъ унаслѣдованія. Но что именно такое это «нѣчто», едва ли кто можетъ объяснить.

Тѣмъ не менѣе, какъ мнѣ кажется, исторія ставитъ для націи, способной къ политической жизни, извѣстныя условія, при помощи которыхъ эта послѣдняя доходитъ до критики принциповъ и такимъ образомъ подвигается по пути прогресса. Для этого нація должна обладать, во-первыхъ, отеческой властью въ какой либо формѣ, достаточно опредѣленной, чтобы семейная жизнь могла установиться съ необходимою силою и законченностью, и чтобы домашнее воспитаніе и домашняя дисциплина сдѣлались вѣроятными и возможными. Пока родство считается только со стороны матери и пока семейство является лишь какимъ-то неопредѣленнымъ понятіемъ, до тѣхъ поръ переходъ къ высшей политической жизни невозможенъ. Во-вторыхъ, эта высшая политическая жизнь слагалась, повидимому, только весьма постепенно, путемъ аггрегаціи семействъ въ кланы или роды (gentes), а клановъ въ націи, и затѣмъ посредствомъ дальнѣйшаго расширенія націй, которыя захватывали въ свою среду всѣ окружавшіе ихъ отдѣльные элементы, соединяя ихъ съ основною группою. Такимъ образомъ число партій, необходимыхъ

для критическаго обсужденія общественныхъ вопросовъ, возрастало въ первое время лишь весьма медленно. Въ-третьихъ, количество открытыхъ вопросовъ, какъ мы выражаемся теперь, т. е. такихъ предметовъ, на которыхъ останавливается выборъ общественнаго мнѣнія и къ которымъ можетъ быть приложено критическое обсужденіе, было въ первое время весьма ограниченнымъ. Вначалѣ обычай царствовалъ надъ всѣмъ, и хотя область свободныхъ выводовъ и расширялась, но это совершалось съ крайней медленностью. Если всѣ мои заключенія не ошибочны, эта область и не могла раздвигаться иначе, какъ весьма медленно. Обычай въ то отдаленное время составлялъ цементъ общества, и испытующее отношеніе къ обычаю неизбѣжно должно было потрясать общество. Но хотя существованіе этихъ условій и возможно прослѣдить на исторической почвѣ, и хотя философія даетъ намъ ключъ для объясненія необходимости этихъ условій, тѣмъ не менѣе они не вполнѣ рѣшаютъ вопросъ, почему нѣкоторыя націи обладаютъ политической жизнью, а другія нѣтъ. Можно сказать даже, что всѣ подобныя объясненія оставляютъ нѣкоторый осадокъ, не поддающійся анализу, куда входитъ множество темныхъ и непонятныхъ для насъ явленій.

II.

Такимъ путемъ развитіе политической жизни или развитіе критическаго начала ослабило узы древняго обычая, которые начинали уже стѣснять человѣчество, хотя нѣкогда служили ему помощью и поддержкой. Но это лишь одно изъ многихъ преимуществъ, которыя свободная политическая система доставляла, доставляетъ и будетъ доставлять человѣчеству. Я не намѣреваюсь писать дифирамбъ свободѣ, но я желалъ бы указать на три обстоятельства, на которыя до сихъ поръ не было обращаемо достаточнаго вниманія.

Цивилизованнымъ вѣкамъ достались въ наслѣдство такія свойства человѣка, съ помощью которыхъ онъ оставался побѣдителемъ въ варварскія эпохи, и эти свойства, во многихъ отношеніяхъ, не вполнѣ ладили съ условіями цивилизаціи. Главнымъ и существеннымъ преимуществомъ въ первобытныхъ періодахъ исторіи человѣческихъ расъ былъ импульсъ къ энергической дѣя-

тельности. Задачи, представлявшіяся тогда человѣку, были просты и ясны. Человѣкъ, производящій наибольшее количество тяжелой работы, убивающій наибольшее число оленей, или добывающій наибольшее количество рыбы, или, въ позднѣйшее время, умѣющій собрать наиболѣе многочисленное стадо, или обработать самое обширное поле,—имѣетъ и наибольшій успѣхъ. Нація, истребляющая своихъ враговъ быстрѣе другихъ или въ большемъ количествѣ, должна также преуспѣвать по преимуществу. Всѣ мотивы первобытнаго общества должны были располагать къ быстрой, непосредственной дѣятельности; промедленіе никогда не оставалось безнаказаннымъ; традиціонная мудрость этихъ временъ не переставала внушать, что «отсрочки всегда бываютъ рискованны», и что человѣкъ нерѣшительнаго характера, который «не спѣшитъ воспользоваться своей добычей», не будетъ имѣть шансовъ на успѣхъ въ этомъ мірѣ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, не долго уцѣлѣетъ въ немъ. Но въ то же время неспособность къ спокойной работѣ, раздражительное стремленіе къ непосредственному дѣйствію, является однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ неудачъ человѣчества.

Паскаль говорилъ, что бо́льшая часть бѣдствій нашей жизни происходитъ отъ того, что «люди не умѣютъ спокойно сидѣть на мѣстѣ». Хотя я не рѣшусь вполнѣ присоединиться къ этому мнѣнію, но я не

сомнѣваюсь въ томъ, что мы оказывались бы несравненно разумнѣе, еслибъ были болѣе способны къ спокойному отношенію къ жизни; тогда мы лучше знали бы, какимъ образомъ намъ нужно дѣйствовать, когда приходитъ время къ тому. Развитіе физическихъ наукъ, представляющихъ въ настоящее время обширную систему практическихъ истинъ, очевидныхъ для всякаго, лучше всего разъясняетъ нашу мысль. Еслибы не было спокойныхъ людей, проводившихъ цѣлую жизнь за изученіемъ коническихъ сѣченій, или другихъ столь же спокойныхъ людей, занимавшихся изученіемъ счисленія безконечно малыхъ величинъ или разработываніемъ теоріи вѣроятностей, т. е. самыми безполезными фантазіями, по мнѣнію практическихъ людей; еслибы «праздные звѣздочеты» не отдавались долгому и тщательному наблюденію за движеніемъ небесныхъ тѣлъ, тогда не существовало бы нашей новѣйшей астрономіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ не было бы у насъ «ни кораблей, ни колоній, ни мореплавателей», однимъ словомъ, не существовало бы ничего, что краситъ нашу современную жизнь. Нужны были цѣлые вѣка работы спокойныхъ, усидчивыхъ людей мысли, прежде чѣмъ могла развиться теперешняя шумная и разнообразная жизнь, и ея энергическіе дѣятели никогда не появились бы, еслибъ имъ не предшествовали ряды блѣдныхъ, преданныхъ своему дѣлу тружениковъ. И мы видимъ тоже почти во всей области но-

вѣйшей науки: она является произведеніемъ тѣхъ людей, которыхъ современники принимали за жалкихъ мечтателей, которыхъ осыпали насмѣшками за то, что они хлопочутъ о вещахъ, вовсе не касающихся ихъ, о которыхъ слагались пословицы, что они, наблюдая звѣзды, попадаютъ въ колодезь, которыхъ окружающіе считали самыми безполезными людьми. Но мы можемъ ясно видѣть, что еслибы такихъ людей было побольше, еслибы міръ не смѣялся надъ ними, а поддерживалъ ихъ, тогда накопленіе точныхъ знаній произошло бы гораздо ранѣе, чѣмъ произошло въ дѣйствительности. Эта спокойная работа встрѣчала для себя препятствіе въ раздражительномъ стремленіи къ дѣятельности, въ желаніи непремѣнно «что нибудь сдѣлать». Значительное число людей приносили съ собою на свѣтъ унаслѣдованный ими избытокъ энергіи и безпокойный характеръ, не позволявшій имъ отдаваться усидчивой работѣ мысли; и, мало того, эта безполезная суетливость ихъ мѣшала спокойно работать другимъ, которые, въ противномъ случаѣ, могли бы внести въ міръ много полезныхъ продуктовъ своего мыслительнаго труда.

Принимая въ разсчетъ какъ много наука сдѣлала для человѣчества и какъ много она продолжаетъ дѣлать для него, и имѣя въ виду, что излишняя энергія людей оказывается главной причиной, почему наука такъ поздно появилась въ мірѣ и до сихъ поръ еще такъ

бѣдна и слаба, намъ легко будемъ убѣдиться въ томъ, что излишнее стремленіе къ дѣятельности должно считаться великимъ зломъ. Но вредъ, причиняемый имъ, не ограничивается тѣмъ обстоятельствомъ, на которое мы только-что указали. Этотъ вредъ во многихъ случаяхъ можетъ быть еще значительнѣе. Какъ я уже говорилъ, избытокъ энергіи наслѣдуется человѣкомъ отъ тѣхъ временъ, когда жизнь была весьма несложна, объекты ея весьма ясны, и быстрота дѣйствій приводила обыкновенно къ желаемой цѣли. Если *A* убьетъ *B*, прежде чѣмъ *B* соберется убить *A*, тогда *A*, конечно, останется въ живыхъ и дастъ начало будущему поколѣнію. Но въ настоящее время жизненные результаты уже не такъ просты. Чтобы поступать правильно въ современномъ обществѣ, требуется большой запасъ предварительнаго изученія, вполнѣ усвоеннаго знанія жизни и достаточно развитаго соображенія; а приготовленіе такихъ запасовъ, необходимыхъ для правильнаго образа дѣйствій, требуетъ продолжительнаго времени, цѣлый обширный періодъ спокойнаго, чисто пассивнаго состоянія. Даже искусство убивать людей, которое въ прежнее время въ особенности пріучало ихъ къ быстротѣ дѣйствій, въ настоящее время требуетъ медленности и сдержанности. Полководецъ, слишкомъ наклонный къ поспѣшности, будетъ теперь худшимъ изъ полководцевъ; лучшимъ изъ нихъ будетъ

человѣкъ такого же типа, какъ Мольтке, который всегда безстрастенъ, насколько это возможно, который «молчитъ на семи языкахъ», и который, болѣе нежели кто бы то ни было, обладаетъ запасомъ свѣдѣній о томъ, какимъ способомъ можно вѣрнѣе всего уничтожать людей. Этотъ человѣкъ разыгрываетъ съ своимъ противникомъ сдержанную и обдуманную шахматную партію. Мнѣ кажется, теперь слѣдуетъ желать, чтобы искусство помогать людямъ нѣсколько сообразовалось съ современнымъ искусствомъ истреблять ихъ; на самомъ дѣлѣ мы видимъ, что воины стали весьма осторожны, а филантропы нисколько не утратили торопливости прежняго времени. Самымъ грустнымъ и тяжелымъ изъ всѣхъ нашихъ сомнѣній является, быть можетъ, сомнѣніе относительно того, слѣдуетъ ли считать благотворительность добромъ или зломъ. Конечно, филантропія дѣлаетъ много полезнаго, но она дѣлаетъ также очень много вреднаго. Она въ такой степени усиливаетъ порокъ, въ такой степени увеличиваетъ страданія, поддерживая въ цѣлыхъ классахъ болѣзненность и порочность, что является весьма возможнымъ поставить вопросъ—не слѣдуетъ ли считать ее вредной для міра? И все это происходитъ отъ того, что нѣкоторые добрые люди воображаютъ, будто они могутъ сдѣлать очень много быстрымъ образомъ дѣйствій, будто они приносятъ очень много пользы людямъ, давая

исходъ своимъ собственнымъ чувствамъ, будто, какъ только зло замѣчено, непремѣнно нужно хотя «что нибудь» сдѣлать, чтобы остановить и предупредить его. Можно надѣяться,—по крайней мѣрѣ многое располагаетъ къ этой надеждѣ,—что балансъ между хорошими и дурными послѣдствіями благотворительности окажется въ пользу благотворительности; едва ли кто рѣшится предполагать, что дѣло должно быть иначе, но для каждаго въ то же время должно быть ясно, что зло, причиняемое ею, составляетъ пока весьма тяжелый дебетъ. Мы полагаемъ, что мы могли бы быть избавлены отъ этой тяжести, еслибы филантропы, подобно многимъ другимъ людямъ, не повиновались въ своей дѣятельности унаслѣдованному ими отъ варварскихъ предковъ стремленію къ необдуманному, порывистому образу дѣйствій.

Даже и въ торговлѣ, которая составляетъ въ настоящее время одно изъ главнѣйшихъ занятій человѣчества и въ которой существуютъ очевидные признаки успѣха или неуспѣха, отсутствующіе во многихъ предпріятіяхъ другаго рода,—даже и въ торговлѣ, говоримъ мы, тщательный наблюдатель можетъ замѣтить то же расположеніе къ рискованнымъ и неосторожнымъ поступкамъ. Такого рода маніи, т. е. дѣйствія странныя, не оправдываемыя здравымъ смысломъ исходятъ, отчасти изъ неспособности людей оставаться въ пре-

дѣлахъ такого распространенія своего предпріятія, для котораго достаточно имѣющагося у нихъ капитала и которое возможно для нихъ безъ неразумнаго риска. Эти рискованныя, необдуманныя дѣйствія вызываются, безъ сомнѣнія, до нѣкоторой степени желаніемъ людей обогатиться какъ можно быстрѣе, но причиною ихъ въ значительной степени является также наклонность къ усиленной, порывистой дѣятельности. Такая наклонность къ усиленной работѣ превышаетъ предѣлы дѣятельности, которые были бы необходимы и полезны для этихъ людей и съ которыми они должны были бы сообразоваться. Размѣры ихъ денежныхъ средствъ требуютъ отъ нихъ ежедневно не болѣе, какъ четырехчасоваго труда, а имъ хочется быть занятыми, хочется быть за дѣломъ всякій день въ теченіе восьми часовъ, и этотъ излишекъ дѣятельности приводитъ ихъ къ полному разоренію. Имъ нужно было только сидѣть спокойно въ продолженіе этихъ лишнихъ четырехъ часовъ, и они могли бы сдѣлаться богатыми людьми. Къ тому же выводу приходимъ мы, наблюдая какъ люди относятся къ обычнымъ для нихъ развлеченіямъ; по крайней мѣрѣ намъ нетрудно замѣтить это у той части человѣчества, которая называетъ себя англичанами. Всѣ наши удовольствія: стрѣльба, охота, путешествія, лазенье по горамъ и пр., обращаются на самомъ дѣлѣ въ весьма трудныя и опасныя предпріятія. За гра-

ницей говорятъ обыкновенно, что «отдыхъ англичанина состоитъ въ самыхъ утомительныхъ путешествіяхъ», и это должно означать, другими словами, что громадная энергія и неутомимая дѣятельность, которыя создали для англичанъ ихъ высокое положеніе въ современномъ мірѣ, достаются иногда и такимъ людямъ, которые въ своей жизни не находятъ иного болѣе полезнаго приложенія своей энергіи и болѣе разумнаго поприща для своей дѣятельности.

Эта наклонность къ излишеству въ примѣненіи своихъ силъ выказываетъ замѣтные слѣды даже и въ области отвлеченныхъ умозрѣній. Было создано безчисленное множество философскихъ системъ, и эти системы рѣзко расходятся между собой; слѣдовательно, многія изъ нихъ никакъ не могутъ считаться истинными. Бездоказательныя отвлеченныя начала были въ неисчислимомъ количествѣ нагромождаемы другъ на друга различными страстно относившимися къ своему дѣлу мыслителями; эти начала тщательно распредѣлялись ими потомъ во всевозможные трактаты и теоріи, которыя должны были объяснить все, что̀ совершается въ мірѣ. Но ходъ міровой жизни спокойно продожался наперекоръ этимъ теоріямъ; и это было весьма счастливо, потому что ему трудно было бы слѣдовать этимъ теоріямъ, которыя указывали ему самыя противуположные пути. Зданіе философской системы можетъ оказы-

вать импонирующее дѣйствіе на юные или мало-раціональные умы, но вполнѣ образованные люди всегда относятся съ недовѣріемъ къ ней. Они готовы принять всякій полезный намекъ или указаніе, и самая незначительная истина, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, благопріятно встрѣчается ими. Но обширные фоліанты дедуктивной философіи всегда кажутся имъ подозрительными. Весьма возможно, что выводы ея вполнѣ вѣрны, по крайней мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ авторовъ мы въ этомъ не можемъ сомнѣваться, но насъ все-таки тревожитъ вопросъ—откуда взяты ея посылки? У кого бываетъ твердая увѣренность, что она говоритъ намъ полную истину, и только истину о трактуемомъ ею предметѣ? Напротивъ того, почти каждый увѣренъ напередъ, что онъ въ этомъ случаѣ имѣетъ дѣло съ странною смѣсью истины и заблужденій, и что не стоитъ тратить жизнь на размышленія о послѣдствіяхъ такихъ комбинацій. Однимъ словомъ избыточнаа энергія человѣчества раздула въ громадныя системы то, что могло бы ограничиться лишь незначительными указаніями.

Но если за древними системами мысли нельзя признать значенія настоящихъ философскихъ системъ, новѣйшему движенію противъ нихъ также нельзя довѣрять вполнѣ. Въ этомъ движеніи мы встрѣчаемъ тотъ же уже указанный нами основной недостатокъ. Въ этихъ революціонныхъ попыткахъ господствуетъ такая же из-

быточная энергія, какъ и въ упомянутыхъ нами примѣрахъ. Усиленное стремленіе къ дѣятельности направляется съ такою же готовностью и на ниспроверженіе, какъ и на созиданіе; даже для перваго готовность эта сильнѣе, потому что самое дѣло легче.

«Old things need not be therefore true,
O brother men, nor yet the new;
Ah, still awhile the old thought retain,
And yet consider it again» [1]).

Но это именно то, чего люди не дѣлаютъ. Они всегда поступаютъ разомъ и необдуманно; этого «пересматриванія вновь» у нихъ никогда не бываетъ.

Но можно сказать на это, какое отношеніе ко всему нами сказанному имѣетъ правительство, основанное на критическихъ началахъ? Можетъ ли оно дѣйствовать въ этомъ случаѣ какимъ либо предупреждающимъ или измѣняющимъ образомъ? Можетъ, и притомъ вполнѣ яснымъ и очевиднымъ для насъ образомъ. Если вы хотите пріостановить излишнюю быстроту и необдуманность въ дѣйствіи, поставьте непремѣннымъ условіемъ, чтобы не приступать къ нему до тѣхъ поръ, пока зна-

[1]) Старыя вещи не бываютъ истинными потому только, что онѣ стары.
Братья люди, то же можно сказать о новыхъ вещахъ;
Но все-таки не отказывайтесь отъ стараго,
Хотя въ то же время не забывайте пересматривать его вновь.

чительное число лицъ не обсудили его и не пришли относительно его къ извѣстному соглашенію. Если эти лица будутъ люди различныхъ темпераментовъ, различнаго образа мыслей и различнаго воспитанія, вы имѣете почти безусловную гарантію, что ничего не будетъ предпринято съ излишней поспѣшностью. Каждая категорія такихъ лицъ будетъ имѣть выразителя своихъ мнѣній; каждый изъ послѣднихъ представитъ свои характеристическія возраженія и противуположенія, и въ окончательномъ результатѣ ничего не будетъ сдѣлано, кромѣ очевидно необходимаго и полезнаго въ этомъ дѣлѣ. Во многихъ случаяхъ такая медленность можетъ быть опасной; во многихъ случаяхъ быстрота дѣйствія является предпочтительной. Военная экспедиція, какъ удачно выражается Маколей, не можетъ быть направляема «вѣчно разсуждающимъ совѣтомъ»; бываютъ и другія дѣйствія, которыя требуютъ единаго и полновластнаго руководителя. Но относительно разбираемаго нами предмета, т. е. предупрежденія слишкомъ поспѣшнаго дѣйствія и обезпеченія возможности правильнаго разсмотрѣнія дѣла, не можетъ быть лучшаго средства, какъ система критическаго обсужденія.

Враги такого образа дѣйствій, люди цѣнящіе только быстроту и рѣшительность въ дѣлахъ, понимаютъ это вполнѣ ясно. Они говорятъ обыкновенно, что настоящее время есть время «комитетовъ и комиссій»,

которые ничего не дѣлаютъ, изливаясь лишь въ безконечныхъ разсужденіяхъ. Главная непріязнь ихъ обращена на парламентское правленіе; они называютъ его, вмѣстѣ съ Карлейлемъ, «національной болтовней», они вычисляютъ количество часовъ, которое употребляется на это, и число рѣчей, произносимыхъ при этомъ, и съ грустью вспоминаютъ о томъ времени, когда Англія могла жить подъ управленіемъ одного Кромвеля, т. е. одного энергичнаго, деспотическаго человѣка, который исполнялъ то, чего желали другіе энергическіе люди, и исполнялъ это разомъ и рѣшительно. Всѣ эти нападенія повторяются уже давно и бываютъ весьма разнообразны; они исходятъ и отъ философовъ, изъ которыхъ каждому хочется провести въ жизнь свою систему, и отъ филантроповъ, желающихъ быстраго пресѣченія какого нибудь зла, и отъ революціонеровъ, добивающихся уничтоженія какого либо стараго учрежденія, и отъ новаторовъ, стремящихся положить начало новой эпохѣ. Всѣ эти возраженія ясно говорятъ за то, что система критическаго обсужденія служитъ главнѣйшей помѣхой для унаслѣдованнаго недостатка человѣческой природы, т. е. для желанія дѣйствовать быстро и рѣшительно, что́ въ первобытное время является какъ нельзя болѣе полезнымъ, но въ позднѣйшую, болѣе сложную эпоху ведетъ ко многимъ вреднымъ послѣдствіямъ.

*

То же обвиненіе противъ нашего вѣка принимаетъ иногда болѣе общую форму. Оно говоритъ, что теперь энергія вообще уменьшилась, что обыкновенные люди не обладаютъ уже той рѣшительностью, которая была свойственна имъ въ болѣе раннемъ возрастѣ нашего міра, что рѣшительность и быстрота дѣйствій нетолько не замѣчается въ комитетахъ и парламентахъ, но уже нигдѣ болѣе не обнаруживается. Я полагаю, что на самомъ дѣлѣ это дѣйствительно такъ, и, по моему мнѣнію, все это служитъ доказательствомъ, что унаслѣдованная нами отъ варварскаго времени привычка къ излишней быстротѣ дѣйствій ослабѣваетъ и уничтожается. Вовсе не считая за недостатокъ указываемые этими людьми качества нашего времени, я бы желалъ, напротивъ, чтобы жалобы ихъ имѣли еще болѣе дѣйствительныхъ основаній; на самомъ дѣлѣ я боюсь, что имъ еще не на что слишкомъ много негодовать. Правда, усиленно быстрая и насильственная дѣятельность до нѣкоторой степени уменьшилась теперь, но уменьшилась только на весьма незначительную долю сравнительно съ тѣмъ, чего мы должны были бы желать. И я вполнѣ убѣжденъ, что это благопріятное обстоятельство исходитъ въ значительной степени, по крайней мѣрѣ въ Англіи, отъ нашей правительственной системы, основанной на критическихъ началахъ, которая способствовала развитію нѣкотораго общаго умственнаго

уровня, общаго расположенія къ взвѣшиванію обстоятельствъ и увѣренности, что каждый вопросъ требуетъ всесторонняго обсужденія, чего именно недоставало болѣе древнимъ и фанатическимъ періодамъ исторіи міра. Въ этомъ лежитъ настоящая причина, почему наша энергія кажется слабѣе сравнительно съ энергіей нашихъ предковъ. Когда мы имѣемъ въ виду опредѣленную цѣль, необходимость которой очевидна для насъ и способы достиженія которой для насъ ясны, мы всегда съумѣемъ поступить именно такъ, какъ нужно. Наши теперешнія военныя кампаніи не менѣе энергичны, чѣмъ во всякое другое время; спекуляціи нашихъ торговыхъ людей обладаютъ большей быстротой, смѣлостью и силой, нежели какія либо спекуляціи прежнихъ временъ. Въ прежніе періоды нѣкоторое незначительное количество идей управляло людьми и обществами, но теперь, къ счастью, это уже невозможно. Мы можемъ видѣть, какъ несовершенны были эти старинныя идеи, какъ нѣкоторыя изъ нихъ, вполнѣ случайно, подчиняли себѣ одну націю, а иныя—иную, какъ часто одна партія людей преслѣдовала другую за мнѣнія о такихъ предметахъ, о которыхъ, какъ мы видимъ въ настоящее время, обѣ стороны не имѣли почти никакого понятія. Было бы, конечно, гораздо лучше, еслибы въ человѣчествѣ существовало болѣе средствъ для очевидной доказательности того или дру-

гого предмета; но такъ какъ подобной доказательности не существуетъ, и такъ какъ очевидность, которая вполнѣ убѣждаетъ одного, кажется другому пустою и неудовлетворительною, то намъ приходится признать полную законность и неизбѣжность сомнѣнія. Намъ пора перестать быть ханжами, не допускающими никакой критики, и преслѣдователями, лишенными опредѣленной вѣры и убѣжденія. Мы начинаемъ сознавать все это, и такому-то начинающемуся сознанію стараются ставить преграды. Но это большое благодѣяніе для насъ, и наши сомнѣнія обязаны своимъ существованіемъ непрерывно возрастающему преобладанію испытующей критики, а развитіе этой критики зависитъ въ значительной степени отъ продолжительнаго существованія правительства, требующаго постоянно преній, письменныхъ и изустныхъ.

Въ этомъ заключается одно изъ непризнанныхъ благодѣяній свободнаго правленія, одинъ изъ способовъ, которымъ оно противодѣйствуетъ усиленному проявленію нѣкоторыхъ унаслѣдованныхъ импульсовъ человѣчества. Есть еще и другое обстоятельство, относительно котораго оно дѣйствуетъ такимъ же образомъ, но котораго я могу коснуться лишь весьма осторожно, рискуя съ перваго взгляда показаться смѣшнымъ. Наиболѣе успѣвающія расы, при равенствѣ всѣхъ другихъ условій, обладаютъ способностью наиболѣе быстраго размноженія. Въ различныхъ столкновеніяхъ между людьми численность

всегда была большою силой. Болѣе многочисленныя группы всегда имѣли преимущество надъ менѣе многочисленными, и быстрѣе разростающіяся группы всегда стремились къ наибольшему усиленію. Вслѣдствіе этого человѣчество выработало въ своей цивилизаціи характеръ нѣкоторой неудовлетворенности, желанія, значительно превосходившія дѣйствительныя потребности. Достаточно пройтись по Лондону, чтобы убѣдиться въ томъ. Этотъ «большой грѣхъ большихъ городовъ» составляетъ зло, общее для всѣхъ нихъ. Между тѣмъ, въ состояніи ли мы вполнѣ оцѣнить значеніе того, что мы высказываемъ этими словами? Можемъ ли мы дѣйствительно видѣть, сколько жизней погибаетъ, сколько сердецъ разрывается, сколько организмовъ рушится, сколько умовъ страдаетъ, насколько горе усиливается казаться веселымъ, насколько веселость сознаетъ себя несчастной, сколько вездѣ душевнаго страданія, сколько вездѣ скрытыхъ и явныхъ болѣзней? А въ нравственной сторонѣ нашего міра, сколько умовъ снѣдается безпрерывной тревогой, сколько мыслящихъ людей, которые могли бы сдѣлать что либо полезное для человѣчества, лишены этой возможности отъ гнета мелкихъ заботъ, какъ много каждое поколѣніе приноситъ жертвъ для будущаго, какъ мало каждое изъ нихъ производитъ сравнительно съ тѣмъ, что оно могло бы производить! Сколько ирландцевъ могли бы быть доволь-

нѣе и счастливѣе, еслибъ только ихъ было меньше, и насколько въ то же время число полезныхъ людей изъ среды ихъ могло бы быть увеличено, еслибъ тому не мѣшали дѣтоубійство, пороки и нищета. Какъ тяжело должно быть для насъ заключеніе, что польза машинъ и новѣйшихъ промышленныхъ изобрѣтеній для облегченія ежедневнаго труда человѣческихъ существъ все-еще является сомнительной. Они даютъ возможность существованія большему количеству людей, но трудъ этихъ людей все-еще такъ же тяжелъ и положеніе ихъ такъ же скудно и бѣдственно, какъ и людей прежняго времени, когда такихъ работниковъ было меньше.

Но относительно этого послѣдняго стремленія можно сказать то же, что уже было сказано относительно стремленія къ излишней дѣятельности. Допуская, что въ этомъ случаѣ существуетъ нѣкотораго рода излишекъ, какимъ же образомъ основанное на критическихъ началахъ правительство можетъ уничтожить или уменьшить это зло? Уничтожить его оно, конечно, не можетъ, но уменьшить его оно можетъ и должно. Для доказательства того, что я не создаю аргументовъ для потвержденія такого, повидимому, ненормальнаго заключенія, я приведу нѣсколько строкъ изъ сочиненія м-ра Спенсера, философскіе труды котораго преимущественно содѣйствовали разъясненію этого предмета.

«Будущій прогрессъ цивилизаціи, который долженъ быть вызванъ непрерывнымъ давленіемъ населенія, долженъ сопровождаться увеличеннымъ расходомъ въ процессѣ индивидуализаціи, какъ въ строеніи, такъ и въ функціи, и въ особенности въ строеніи и функціи нервной системы. Мирная борьба за существованіе въ обществахъ, которыя становятся болѣе и болѣе многочисленными и сложными, имѣетъ своимъ спутникомъ возрастаніе большихъ нервныхъ центровъ въ ихъ массѣ, сложности и дѣятельности. Болѣе обширный запасъ чувствъ, необходимый какъ источникъ энергіи для людей, которымъ приходится удерживать занимаемое ими положеніе и воспитывать свои семьи при усиленной конкуренціи соціальной жизни, заключается, при равенствѣ прочихъ условій, въ соотносительно большей обширности мозга. Эти высшія чувства, необходимыя для наилучшаго саморегулированія, которое въ болѣе совершенномъ обществѣ одно только можетъ дать индивидууму возможность произвести болѣе устойчивое потомство, состоятъ, при равенствѣ прочихъ условій, въ соотносительно болѣе сложномъ мозгѣ; тоже можно сказать и вообще о болѣе многочисленныхъ, разнообразныхъ, общихъ и отвлеченныхъ идеяхъ, потребность въ которыхъ для жизненнаго успѣха возрастаетъ по мѣрѣ развитія общества. А такое болѣе обширное количество чувства и мысли, имѣющее начало въ мозгу, обладающемъ увеличеннымъ объ-

емомъ и болѣе развитымъ строеніемъ, при равенствѣ всѣхъ прочихъ условій, соотносительно съ большимъ истощеніемъ нервной ткани и большимъ потребленіемъ матеріаловъ, необходимыхъ для возстановленія ея. Такимъ образомъ, и по первоначальному расходу, потребному для ея строенія, и по дальнѣйшему расходу, потребному для ея дѣятельности, нервная система должна являться тяжелымъ налогомъ на организмъ. Мозгъ цивилизованнаго человѣка уже теперь почти на 30 проц. обширнѣе мозга дикаря. Уже теперь онъ представляетъ увеличенное разнообразіе, въ особенности въ распредѣленіи его извилинъ. Мы можемъ заключить, что и дальнѣйшія перемѣны, подобныя тѣмъ, какія имѣли мѣсто подъ вліяніемъ цивилизованной жизни, будутъ обнаруживаться и впослѣдствіи... Но всегда и вездѣ развитіе враждебно производительному распространенію. Какъ въ увеличенномъ ростѣ органовъ, находящемся въ подчиненной связи съ поддержаніемъ индивидуума, такъ и въ придаточной сложности строенія или въ высшей дѣятельности ихъ, отвлеченіе потребнаго матеріала необходимо приводитъ къ уменьшенію запаса матеріаловъ, нужныхъ для поддержанія расы. А мы видѣли, что этотъ антагонизмъ между индивидуаціей и генезисомъ становится необычайно замѣтенъ тамъ, гдѣ дѣло касается нервной системы, вслѣдствіе дорогой стоимости нервнаго строенія и отправленія. Въ § 346 была

указана видимая связь между высокимъ мозговымъ развитіемъ и продолжительной отсрочкой половаго созрѣванія; а въ §§ 366, 367 приведенные факты позволяли ясно видѣть, что исключительная плодовидость бываетъ всегда связана съ малой подвижностью ума, и что въ тѣхъ случаяхъ, когда въ періодѣ воспитанія происходила крайне усиленная умственная дѣятельность, нерѣдко, вполнѣ или отчасти, наступаетъ безплодіе. Отсюда одна изъ сторонъ дальнѣйшаго развитія, которое впослѣдствіи предстоитъ человѣку, должна привести, повидимому, къ упадку его воспроизводительной способности».

Другими словами, люди, которые желаютъ вести преимущественно интеллектуальную жизнь, или которыхъ судьба заставляетъ дѣлать это, имѣютъ менѣе шансовъ на многочисленное потомство, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда бы они не дѣлали этого. Для отдѣльныхъ примѣровъ это не всегда оказывается справедливымъ: такіе люди могутъ имѣть весьма много дѣтей, являясь людьми необыкновенной силы во всѣхъ отношеніяхъ. Но все-таки потомство ихъ не достигаетъ своего максимума; оно будетъ не такъ многочисленно, какъ могло бы быть, еслибы ихъ жизнь не была въ такой степени переполнена мыслями и заботами. Такимъ образомъ, въ среднемъ выводѣ, потомство умственно развитыхъ

людей является менѣе многочисленнымъ, чѣмъ потомство людей неразвитыхъ.

Допуская вѣрность этого философскаго положенія,— а къ этому предположенію, я увѣренъ, не откажутся присоединиться лучшіе мыслители нашего времени,—мы можемъ ясно видѣть въ какомъ отношеніи оно примѣнимо къ нашему вопросу. Ничто не служитъ такимъ развивающимъ началомъ для ума, какъ разумное критическое обсужденіе, и ничто такъ не способствуетъ этому обсужденію, какъ правительство, основанное на критическихъ началахъ. Постоянное пребываніе въ атмосферѣ умственной пытливости оказываетъ могущественное вліяніе на организацію какъ мужчинъ, такъ и женщинъ; въ этомъ каждый легко можетъ убѣдиться, взглянувши на жителей Лондона. Но во всякой расѣ мы находимъ только нѣкоторое опредѣленное количество силы; эта сила, направляясь въ извѣстную сторону, расходуется, и тогда не можетъ уже быть обращена въ какую либо другую сторону. Интеллектуальная атмосфера привлекаетъ эту силу къ вопросамъ умственной области; она стремится такимъ образомъ измѣнить направленіе этой силы, которую обстановка первобытнаго времени обращала на численное увеличеніе общества. Такъ какъ политическая система, основанная на началахъ критики, стремится прежде всего къ созданію умственной атмосферы, то мы можемъ ясно видѣть

отсюда, какимъ образомъ эти два предмета, казавшіеся столь отдаленными другъ отъ друга, сближаются на нашихъ глазахъ, и какимъ образомъ свободное правительство обнаруживаетъ стремленіе уменьшить вредъ унаслѣдованнаго нами излишества.

Наконецъ, политическая система, основанная на критическихъ началахъ, не только стремится уменьшить унаслѣдованные нами недостатки, но въ то же время, по крайней мѣрѣ въ одномъ изъ случаевъ, она стремится увеличить наши преимущества, могущія быть унаслѣдованными. Она стремится усилить и умножить незначительное качество или комбинацію качествъ, оказывающихъ нѣкоторую особенную пользу въ практической жизни. Качество, о которомъ я говорю, не легко поддается точному описанію, и результаты, къ которымъ оно приводитъ, потребовали бы для своего разъясненія не только немногихъ остающихся намъ страницъ, но, по крайней мѣрѣ, цѣлой обширной главы. Это качество я называю *воодушевленною умѣренностью*.

Еслибы у кого либо спросили, что̀ именно отличаетъ сочиненія геніальнаго человѣка, и въ то же время великаго міроваго дѣятеля, отъ всякихъ другихъ сочиненій,—я полагаю, онъ отвѣтилъ бы на это, что отличительная черта ихъ заключается въ воодушевленной умѣренности. Онъ сказалъ бы, что въ такихъ сочиненіяхъ не замѣчается ни излишней медленности, ни

излишней поспѣшности или преувеличенія; что въ нихъ проницательность соединяется съ разсудительностью и разсужденія никогда не бываютъ туманными; что въ нихъ такъ много оригинальности, какъ это можно найти лишь у странныхъ, почти ненормальныхъ умовъ, и въ то же время каждая строка ихъ отзывается необыкновенной здравостью и трезвостью. Лучшимъ и наиболѣе совершеннымъ примѣромъ сказаннаго нами въ англійской литературѣ является Скоттъ; Гомеръ былъ также совершеннымъ образцомъ этого рода, насколько мы можемъ судить о немъ; Шекспира иногда мы видимъ весьма долго на высотѣ этого идеала, но отъ времени до времени, вслѣдствіе недостатковъ своего воспитанія и порочности своей эпохи, онъ впадаетъ въ крайнія преувеличенія. Во всякомъ случаѣ и Гомеръ, и Шекспиръ, въ своихъ наиболѣе удачныхъ мѣстахъ, и Скоттъ, при полномъ неравенствѣ во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, обладаютъ общей для нихъ замѣчательной чертою, именно соединеніемъ жизненности съ соблюденіемъ мѣры, оригинальности съ разсудительностью.

Въ жизненной практикѣ развитіемъ этого качества англичане, по крайней мѣрѣ, какъ мнѣ кажется, превосходятъ всѣ другія націи. Противъ нихъ выставляютъ много обвиненій, и, вслѣдствіе ихъ непопулярности среди другихъ народовъ и вслѣдствіе ихъ собственной привычки бранить себя, въ такихъ обвинителяхъ не бываетъ

недостатка. Во всякомъ случаѣ, въ извѣстномъ смыслѣ, исторія Англіи можетъ быть названа исполненной успѣха; ея карьера не была лишена многихъ ошибокъ, но вообще она была искусной и побѣдоносной карьерой. И это зависѣло на самомъ дѣлѣ отъ обладанія этимъ особымъ качествомъ. Отчего именно зависитъ успѣхъ на комерческомъ поприщѣ? Отъ достаточнаго количества энергіи и отъ умѣнья останавливаться во-время на своемъ пути. Если вы пожелаете, чтобы вамъ охарактеризовали какого нибудь англичанина-практика, вамъ отвѣтятъ въ точности, или приблизительно, что это человѣкъ весьма живой и дѣятельный, но онъ знаетъ, когда ему надо показать свою силу. Въ немъ могутъ заключаться всевозможные недостатки: онъ можетъ быть неловкимъ, малообразованнымъ, неискуснымъ въ разговорѣ, но сочетанія энергіи и умѣренности никто не отниметъ у него. Быть можетъ, онъ не съумѣетъ объяснить, почему именно тогда-то онъ пріостанавливается, а въ другое время продолжаетъ свое движеніе; но все-таки, по какому-то неопредѣленному инстинкту, онъ пріостанавливается именно тогда, когда нужно, хотя бы передъ этимъ онъ и шелъ своимъ обычнымъ шагомъ.

Въ средѣ англійскихъ государственныхъ людей лучшимъ представителемъ такого типа былъ лордъ Пальмерстонъ. Безъ сомнѣнія, противъ него можетъ быть

высказано нѣсколько весьма серьезныхъ обвиненій. То поклоненіе, съ которымъ къ нему относились въ последніе годы его жизни, теперь уже прошло, обаяніе исчезло и магическое вліяніе его уже никогда болѣе не возродится. Мы можемъ думать, что свѣдѣнія его были скудны, что воображеніе его было узко или ограничено, что политическія стремленія его были недальновидны и ошибочны. Но, сколько бы мы ни возражали противъ самихъ его дѣйствій, мы едва ли чтó найдемъ замѣтить относительно его способовъ дѣйствія. Онъ всегда умѣлъ удерживать равновѣсіе и никогда не спотыкался; онъ всегда умѣлъ пріостановиться до наступленія дѣйствительной опасности. На самомъ дѣлѣ въ немъ былъ всегда достаточный запасъ *твердой умѣренности*; насколько это было возможно для такого живаго и подвижнаго человѣка.

Очевидно, что это одно изъ тѣхъ качествъ, которыя порождаютъ наиболѣе полезныхъ результатовъ въ практической жизни. Оно научаетъ людей видѣть, чтó дѣйствительно полезно для нихъ; оно надѣляетъ ихъ достаточной умственной проницательностью, безъ исключительнаго развитія умственныхъ способностей въ ущербъ другимъ; оно научаетъ ихъ, какъ надо дѣлать то, чтó кажется имъ полезнымъ, и какъ надо узнавать, что именно для нихъ полезно. Вполнѣ очевидно также, что правительственная система, допускающая всенародное обсуж-

денie общественныхъ вопросовъ, ведетъ къ образованiю этого качества. Сильный своеобразный умъ, наклонный къ крайнимъ мнѣнiямъ, быстро устраняется изъ политической жизни, а непрактическiй мыслитель, непригодный для жизни ученый, даже и одинъ день не можетъ оставаться въ этой сферѣ. Умѣренная энергiя въ физическомъ и умственномъ отношенiяхъ составляетъ существенную основу политической системы, дѣйствующей на началахъ критики; и можно сказатьвообще, что именно такой характеръ наиболѣе пригоденъ для дѣятельной жизни такого существа, какъ человѣкъ, въ такомъ мiрѣ, какъ нашъ современный мiръ.

Эти три благодѣтельныя стороны свободнаго правительства, при всемъ своемъ значенiи, являются второстепенными сравнительно съ той полезностью, какая была ему свойственна вначалѣ. Первое благодѣянiе его состояло въ освобожденiи человѣчества отъ устарѣлаго ига обычая, посредствомъ постепеннаго развитiя умственной пытливости и оригинальности. И оно продолжаетъ еще оказывать это дѣйствiе даже и на такихъ лицъ, которые, повидимому, совершено удалены отъ его влiянiя, и на такiе предметы, которыхъ оно, повидимому, вовсе не касается. Такъ м-ръ Мунделла, одинъ изъ самыхъ опытныхъ и даровитыхъ судей, сообщаетъ намъ, что англiйскiй ремесленникъ, хотя и уступаетъ въ трезвости, образованности и утонченности чувствъ ремесленникамъ нѣкото-

рыхъ другихъ странъ, но онъ значительно превосходитъ ихъ въ изобрѣтательности. Хозяинъ можетъ всегда расчитывать получить отъ него болѣе полезныхъ указаній, чѣмъ отъ ремесленника какой либо другой національности.

Далѣе, на весьма положительномъ основаніи, напр., принимая въ расчетъ положеніе Локка или Ньютона въ наукѣ прошлаго столѣтія, и положеніе Дарвина въ наукѣ нынѣшняго вѣка, можно заключить, что умъ англичанъ обладаетъ нѣкоторымъ качествомъ, которое позволяетъ имъ вырабатывать болѣе первоклассныя и оригинальныя научныя идеи, нежели это доступно другимъ націямъ съ большей научной культурой и съ бо́льшимъ распространіемъ интереса къ наукѣ въ ихъ средѣ. Въ обоихъ случаяхъ эта оригинальность англичанъ зависитъ отъ правительственной системы, основанной на критическихъ началахъ, которая способствуетъ возбужденію и оживленію всего общества. Такое правительство не заставляетъ народъ бояться какихъ бы то ни было послѣдствій мысли; вліяніе его долго дѣйствовало въ Англіи и породило большое количество людей, способныхъ пользоваться своей умственной энергіей именно такъ, какъ они этого желаютъ сами,—и количество такихъ людей тамъ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ какомъ либо деспотическомъ государствѣ. Дѣйствительная оригинальность составляетъ такое рѣдкое явле-

ніе въ человѣчествѣ и приноситъ такіе полезные плоды, что одинъ уже этотъ благодѣтельный результатъ свободной правительственной системы заставляетъ забывать проявляющіеся во многихъ случаяхъ второстепенные недостатки ея. Относительно ея мы имѣемъ право сказать вмѣстѣ съ Монтескьё: «какъ бы дорого ни обходилась намъ наша славная свобода, мы должны съ величайшей охотой уплачивать эту дань».

VI.

ОСЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКІЙ ПРОГРЕССЪ.

VI.

ОСЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКІЙ ПРОГРЕССЪ.

Печатанье предыдущихъ очерковъ было прервано моей серьезной болѣзнью и продолжительнымъ нездоровьемъ, послѣдовавшимъ затѣмъ. Въ настоящее время, соединяя ихъ вмѣстѣ, я бы желалъ прибавить еще нѣсколько краткихъ поясненій для лучшаго выраженія той аргументаціи, которую я въ нихъ старался провести. Поступая такимъ образомъ, я рискую впасть въ скучныя повторенія, но относительно такого важнаго и темнаго предмета самымъ крупнымъ недостаткомъ, по моему мнѣнію, можетъ быть только неясность и недосказанность.

Въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ я пытался показать, что причины менѣе значительныя, нежели ихъ обыкновенно представляютъ себѣ, могутъ измѣнить положеніе націи и обратить ее изъ состоянія за-

стоя въ состояніе прогресса, и наоборотъ. По большей части на эффектъ такого дѣятеля смотрятъ съ ложной точки зрѣнія. Обыкновенно полагаютъ, что онъ дѣйствуетъ на каждое отдѣльное лицо, и что вліяніе этого дѣятеля должно быть разсматриваемо лишь въ томъ дѣйствіи, которое онъ оказываетъ на каждаго. Но кромѣ этого разсѣяннаго дѣйствія, является еще другой результатъ этой причины, болѣе значительный и могущественный, именно новый образецъ характера, появляющійся въ націи. Тѣ характеры, которые подходятъ къ этому образцу, пользуются поощреніемъ и размножаются; напротивъ того, тѣ, которые отклоняются отъ него, подвергаются преслѣдованію и становятся малочисленнѣе. Черезъ одно или два поколѣнія общій видъ націи становится совершенно инымъ; выдающіеся въ ней характеристическіе люди, вызывающіе подражаніе, бываютъ уже совершенно другіе, и результатъ этого подражанія также не похожъ на прежній. Малоподвижная нація можетъ обратиться въ промышленную, богатая — въ бѣдную, религіозная — въ атеистическую, какъ бы по волшебству, если даже одна причина, даже и незначительная, или какое либо соединеніе причинъ, какъ бы мелки онѣ ни казались, обладаетъ достаточной силою, чтобы измѣнить наиболѣе уважаемые и наиболѣе презираемые типы общественнаго характера.

По моему мнѣнію, это начало можетъ помочь намъ

въ разрѣшеніи вопроса, почему столь немногія націи двинулись по пути прогресса, между тѣмъ какъ самый прогрессъ кажется намъ столь естественнымъ явленіемъ, и какая причина, или какой рядъ причинъ мѣшалъ этому прогрессу въ огромномъ большинствѣ случаевъ и давалъ ему мѣсто только въ незначительномъ меньшинствѣ ихъ? Но здѣсь мы встрѣчаемся еще съ нѣкоторыми предварительными затрудненіями: что такое прогрессъ и въ чемъ состоитъ деградація? Даже и въ мірѣ животныхъ мы не находимъ никакого правила въ этомъ родѣ, которое было бы общепризнаваемымъ у физіологовъ при опредѣленіи, что такое-то животное выше или ниже другого; подобный вопросъ часто представляетъ много противорѣчивыхъ рѣшеній. Въ болѣе сложныхъ комбинаціяхъ политической жизни человѣчества мы тѣмъ менѣе можемъ надѣяться найти какой либо общепризнанный критерій, который позволялъ бы намъ опредѣлить какая нація стоитъ впереди другой, или въ какомъ періодѣ своей жизни извѣстная нація шла впередъ, и въ какомъ она отступала назадъ. Архіепископъ Маннингъ имѣетъ свое мѣрило прогресса и деградаціи, а профессоръ Гёксли—свое, совершенно противоположное первому; то, что для одного является движеніемъ впередъ, будетъ казаться другому попятнымъ движеніемъ. У всякаго есть свои опредѣленныя цѣли, осуществленія которыхъ онъ желаетъ, и извѣстные обороты обстоятельствъ, которыя

кажутся для него непріятными и страшными, но мы видимъ, что желаемое однимъ близко совпадаетъ съ тѣмъ, чего боится другой. Точно также и въ области искусства—кто можетъ опредѣленно выразить, въ чемъ заключается прогрессъ или упадокъ его? Еслибы м-ръ Рёскинъ согласился съ какимъ либо изъ этихъ опредѣленій, онъ легко могъ бы впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою, и едвали какой нибудь обыкновенный изслѣдователь такихъ вопросовъ могъ бы сказать въ какомъ случаѣ онъ правъ, и въ какомъ неправъ.

Я боюсь, чтобы мнѣ не пришлось сознаться, выражаясь словами сэра Уильяма Гамильтона, что я разсѣкаю задачу, которой не могу разрѣшить. Я долженъ отклонить отъ себя всякія попытки рѣшенія различныхъ спорныхъ вопросовъ въ области искусства, нравственности и религіи. Но, отказываясь отъ такихъ рѣшеній, я полагаю, мы можемъ указать нѣкоторый осязательный, доступной повѣркѣ прогрессъ, если можно такъ выразиться, т. е. такой прогрессъ, который будетъ признанъ девяносто девятью сотыми всего человѣчества, противъ котораго не можетъ явиться никакой опредѣленной или организованной оппозиціи, и противники котораго, какъ бы ни измѣнчивы были ихъ мнѣнія и какъ бы ни разнообразны были ихъ возраженія, могутъ быть совершенно оставлены безъ вниманія.

Посмотримъ, въ чемъ состоитъ преимущество посе-

ленія англійскихъ колонистовъ передъ племенемъ австралійскихъ туземцевъ, которые ведутъ бродячую жизнь въ окрестностяхъ его. Въ одномъ и весьма существенномъ отношеніи, это преимущество вполнѣ неоспоримо. Колонисты могутъ во всякое время побѣждать австралійцевъ на войнѣ, отнимать у нихъ все, что захотятъ, и уничтожать ихъ по своему выбору, такъ какъ вообще можно принять за правило, что во всѣхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ земного шара коренные жители страны находятся совершенно въ рукахъ проникающихъ къ нимъ европейцевъ. Но это еще не все. Безспорно, въ англійскомъ населеніи существуетъ болѣе возможоости для счастливой жизни, большее скопленіе средствъ для удобнаго и веселаго препровожденія времени, нежели въ какомъ либо австралійскомъ племени. У англичанъ находятся всякаго рода книги, инструменты и машины, которыхъ австрійцы не употребляютъ, не понимаютъ и не цѣнятъ. Но при этомъ, кромѣ всякихъ частныхъ изобрѣтеній, мы встрѣчаемъ у нихъ и нѣкоторую общую силу, которая можетъ имѣть приложеніе для того, чтобы справляться съ тысячами затрудненій, и это составляетъ непрерывный источникъ счастья, потому что всѣ обладающіе такою силой постоянно чувствуютъ, что они могутъ пользоваться ею.

Если мы оставимъ въ сторонѣ болѣе возвышенные, но и болѣе спорные, вопросы о нравственности и религіи,

мы найдемъ, я полагаю, что наиболѣе очевидныя и общепризнанныя преимущества англичанъ состоятъ въ слѣдующемъ: во-первыхъ, они вообще несравненно лучше умѣютъ властвовать надъ силами природы. Хотя они могутъ уступать отдѣльно взятымъ австралійцамъ въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ физической ловкасти, напр, они не могутъ такъ искусно бросить бумерангъ, или такъ быстро добыть огонь посредствомъ тренія деревянныхъ палочекъ, но въ общемъ двадцать англичанъ своими орудіями и искусствомъ могутъ произвести въ матеріальномъ мірѣ несравненно болѣе измѣненій, чѣмъ двадцать австралійцевъ съ ихъ орудіями. Во-вторыхъ, эта сила не только внѣшняя, но и внутренняя. Англичане не только обладаютъ лучшими машинами для управленія силами природы, но они и сами по себѣ гораздо лучшія машины. М-ръ Бабеджъ показалъ намъ уже много лѣтъ тому назадъ, что главнѣйшая польза нашихъ машинъ состоитъ не въ увеличеніи силы человѣка, но въ лучшемъ регулированіи этой силы; вслѣдствіе этого цивилизованныя люди въ тысячѣ случаевъ могутъ производить, и дѣйствительно производятъ, всякаго рода работу несравненно лучше и точнѣе, нежели дикари. Въ-третьихъ, цивилизованный человѣкъ не только обладаетъ бо́льшими средствами для управленія природой, но онъ лучше знаетъ, какъ пользоваться ими т. е. онъ понимаетъ что́ именно полезнѣе для его физическаго и умственнаго здо-

ровья и комфорта. Онъ можетъ дѣлать сбереженія для своей старости, чего дикарь дѣлать не въ состояніи, за неимѣніемъ вѣрныхъ средствъ къ существованію; первый охотно дѣлаетъ эти сбереженія, потому что ясно видитъ предъ собой это будущее, на что легкомысленный дикарь совершенно не способенъ; первый преимущественно стремится къ мягкому, непрерывному удовольствію, тогда какъ дикарь любитъ дикое возбужденіе и предпочитаетъ одуряющее излишество. Эти три направленія, если не вполнѣ, то въ своей значительной части, могутъ быть резюмированы въ выраженіи м-ра Спенсера, что прогрессъ есть возрастаніе приспособленія человѣка къ его обстановкѣ, т. е. его внутреннихъ силъ и стремленій къ его внѣшней судьбѣ и жизни. Сказанное нами выражается отчасти также и въ древней идеѣ языческаго міра: mens sana in corpore sano. Я полагаю, что этотъ родъ прогресса можетъ быть изслѣдуемъ совершенно отдѣльно, такъ какъ подобный прогрессъ всегда оказывался благодѣтельнымъ для каждаго, кто принималъ и признавалъ его. Безъ сомнѣнія, всегда будутъ люди, подобные тому старому дикарю, который вернулся подъ конецъ жизни къ своему племени и сказалъ, что онъ въ теченіе 40 лѣтъ старался познать цивилизацію, но нашелъ, что это не стоитъ труда. Но намъ не зачѣмъ принимать въ разсчетъ невѣрныя идеи непригодныхъ для жизни людей и побѣжденныхъ расъ.

Во всякомъ случаѣ, болѣе простая форма цивилизаціи, болѣе простой путь нравственнаго развитія и болѣе простыя средства элементарнаго воспитанія являются очевидными выгодами. И хотя остается еще нѣкоторое мѣсто сомнѣнію относительно теоретическаго значенія этой идеи, но мы видимъ уже предъ собой широкій путь осязательнаго прогресса, который не только долженъ быть по душѣ всѣмъ людямъ, открывающимъ новыя идеи, и всѣмъ поклонникамъ ихъ, но котораго полезность и цѣнность будетъ всегда признаваема всякимъ, который однажды вступитъ на него.

Если только не дѣлать отвлеченій, подобныхъ приведенному выше, великій вопросъ—въ чемъ заключается причина прогресса, по моему мнѣнію, останется еще долго нерѣшеннымъ. Если мы на первое время не пожелаемъ ограничиться рѣшеніемъ болѣе простыхъ задачъ, тогда, какъ показываетъ намъ вся исторія философіи, мы никогда не будемъ въ состояніи приступить къ рѣшенію задачъ болѣе сложныхъ и трудныхъ. Научное самоуничиженіе достигаетъ своей высшей степени въ выраженіяхъ, часто повторяемыхъ самыми замѣчательными изслѣдователями, что въ области научныхъ изысканій, также какъ и на жизненномъ поприщѣ, тѣ, которые стараются возвысить себя, будутъ унижены, а тѣ, которые стараются унизить себя, будутъ возвышены; хотя мы остаемся, повидимому, лишь

въ весьма скромныхъ предѣлахъ, если будемъ стремиться къ изысканію законовъ простого удобства и благосостоянія нашей настоящей жизни, но мы должны заняться сперва этими болѣе элементарными вопросами, прежде нежели станемъ лицомъ къ лицу съ несравненно бо́льшими трудностями, которыя представляютъ намъ задачи высшаго искусства, нравственности и религіи.

Но даже и при такомъ ограниченіи, трудность рѣшенія нашей задачи является весьма значительной. Самые осязательные факты часто показываютъ намъ совершенно противоположное тому, чего, казалось, мы вправѣ были ожидать. Лордъ Маколей объясняетъ, что, въ каждой опытной наукѣ существуетъ стремленіе къ возможно большему усовершенствованію, и въ каждомъ человѣческомъ существѣ замѣчается склонность къ улучшенію своего состоянія. Такъ какъ эти два начала дѣйствовали обыкновенно всегда и вездѣ, мы могли бы ожидать, что они способствовали человѣчеству къ быстрому движенію впередъ. На самомъ дѣлѣ, принимая осязательный прогрессъ въ томъ смыслѣ, какой мы только-что придали ему, мы можемъ сказать, что природа награждаетъ за всякій новый шагъ въ области ея. Каждый, совершающій новые изобрѣтеніе, которое должно принести пользу ему и окружающимъ его, получаетъ новые шансы для пріобрѣтенія бо́льшихъ личныхъ удобствъ

и большаго уваженія со стороны окружающихъ. Отсюда, произвести какую либо новую вещь, «полезную въ человѣческой жизни и увеличивающую благосостояніе человѣка», повидимому, должно быть равносильно увеличенію личнаго счастья производителя. Дѣйствительно, изобрѣтенія приносятъ иногда большое вознагражденіе изобрѣтателю: новая болѣе удобная форма стальныхъ перьевъ, новый родъ платья, болѣе удобный или болѣе дешевый, часто доставляли людямъ большія состоянія. Промышленныя усовершенствованія приносили и въ первобытныя времена такую же награду, какъ и въ позднѣйшія, хотя выгода въ первомъ случаѣ была весьма скудна въ сравненіи съ тѣмъ, что мы видимъ въ развитомъ обществѣ. Природа, по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ, походитъ на школьнаго учителя: она даетъ лучшія преміи наиболѣе развитымъ и успѣвающимъ ученикамъ. Даже и въ первобытномъ обществѣ природа помогаетъ тѣмъ, кто хочетъ помочь самъ себѣ, и помогаетъ имъ въ значительной степени.

Все это, повидимому, должно было сдѣлать прогрессъ человѣчества, по крайней мѣрѣ въ принятомъ нами ограниченномъ смыслѣ, весьма обычнымъ явленіемъ; но на самомъ дѣлѣ мы встрѣчаемъ его весьма рѣдко. Вообще, какъ мы уже говорили состояніе застоя въ томъ видѣ, въ какомъ оно изображается въ исторіи, гораздо болѣе свойственно человѣку; прогрес-

сивное состоянія является лишь рѣдкимъ и случайнымъ исключеніемъ.

Прежде, чѣмъ началась исторія, въ той націи, которая была уже способна написать свою исторію, должно было быть значительное количество прогресса; иначе исторія оказалась бы невозможною. Для цивилизаціи большимъ шагомъ впередъ является способность къ описанію обыденныхъ жизненныхъ фактовъ, и при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи дѣла мы, быть можетъ, придемъ также къ убѣжденію, что подобнымъ же важнымъ шагомъ было и желаніе описать эти факты. Лишь весьма немногія расы сдѣлали этотъ шагъ; весьма немногія были способны къ самому незначительному проявленію исторической работы; написать исторію, подобную той, какая была составлена Өукидидомъ, для многихъ націй было столько же возможно, какъ, напр., создать, какое нибудь небесное тѣло. Съ того времени, какъ начинаются историческія воспоминанія, исторія застаетъ большую часть расъ неспособными къ систематическому описанію своего прошлаго, остановившимися въ своемъ развитіи, не прогрессирующими, и почти въ такомъ же состояніи мы ихъ видимъ и теперь.

Почему же очевидныя и естественныя причины прогресса (какъ мы называемъ ихъ теперь) не производили такихъ же очевидныхъ и естественныхъ результатовъ? Почему дѣйствительныя судьбы человѣчества были столь от-

личны отъ тѣхъ судебъ его, которыхъ мы должны были бы ожидать? Это именно тотъ вопросъ, который, въ различныхъ формахъ, я ставилъ въ предшествующихъ главахъ, и общій очеркъ рѣшенія котораго составлялъ главную цѣль, какую я старался достигнуть въ этомъ сочиненіи.

Прогрессъ *человѣка* требуетъ содѣйствія *людей* для своего развитія. Все то, что какой либо одинъ человѣкъ, или какая-либо одна семья, можетъ изобрѣсти для себя, очевидно, должно быть весьма ограниченно. Если-бы даже это и было иначе, едва ли было бы возможно прослѣдить такого рода изолированный прогрессъ. Самый грубый видъ кооперативнаго общества, самое низшее племя и самое слабое правительство настолько сильнѣе изолированнаго человѣка (если только онъ когда либо существовалъ въ такой формѣ, которая заслуживаетъ этого имени), что этотъ послѣдній весьма легко пришелъ бы къ своему уничтоженію. Первое положеніе, имѣющее отношеніе къ нашему предмету, заключается въ томъ, что человѣкъ можетъ прогрессировать лишь въ «кооперативныхъ группахъ». Это послѣднее выраженіе могло бы быть замѣнено словами:» націи или племена», но я употребилъ его именно потому, что немногіе могутъ усмотрѣть сразу кооперативный характеръ племенъ и націй и то обстоятельство, что именно этотъ характеръ составляетъ ихъ силу, что безъ крѣпкой кооперативной связи любое общество будетъ

завоевано и уничтожено всякимъ другимъ обществомъ, обладающимъ подобной связью. Въ видѣ втораго положенія, относящагося сюда можно указать то, что всѣ члены такой группы должны быть достаточно сходны между собою, чтобы производить общую работу легко и успѣшно. Кооперація во всѣхъ такихъ случаяхъ зависитъ отъ ощущаемаго всѣми единства сердца и ума, а это ощущается только въ томъ случаѣ, когда существуетъ въ значительной степени дѣйствительная одинаковость ума и чувства, какимъ бы путемъ эта одинаковость ни была пріобрѣтена.

Эта полезная кооперація и необходимое для того сходство умственнаго и нравственнаго направленія должны были произойти, по моему мнѣнію, дѣйствіемъ наиболѣе тяжелаго ярма (какъ мы сказали бы теперь, еслибы намъ пришлось вернуться къ старому) и самой ужасной тираніи, когда либо извѣстной между людьми—авторитета обычая. Въ своей болѣе ранней стадіи, эта сила никакъ не можетъ быть названа легкой и удобной; это—строгая, непрерывная и неумолимая власть. И она нерѣдко исходитъ изъ самыхъ дѣтскихъ источниковъ, получая свое начало въ случайномъ суевѣріи или какомъ либо мѣстномъ событіи. «Эти люди, говоритъ капитанъ Пальмеръ о жителяхъ острововъ Фиджи, крайне консервативны. Однажды одинъ изъ ихъ вождей шелъ по горной тропинкѣ, сопровождаемый длинной вереницей своихъ подчиненныхъ; въ это время онъ какимъ-то образомъ споткнулся

*

и упалъ; всѣ остальные тотчасъ же сдѣлали то же, за исключеніемъ одного изъ нихъ, который остался въ вертикальномъ положеніи, вѣроятно, считая себя нисколько не ниже своего начальника.» Можетъ ли быть что нибудь хуже подобной жизни, регулируемой такого рода повиновеніемъ и такого рода подражаніемъ? Безъ сомнѣнія, этотъ, примѣръ можетъ считаться исключительнымъ, но характеръ авторитета обычая, какимъ мы его видимъ повсюду въ его наиболѣе раннихъ ступеняхъ, заключается главнымъ образомъ въ грубомъ случайномъ пониманіи его; мы не можемъ сказать, какимъ образомъ онъ зарождается, и почему онъ исчезаетъ. Мы видимъ только, что онъ дѣйствуетъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ съ одинаковою непреклонною силой.

Необходимость такого формированія кооперативныхъ группъ посредствомъ незыблемыхъ обычаевъ объясняетъ необходимость изолированія для первобытнаго общества. Можно считать за несомнѣнный фактъ, что всѣ великія націи приготовлялись къ своей роли въ тишинѣ и въ сторонѣ отъ другихъ. Онѣ слагались вдалекѣ отъ всякихъ развлекающихъ вліяній. Греція, Римъ и Іудея формировались каждая сама по себѣ, и антипатія каждой изъ нихъ ко всѣмъ другимъ расамъ и другимъ нарѣчіямъ составляетъ одну изъ ихъ наиболѣе замѣтныхъ особенностей, принадлежащую всѣмъ имъ въ одинаковой степени. А инстинктъ первобытныхъ вѣковъ служитъ

вѣрнымъ руководителемъ потребностей этого времени. Сношенія съ иноземцами разрушаютъ въ такихъ государствахъ установленныя правила, которыя ведутъ къ формированію ихъ характеровъ; такія сношенія приводятъ къ умственному разслабленію и пріучаютъ къ безпокойной дѣятельности; созерцаніе невѣрія, которому никто не противудѣйствуетъ, разрушаетъ связующій авторитетъ религіознаго обычая и уничтожаетъ прочность соціальнаго строя.

Такимъ образомъ мы можемъ оцѣнить значеніе той подготовительной эпохи въ исторіи обществъ, когда торговля является вредною, потому что она мѣшаетъ обособленію націй, внушаетъ развлекающія мысли занятымъ своимъ дѣломъ общинамъ, «приноситъ чуждыя идеи къ чуждымъ берегамъ». Торговля, почитаемая нами въ настоящее время неистощимымъ благомъ, для той эпохи является страшнымъ зломъ и разрушительнымъ бѣдствіемъ; противуположно тому, война и завоеванія, которыя мы единогласно и вполнѣ справедливо считаемъ теперь зломъ, для того времени имѣютъ весьма выгодное и благодѣтельное значеніе. Только посредствомъ борьбы обычаевъ, дурные обычаи могутъ быть устраняемы, а полезные могутъ болѣе и болѣе размножаться. Завоеваніе есть премія, даваемая природой тѣмъ національнымъ типамъ, которые, благодаря обычаямъ своей націи, имѣютъ болѣе всего качествъ, способствующихъ по-

бѣдѣ на войнѣ, и во многихъ матеріальныхъ отношеніяхъ эти одерживающіе верхъ характеры оказываются на самомъ дѣлѣ наилучшими. Побѣдителями являются тѣ, которымъ мы должны были бы пожелать побѣды.

Точно также лучшія учрежденія имѣютъ естественное военное преимущество надъ плохими учрежденіями. Первой великой побѣдой цивилизаціи было покореніе націй съ неясно обозначенными семейными узами, основанными только на родствѣ по матери, націями съ опредѣленными семейными связями, исходившими отъ отца столько же, сколько и отъ матери, или даже отъ одного отца. Такія сплоченныя семьи составляютъ гораздо лучшую основу для военной дисциплины, нежели семьи съ слабой связью въ своей средѣ, которыя едвали заслуживаютъ даже названія семействъ, гдѣ родство по отцу вовсе не сознается обществомъ, и гдѣ лишь родство по матери считается достаточно опредѣленнымъ, чтобы служить основаніемъ для права или обычая. Націи съ системою полной семейной сплоченности стали «обладателями земли», т. е. онѣ завладѣли лучшими мѣстами въ наиболѣе оспариваемыхъ частяхъ ея, а тѣ націи, семейная система которыхъ была весьма слаба, должны были искать себѣ убѣжища на горныхъ хребтахъ или уединенныхъ островахъ. Семейная система, и въ особенности ея высшая форма, была столь исключительно системою, усвоенною цивилизаціей, что

образованное человѣчество едва ли можетъ признать какую либо иную; и еслибы мы не находили живыхъ представителей множества разбросанныхъ общинъ, составленныхъ «по образцу болѣе древняго міра», мы едва ли могли бы допустить даже возможность чего либо столь противоположнаго тому, съ чѣмъ мы сжились и къ чему мы привыкли. Послѣ подобнаго примѣра случайнаго и непостояннаго характера этого факта, легко повѣрить тому, что сотни весьма странныхъ учрежденій могли исчезнуть, не оставивъ послѣ себя не только воспоминанія, но даже какого бы то ни было слѣда, по которому наше воображеніе могло бы возсоздать ихъ.

Я не могу останавливаться болѣе на этомъ предметѣ, но я долженъ указать, что лучшія религіи имѣли значительное физическое преимущество, если можно такъ выразиться, надъ худшими. Онѣ заставляли довѣрчивѣе относиться къ окружающему міру. Дикарь, подверженный массѣ суевѣрій, боится выступать въ этотъ міръ; онъ не можетъ дѣлать того-то, потому что оно предвѣщаетъ ему недоброе, или долженъ дѣлать именно то, а не другое потому что оно обѣщаетъ ему счастье, или вообще не смѣетъ приняться за что бы то ни было, пока боги не высказали своей воли и не позволили приступить къ дѣлу. Но въ высшихъ религіяхъ нѣтъ мѣста подобной подчиненности и подобному ужасу.

Вѣрованіе грека

εἷς οἰωνὸς ἄριστος ἀμύνεσθαι περὶ πάτρης;

вѣрованіе римлянина, что онъ долженъ полагаться на боговъ Рима, потому что эти боги сильнѣе всѣхъ другихъ; вѣрованіе солдатовъ Кромвеля, что они должны «надѣяться на Бога и держать свой порохъ сухимъ», составляютъ великія ступени прогресса, употребляя это слово въ его тѣснѣйшемъ значеніи. Тѣмъ, кому были свойственны такія вѣрованія, эти послѣднія давали возможность видѣть міръ такимъ, каковѣ онъ есть, не руководясь какими либо нереальными доводами и не ограничивая себя какими либо мистическими соображеніями; когда имъ предстояло сдѣлать что либо, они дѣлали это по мѣрѣ своихъ силъ. И то, что я называю «укрѣпляющими» религіями, т. е. такія религіи, которыя придавали особую силу нѣкоторымъ моральнымъ качествамъ, напр., храбрости, любви къ справедливости и трудолюбію, оказывали прямое и вполнѣ очевидное дѣйствіе, подкрѣпляя тѣ расы, которыя держались ихъ ученій, и доставляя этимъ расамъ побѣду въ борьбѣ съ другими.

Безъ сомнѣнія, многія стороны первобытнаго усовершествованія вредны для военнаго дѣла; крайнее развитіе чувства красоты, любви къ размышленію, склонности къ культивированію умственной силы насчетъ физической, способствуетъ къ тому, чтобы сдѣлать человѣка менѣе воинственнымъ, нежели какимъ бы онъ могъ

быть при отсутствіи этихъ качествъ. Но все это—качества другихъ періодовъ исторіи. Первымъ дѣломъ первыхъ вѣковъ должно быть стремленіе связать людей крѣпкими узами грубаго, тяжелаго обычая; помощью борьбы націй, этотъ результатъ достигается наилучшимъ образомъ. Каждая нація есть «наслѣдственная кооперативная группа», связанная установленными обычаями, а изъ этихъ группъ тѣ получаютъ преобладаніе, обычаи которыхъ имѣютъ наиболѣе связующій и укрѣпляющій характеръ, т. е. другими словами, наиболѣе полезны и удобны. Большинство группъ, одерживающихъ побѣду и покоряющихъ другія, оказываются лучшими въ сравненіи съ тѣми, которыя уступаютъ имъ и погибаютъ, и этимъ путемъ происходило улучшеніе и усовершенствованіе первобытнаго міра.

Этотъ первобытный міръ съ установленными обычаями, безъ сомнѣнія, существовалъ долгіе годы. Въ исторіи первыхъ временъ, какія только доступны нашему познанію, выдѣляются великія монархіи, изъ которыхъ каждая была составлена изъ сотенъ группъ, связанныхъ обычаями, а каждая изъ такихъ группъ относила свое происхожденіе въ глубокую древность и, безъ всякаго сомнѣнія, существовала втеченіе множества поколѣній. Первый историческій міръ вовсе не смотритъ чѣмъ либо новымъ; онъ является уже весьма старымъ, и, всматриваясь въ него, мы видимъ, что

онъ неизбѣжно долженъ былъ существовать уже весьма издавна. Если человѣческая природа можетъ совершенствоваться только постепенно, каждое поколѣніе должно рождаться болѣе мягкимъ, болѣе спокойнымъ, болѣе способнымъ къ цивилизаціи, однимъ словомъ, болѣе *легальнымъ*, нежели предшествующія ему поколѣнія, а такія унаслѣдованныя усовершенствованія бываютъ всегда медленны и шатки. Хотя не многіе, даровитые люди могутъ разомъ подвигаться быстро, масса каждаго поколѣнія является лишь незначительно улучшенной сравнительно съ предыдущимъ поколѣніемъ; и даже подобное незначительное усовершенствованіе, пріобрѣтенное такимъ путемъ, склонно къ изчезновенію дѣйствіемъ нѣкотораго таинственнаго атавизма, нѣкотораго страннаго возвращенія къ первобытному прошлому. Длинные годы скучной и монотонной жизни являются первыми фактами исторіи человѣческихъ обществъ, но эти годы не пропали для человѣчества, такъ какъ именно въ то время создалась мягкость и уступчивость человѣческой природы.

Но главнѣйшимъ затрудненіемъ является не поддержаніе, а прекращеніе такого порядка вещей. Мы надѣваемъ на себя ярмо обычая для усовершествованія міра, но этотъ обычай является также и задерживающимъ началомъ. Въ тысячѣ случаевъ прогрессъ человѣчества былъ пріостановленъ въ этой первобытной формѣ его.

Онъ замеръ въ мертвомъ подражаніи своимъ первобытнымъ формамъ. Я уже старался показать какимъ образомъ, и какъ медленно и рѣдко это ярмо обычая могло быть устранено. Только правительство, основанное на критическихъ началахъ, порвало узы обычая и дало исходъ стремленію къ оригинальности, свойственной человѣку. Тогда, и только тогда, мотивы, которые лордъ Маколей считалъ обезпечивающими прогрессъ человѣчества, начали дѣйствовать на самомъ дѣлѣ. Тогда «наклонность каждаго къ улучшенію своего состоянія» начинаетъ пріобрѣтать значеніе, потому что только въ то время человѣкъ могъ измѣнять свое состояніе, будучи ранѣе того лишенъ такой возможности силою древняго обычая; тогда стремленіе каждаго механическаго искусства къ усовершенствованію начинаетъ пріобрѣтать силу, потому что артистъ получаетъ возможность стремиться къ совершенству, будучи до того времени принужденъ вращаться въ тѣсныхъ предѣлахъ издревле указанныхъ путей.

Какъ скоро этотъ великій шагъ сдѣланъ, всѣ, или почти всѣ, высшія способности человѣчества начинаютъ оказывать быстрое и опредѣленное дѣйствіе на осязательный прогрессъ, т. е. на прогрессъ въ самомъ тѣсномъ и наиболѣе употребительномъ значеніи этого слова. Съ той поры успѣхъ въ жизни начинаетъ зависѣть, какъ мы уже показали, по преимуществу

отъ воодушевленной умѣренности, отъ нѣкоторой комбинаціи умственной энергіи и умственнаго равновѣсія, трудной для достиженія и еще болѣе трудной для поддержанія. Этому неуловимому превосходству содѣйствуютъ всѣ наиболѣе утонченныя качества человѣчества. Можно считать несомнѣннымъ результатомъ обыденнаго наблюденія, что тонкость вкуса и тонкость сужденія, часто являясь раздѣльными, еще чаще встрѣчаются соединенными въ одномъ и томъ же лицѣ; человѣкъ, страдающій отсутствіемъ тонкаго вкуса, правда, можетъ дѣйствовать иногда разумно и правильно, но за него можно бояться, что онъ рано или поздно впадетъ въ грубую практическую ошибку. Въ метафизикѣ, вѣроятно, именно это указанное нами соединеніе вкуса и сужденія обнимается терминомъ «равновѣсіе ума», что должно означать способность къ настоящей объективности, способность выжидать, пока потокъ впечатлѣній въ области жизни или искусства вполнѣ сдѣлаетъ свое дѣло и оставитъ ясный отпечатокъ въ умѣ. И неправильно судящіе, и лишенные вкуса бываютъ обыкновенно энергичны до избытка: они работаютъ слишкомъ быстро и затемняютъ образы, являющіяся въ ихъ умѣ. Вслѣдствіе этого, единеніе между тонкимъ чувствомъ изящнаго и тонкою разсчетливостью въ образѣ дѣйствія—совершенно естественно, такъ какъ оно основано на общемъ обладаніи нѣкоторой утонченной способностью,

хотя на практикѣ этотъ союзъ нарушается нерѣдко. Сложный потокъ силъ и страстей смущаетъ людей въ ихъ жизни и дѣйствіяхъ и чувствуется весьма мало только въ болѣе спокойной области искусства. Такимъ образомъ развитіе тонкаго вкуса способствуетъ развитію функціи тонкаго сужденія, которая является главной поддержкой въ сложномъ мірѣ цивилизованнаго существованія. Такимъ же образомъ вырабатывается во многихъ случаяхъ тотъ путь, какимъ болѣе деликатныя стороны религіи дѣйствуютъ въ ежедневной жизни, производя ту «умѣренность», которая вообще необходима для продолжительнаго успѣха, понимая успѣхъ даже въ его наиболѣе узкомъ и житейскомъ значеніи. Впрочемъ, этотъ предметъ не можетъ касаться насъ въ настоящую минуту. Многіе изъ наиболѣе утонченныхъ и интеллектуальныхъ вкусовъ имѣютъ такое же ограничивающее вліяніе; они не даютъ развиться стремленію къ благамъ жизни, которое заставляетъ и отдѣльныхъ лицъ и цѣлыя націи спѣшить къ обогащенію и славѣ, причемъ имъ приходится дѣлать много, но дѣлать дурно, и въ концѣ всего оставаться лишенными и матеріальныхъ средствъ и почета.

Но намъ нѣтъ надобности болѣе распространяться объ этомъ. Для насъ должно быть вполнѣ ясно, что хотя эти лучшія и высшія качества человѣчества являются препятствіями и затрудненіями въ раннемъ бое-

вомъ періодѣ его исторіи, но въ позднѣйшую эпоху они оказываются его важнѣйшими опорами. Мы должны ясно видѣть также, что какъ скоро правительства, основанныя на критическихъ началахъ, становятся достаточно сильными, чтобы обезпечить для себя прочное существованіе, и какъ скоро они разрушаютъ установленную власть древняго обычая, пробуждая спящую изобрѣтательность человѣка, тогда на первое время каждая сторона человѣческой природы начинаетъ двигаться впередъ и начинаетъ содѣйствовать хотя бы самому ограниченному, самому очевидному прогрессу. И въ этомъ заключается истинная причина, почему всѣ панегирики свободѣ, какъ бы они ни были умѣрены по выраженію, являются въ дѣйствительности совершенно вѣрными жизни. Свобода есть укрѣпляющая и развивающая сила, тепло и свѣтъ политической жизни; если цезаризмъ обнаруживаетъ иногда, какъ это бываетъ нерѣдко, умственную оригинальность, это происходитъ только потому, что ему удалось усвоить себѣ продукты прежняго свободнаго прошлаго или сосѣднихъ свободныхъ странъ; но такая оригинальность является лишь непродолжительной и непрочной, и послѣ нѣкотораго времени, послѣ опыта одного или двухъ поколѣній, безъ труда и незамѣтно исчезаетъ.

Въ полномъ изслѣдованіи всѣхъ условій осязательнаго прогресса должно было бы быть разъяснено весь-

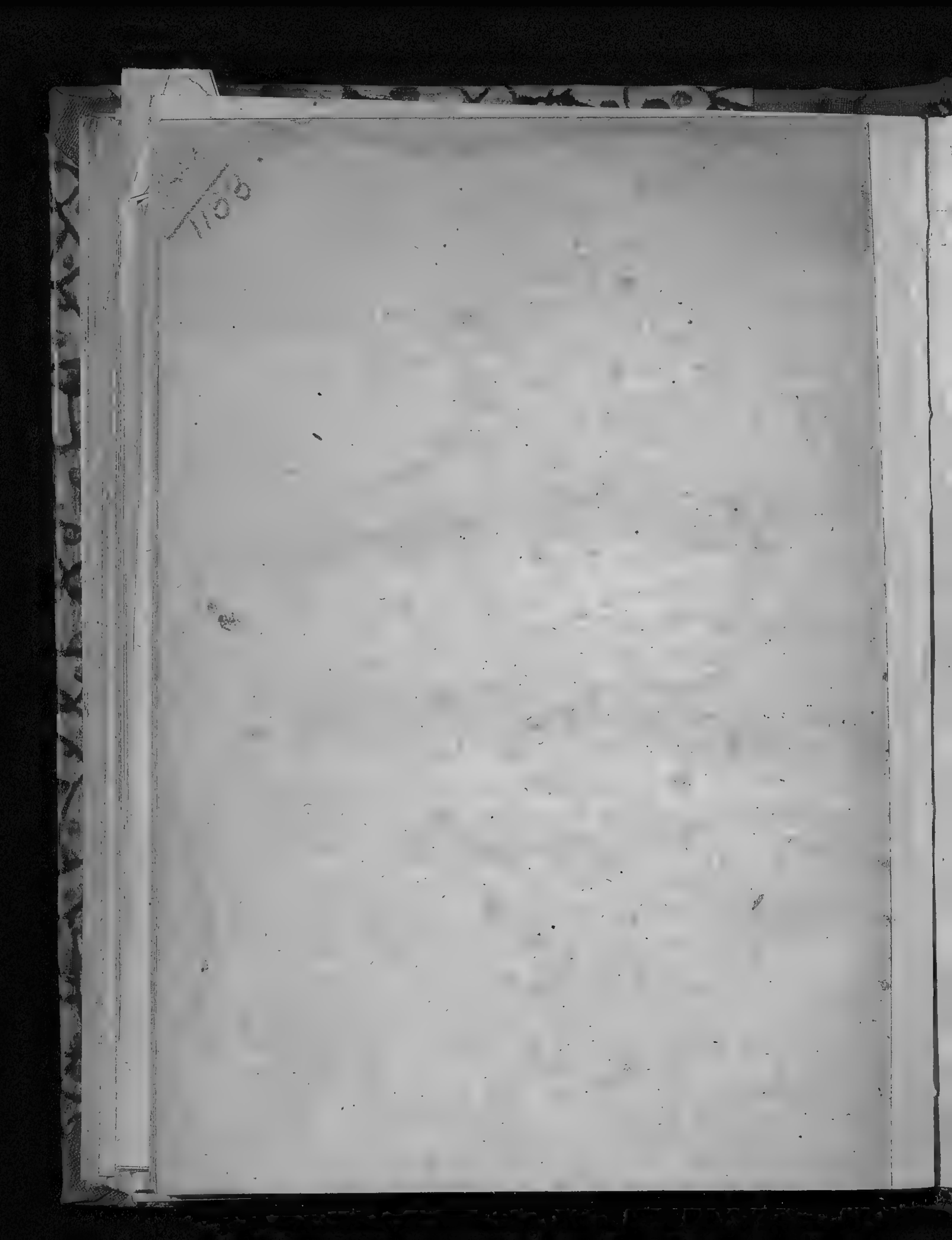
ма многое. Такъ, напр., какъ мы знаемъ, наука обладаетъ особыми, свойственными ей тайнами. Самые полезные уроки природы не начертаны на поверхности ея одежды; она повѣряетъ свои наиболѣе плодотворныя истины, тѣ, которыя даютъ наиболѣе счастья своимъ обладателямъ, только тѣмъ, которые прошли длинный путь предварительнаго отвлеченія. Разъяснить какъ слѣдуетъ кому либо законы движенія вовсе не легко; рѣшить даже самую простую задачу теоретической динамики для многихъ кажется недосягаемо труднымъ. Между тѣмъ именно отъ этихъ побочныхъ изслѣдованій, если можно такъ выразиться, находятся въ полной зависимости искусство мореплаванія, вся физическая астрономія и вся теорія физическихъ движеній. Никакая нація не можетъ напередъ представить себѣ, что такія великія тайны могутъ быть раскрыты подобнымъ путемъ. И многія націи, такимъ образомъ идущія по ложному пути, могутъ остаться позади другихъ націй, которыя нисколько не лучше ихъ, но которымъ случайно удалось вступить на правильный путь. Еслибы не существовало никакихъ путеводителей и никто не зналъ времени отхода поѣздовъ, человѣкъ, которому удалось бы попасть на курьерскій поѣздъ, не былъ бы нисколько умнѣе или дѣльнѣе того человѣка, который пропустилъ этотъ поѣздъ, а между тѣмъ первый все таки нѣсколькими часами ранѣе попалъ бы въ городъ, куда они направ-

лялись оба. Если я не ошибаюсь, именно въ такомъ положеніи нерѣдко находилось знаніе первобытнаго времени. Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ можетъ быть установлена полная теорія осязательнаго прогресса, слѣдуетъ дать отвѣтъ на нѣкоторые неотложные практическіе вопросы, и это послужило бы для опредѣленія условій развитія естествознанія; очевидно, вы не можете объяснить развитіе человѣческаго комфорта, если вы не знаете пути, какимъ люди изучаютъ и открываютъ предметы комфорта. Затѣмъ для полнаго разсмотрѣнія предмета, будемъ ли мы имѣть дѣло съ прогрессомъ или деградаціей, необходимъ цѣлый путь аналитическаго изученія для опредѣленія вліянія естественныхъ дѣятелей на человѣка и измѣненій этихъ дѣятелей. Но я не буду касаться этихъ вопросовъ; единственный путь къ рѣшенію этихъ великихъ задачъ состоитъ въ отдѣльномъ разсмотрѣніи ихъ. Моимъ намѣреніемъ было объяснить лишь предварительныя условія, необходимыя для прогресса и въ особенности первобытнаго прогресса. Я предпринялъ это преимущественно потому, что этотъ предметъ весьма недостаточно изученъ; если мои воззрѣнія окажутся ошибочными, пусть обсужденія ихъ вызовутъ другія мнѣнія, болѣе истинныя и совершенныя.

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Стр.	Напечатано:	Должно быть:
46	2 св.	именному	именно
63	8 сн.	вело	оно вело
143	1 св.	имъ	этимъ заключеніямъ
164	11 св.	у наслѣдованиомъ	въ унаслѣдованномъ
173	4 сн.	незнакомысъ и ис-кусствомъ	незнакомы съ искус-ствомъ

рльзъ Дарвинъ. Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Переводъ съ англійскаго. Изд. ред. журн. „Знаніе". Ц. 2 р. 50 к.

уардъ Тэйлоръ. Первобытная культура. Изслѣдованія развитія миѳологіи, философіи, религіи, искусства и обычаевъ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго. Изд. ред. журнала „Знаніе". 2 тома. Ц. за каждый томъ 3 руб.

Печатается и въ самомъ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ:

ВОПРОСЫ О ЖИЗНѢ И ДУХѢ.

Соч. Дж. Г. Льюиса.

(автора «Физіологіи обыденной жизни», «Жизнеописанія Гёте» и пр.).

Переводъ съ англійскаго.

ереводъ сдѣланъ съ корректурныхъ листовъ по соглашенію съ авторомъ).

Оканчивается печатаніемъ и выйдетъ въ свѣтъ въ самомъ непродолжительномъ времени:

Гербертъ Спенсеръ. Изученіе соціологіи.

Печатаются.

Бэнъ. Духъ и тѣло и ученіе объ ихъ соотношеніяхъ.
Марей. Механика животнаго организма.

Готовятся къ печати.

О. Шмидтъ. Теорія наслѣдственности и дарвинизмъ.
Маудели. Отвѣтственность въ болѣзненномъ состояніи.
Фогель. Химическія дѣйствія свѣта.
Бальфуртъ. Стюартъ—Сохраненіе энергіи.

